

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии

ВОЙНА И МИР В РАННЕЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Москва, 1994

ВОЙНА И МИР
В РАННЕЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

А.И.Першиц, Ю.И.Семенов, В.А.Шнирельман

**ВОЙНА И МИР
В РАННЕЙ ИСТОРИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

В двух томах

ТОМ II

Москва, 1994

Часть вторая

Ю.И.Семенов

**ВОЙНА И МИР
В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ
ПРЕДКЛАССОВЫХ И РАННИХ КЛАССОВЫХ
ОБЩЕСТВАХ**

Часть третья

А.И.Першиц

**ВОЙНА И МИР
НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
КОЧЕВЫЕ СКОТОВОДЫ**

Оригинал-макет подготовлен: *М.А. Зубаревой*
Художественное оформление: *Е.В. Орловой*

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
Российской Академии Наук

Подписано в печать 15.12.94 Формат 60х84¹/₁₆ Объем: 16,7 п.л. 18,3 уч. издл.
Тираж 250 экз. Цена договорная Заказ № 22

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии
117334 Москва, Ленинский проспект, 32А

ISBN 5-201-00949-2

© Институт этнологии и антропологии РАН, 1994
© Першиц А.И., 1994
© Семенов Ю.И., 1994
© Шнирельман В.А., 1994

Часть вторая

Ю.И.Семенов

**ВОЙНА И МИР
В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДКЛАССОВЫХ
И РАННИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ**

I

ПРЕДКЛАССОВЫЕ ОБЩЕСТВА И ПЕРВОЕ КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО - ПОЛИТАРНОЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1. Проблема граней между первобытным, предклассовым и классовым обществами

Прежде чем перейти к рассмотрению войн в предклассовом и раннеклассовом обществе, нужно определить понятия и предклассового и раннеклассового общества. Под раннеклассовым обществом в данной главе мы будем понимать классовое общество, каким оно было на ранних стадиях своего развития. Под предклассовым понимается такое, которое лежит между собственно первобытным обществом, с одной стороны, и собственно классовым, с другой.

По существу эпохи первобытного, предклассового и классового общества были выделены давно. Шотландский мыслитель А.Фергюсон в книге "Очерк истории гражданского общества" (Ferguson, 1767) в далеком прошлом человечества выделил, во-первых, дикое состояние, во-вторых, варварское состояние. Первое характеризовалось отсутствием частной собственности, совместным трудом и совместным потреблением. С переходом к варварскому состоянию возникает частная собственность и различные отношения зависимости. Дикое и варварское состояния А.Фергюсон объединяет под общим названием грубого, примитивного состояния и противопоставляет его цивилизованному состоянию, для которого характерно общественное разделение труда, классы и государство. В дальней-

шем дикость, варварство и цивилизация как последовательно сменяющиеся стадии развития человечества, встречаются в работах многих исследователей XIX в., включая Л.Г.Моргана (Morgan, 1877).

Эпоха предклассового общества длилась много веков и даже тысячелетий. Важным является вопрос о гранях, отделяющих предклассовое общество от собственно первобытного, с одной стороны, и собственно классового, с другой. С нашей точки зрения, гранью между собственно первобытным и предклассовым обществом является возникновение частной собственности и основанной на ней эксплуатации человека человеком. Первоначальных форм эксплуатации человека человеком существует много. Но достаточно появления хотя бы одной из тех, что основаны на частной собственности, для признания данного общества уже не первобытным, а предклассовым.

Классовое общество возникает в разных формах. Но в какой бы оно не возникло, существуют единые признаки, свидетельствующие о том, что переход от предклассового общества к классовому уже произошел. Эти признаки: с одной стороны, систематическое сооружение монументальных каменных или кирпичных строений, с другой, письменность.

На первый взгляд кажется, что принимая подобный критерий мы пользуемся иным принципом, чем тот, что лег в основу отделения предклассового общества от собственно первобытного. Здесь мы берем изменения в материальной и духовной культуре, а там - перелом в развитии производственных отношений. Но это лишь на первый взгляд. Производственные отношения определяются уровнем развития производительных сил. Но возникая и развиваясь, новые производственные отношения вызывают к жизни новые производительные силы и тем самым обеспечивают резкий рост прибавочного продукта (см. Семенов, 1985).

Именно быстрое возрастание объема прибавочного продукта и нашло свое выражение в окончательном оформлении особой материальной и духовной культуры господствующего класса отличной от ранее единой (в эпоху первобытной общины) культуры общества, теперь трансформировавшейся в культуру социальных низов. Тем самым окончательное расщепление ранее единой материальной и духовной культуры общества на культуру господствующего класса и культуру социальных низов, прежде всего крестьянства, является вполне четким показателем того перелома в развитии классовых производственных отношений, каким был переход от предклассового общества к классовому.

2. Община в предклассовом обществе

В собственно первобытном обществе основной единицей была вначале ранняя первобытная, а затем поздняя первобытная община. С переходом к предклассовому обществу началось формирование крестьянско-общинного уклада. Оно шло по разному. В одних случаях формирующийся крестьянско-общинный (или иначе пракрестьянско-общинный) уклад был единственным существующим в рамках общины, что совершенно не обязательно означало, что он был единственным в масштабах общества. На стадии предклассового общества наряду с однообщинными социально-историческими организмами могли возникнуть и возникали социально-исторические организмы, включавшие в свой состав несколько общин.

Когда пракрестьянско-общинный уклад был единственным в рамках общины, сама община являлась формирующейся крестьянской (пракрестьянской) общиной. Она состояла из формирующихся крестьянских (пракрестьянских) дворохозяйств. Пракрестьянская община была хозяйственным организмом, а пракрестьянские дворы - хозяйственными ячейками (об этих понятиях см. Семенов, 1982б). Пракрестьянско-общинный способ производства не был антагонистическим. Но он был той основой, на которой формировались самые разнообразные отношения эксплуатации.

В определенных условиях те или иные отношения эксплуатации могли образоваться внутри общины вполне самостоятельные общественно-экономические уклады. Такая община несмотря на наличие в ней пракрестьянско-общинного уклада не может быть названа пракрестьянской. Она представляла собой такую сельскую общину, для которой было характерно наличие более или менее резко выраженной социальной стратификации. Ее можно было бы назвать страто-пракрестьянской общиной. Если пракрестьянская община с переходом к классовому обществу чаще всего превращалась в крестьянскую, то страто-пракрестьянская могла трансформироваться в страто-крестьянскую. Существовал не один, а несколько типов страто-пракрестьянской общины.

3. Эксплуатация человека человеком и ее формы

Понятие эксплуатации употребляется как в узком, так и широком смыслах. В узком смысле эксплуатация есть безвозмездное присвоение (переход в собственность) одной группой людей доли общественного продукта, созданного другими людьми. В более широком смысле под эксплуатацией понимается также и безвозмезд-

ное присвоение одними людьми услуг со стороны других людей. В дальнейшем изложении будет рассматриваться эксплуатация только в узком смысле слова. Объектами такого рода эксплуатации могут быть только производители материальных благ. Важнейшим понятием характеризующим такого рода эксплуатацию является категория прибавочного продукта. Эксплуатация в строго научном смысле слова есть присвоение прибавочного продукта.

Это присвоение может происходить по-разному. Можно выделить две основные его формы. При первой основной форме эксплуатации человека человеком происходит непосредственно в процессе собственно производства. Процесс производства есть одновременно и процесс эксплуатации человека человеком. При этом весь продукт или, по крайней мере его часть (прибавочный продукт) создается производителями не как их собственность, а как собственность иных людей, которые тем самым выступают в роли эксплуататоров. В данном случае отношения эксплуатации выступают как отношения собственно производства.

В свою очередь внутри этой основной формы можно выделить две основные разновидности. Одна из них характеризуется тем, что производственные отношения, в рамках которых происходит процесс производства, образуют единую целостную систему - определенный общественно-экономический уклад. Бытие определенного общественно-экономического уклада означает существование определенного способа производства. И этот способ производства представляет собой одновременно и определенный способ эксплуатации человека человеком.

Во втором случае производственные отношения, в рамках которых происходит процесс производства, не образуют целостной системы, т.е. общественно-экономического уклада, а существуют в неукладной форме, в качестве придатка к общественно-экономическому укладу, образованному отношениями другого типа, т.е. всего лишь в качестве подуклада. Чтобы отличить данный вариант от первого, нами было предложено употреблять для обозначения этой формы производства вместо термина "способ производства" словосочетание "образ производства". В данном случае определенный образ производства является также и определенным образом эксплуатации человека человеком (см. Семенов, 1982б).

Вторая основная форма характеризуется тем, что безвозмездное присвоение продукта и происходит не в процессе собственно производства, а уже после того, как этот процесс уже завершился. Здесь процесс эксплуатации не совпадает с процессом собственно производства, представляет собой явление отличное от процесса

собственно производства. В дальнейшем изложении форма эксплуатации, не представляющая собой ни способа, ни образа производства, а тем самым ни способа, ни образа эксплуатации будет именоваться методом эксплуатации.

Так как метод эксплуатации есть форма только присвоения, но не создания прибавочного продукта, то вполне понятно, что существование любого такого метода предполагает с неизбежностью бытие какого-либо способа или образа производства. Любой метод эксплуатации может существовать только на базе какого-либо способа (или образа) производства как антагонистического, так и неантагонистического.

Эта связь не носит однозначного характера. Один и тот же метод эксплуатации может приспосабливаться к различным способам (или образам) производства. Разные методы эксплуатации могут паразитировать на одном и том же способе (или образе) производства.

Подводя итоги всему сказанному выше, мы видим, что все формы эксплуатации могут быть подразделены на способы, образы и методы эксплуатации. И среди ранних форм эксплуатации человека все эти три разновидности присутствовали.

Начнем с более простого - с методов эксплуатации.

4. Методы эксплуатации

На стадии предклассового общества нередко возникает и получает развитие такой метод эксплуатации как систематический военный грабеж. На его существование обратил особое внимание Ф.Энгельс. Характеризуя варварское, т.е. предклассовое общество, он подчеркивал, "что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства сказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападение, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом" (Энгельс, 1961. С.164).

Другим методом эксплуатации является данничество, нередко выраставшее из систематического военного грабежа. Не останавливаясь на нем, ибо оно детально рассмотрено в одной из работ А.И.Першица (1961), отметим лишь, что и систематический военный грабеж и данничество представляют собой отношения не

внутри социально-исторических организмов (социоров), а между социально-историческими организмами (социорами). Они носят межсоциорный (интерсоциорный), а не внутрисоциорный (интра-социорный) характер.

Межсоциорным, а не внутрисоциорным отношением может быть и такой метод эксплуатации, как посредническая торговля. На определенных этапах своего развития торговля была тесно связана с грабежом. Купцы нередко выступали и как грабители. Заморская торговля на заре своего развития теснейшим образом сочеталась с пиратством.

Такой метод эксплуатации как ростовщичество носил обычно внутрисоциорный характер. Как способ эксплуатации без способа производства характеризовал ростовщичество К.Маркс (1962. С.147). Представляя собой только способ эксплуатации, ростовщичество неизбежно должно было паразитировать на каком-то способе производства. "Ростовщичество, - писал К.Маркс, - не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния" (там же. С.145). Как способ эксплуатации без способа производства характеризовал К.Маркс также и посредническую торговлю. "Ростовщичество, как и торговля, - указывал он, - эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним способом" (там же. С.159).

Данничество, посредническая торговля и ростовщичество в определенных условиях могут возникнуть еще на стадии предклассового общества. Широкое распространение они получают в раннеклассовом обществе. Существовали они и на более поздних этапах эволюции классового общества.

5. Помогодоминатный и заемнодоминатный образы эксплуатации

Переходя к образам эксплуатации, остановимся прежде всего на тех, которые с неизбежностью порождаются отношениями существующими в пракрестьянской общине предклассового общества и крестьянской общине классового общества.

Одной из важнейших форм экономических связей в пракрестьянской и крестьянской общинах являются отношения, которые были нами ранее названы помогообменными (Семенов, 1976. С.58). Это были отношения не дачи и отдачи, а взаимной дачи помощи. Они исключали возможность открытого взаимного расчета. Однако учет того, что было дано партнером и что от него было получено, велся каждой из сторон. Идеалом была эквивалентность между

данным и полученным, которая однако реализовалась лишь в общем и целом и только на протяжении длительного времени.

Однако даже приблизительно эквивалентный обмен помощью был возможен лишь между людьми, хозяйства которых были примерно разного масштаба. В противном случае было неизбежно нарастание диспропорции между данным и полученным, и обмен помощью между данными лицами либо совсем прекращался, либо перерождался в отношения совершенно иного типа.

Беднейшая сторона (А) всегда была обязана помогать, более состоятельная (Б) всегда имела право на помощь со стороны первой. Но само собой разумеется, что А, не имея право на помощь со стороны Б, в то же время постоянно нуждалась в помощи от этой стороны, причем в тем большей степени, чем более бедной она являлась. И помощь ей оказывалась, но только в форме помощи-милости. Сторона А внешне выступала в положении благодетельствуемой, сторона Б роли благодетельствующей. В результате на смену взаимной зависимости, которая характерна для помоогообмена, пришла односторонняя зависимость беднейшей стороны от более состоятельной. Это давало возможность более состоятельной стороне диктовать свои условия, определять, в частности, форму помощи-милости. Последняя оказывалась, как правило, лишь в виде вещей, но не труда. В ответ же на милость она требовала и получала возможность использовать рабочую силу беднейшей стороны. Это совпадало с желанием последней, ибо рабочая сила была единственным, чем она располагала.

С внешней стороны все обстояло так, как если бы одна сторона оказывала другой стороне милость, которая лишь частично возмещалась трудом. На деле же имело место явление прямо противоположное: одна сторона использовала труд другой, лишь частично возмещая его вещами. Иными словами, в данном случае имело место безвозмездное присвоение одной стороны труда другой стороны, т.е. эксплуатация. Перед нами не метод, а определенный образ эксплуатации, который можно было бы назвать помогодоминатным или субсидодоминатным (от лат. субсидиум - помощь, и доминус - господин, хозяин).

Представители беднейшей стороны работали не только в своем собственном, но и в чужом хозяйстве. Являться на работу в последнее они были обязаны по первому требованию. Конечно, внешне это требование выступало лишь как просьба о помощи. Поэтому в принципе беднейшая сторона могла и отказаться. Но в таком случае она навсегда бы лишилась милости, без которой она уже не могла обходиться. Поэтому представители беднейшей сто-

роны в самую горячую пору вынуждены были работать на полях благодетеля, забывая о своих собственных.

Когда внутри общины выделились самостоятельные дворохозяйства, то между ними с неизбежностью в силу самых различных случайных причин должно было возникнуть определенное имущественное неравенство. Однако это неравенство не могло быть ни слишком большим, ни постоянным. Возникновение рассмотренных выше отношений не только закрепило, но и углубило возникшее независимо от них неравенство. Эти отношения, обогащая одних, обрекали на всю большую бедность других. Результатом их было накопление богатства на одном полюсе, бедности на другом.

Отношения эксплуатации вырастали не только на основе помогообмена, но и других, имевших место в пракрестыанских и крестыанских общинах, отношений. Эти отношения в ряде отношений сходны с помогообменом. Отличает их от последнего наличие открытого взаимного расчета. Если при помогообмене существовала взаимная дача, то здесь дача и отдача. В отличие от помогообмена даваемые вещи выступали в форме не помощи, а займа. При этом часто определялся срок возврата займа, т.е. уплаты долга. Суть этих отношений состояла в попеременном взаимном обмене займами.

Вполне понятно, что подобного рода помогозаемные отношения еще в большей степени, чем помогообменные, были возможны только между людьми, равными по экономическому положению. Обмениваться займами могут только люди, которые в одинаковой степени в них нуждаются и в одинаковой степени способны их давать и отдавать. Между людьми с разным имущественным положением помогозаемные отношения существовать не могут. Между ними могут существовать лишь заемнодолговые отношения, для которых характерно, что одна сторона в них выступает только в роли кредитора, а другая - только в роли должника.

Не имея возможность оказать кредитору аналогичную услугу, должник чем-то должен был ему отплативать. Когда должник находился только в экономической зависимости от кредитора, мы сталкиваемся с ростовщическим методом эксплуатации. Если зависимость от должника от кредитора приобретала одновременно и личный характер, перед нами явление, которое принято именовать кабалой.

Когда отношения становились кабальными, кредитор нередко вынуждал должника на тех или иных условиях работать в своем хозяйстве. Кредитор таким образом работал как в своем, так и в чужом хозяйстве. Здесь мы сталкиваемся уже не с методом, а

определенным образом эксплуатации. Этот образ эксплуатации можно было бы называть кабальным, заемнодоминатным или кредитнодоминатным (от лат. кредит - заем, доминус - хозяин, господин). Также как и в случае с попомодоминатными отношениями, заемнодоминатные отношения имели своим следствием рост экономического могущества одной стороны и дальнейшее обеднение другой. Нередко попомодоминатные и заемнодоминатные отношения совмещались. "Благодетель" был одновременно и кредитором, а "благодетельствуемый" одновременно и должником (см., например, Wiser and Wiser, 1951. С.39, 159).

6. Доминантный способ (образ) производства

В процессе развития попомодоминатных отношений человек мог, в конце концов, лишиться собственного хозяйства и целиком перейти в хозяйство своего "благодетеля". Он мог работать на него только за содержание. Такого работника можно было бы назвать приживалом или приживальщиком. Но стать приживалом мог и любой человек тем или иным образом лишившийся собственного хозяйства или никогда его не имевший.

Однако человек без собственного хозяйства не обязательно должен был работать только за содержание. Он мог трудиться и за определенную плату. В таком случае мы сталкиваемся с наемным работником некапиталистического типа, наймитом. Вполне понятно, что грань между приживалом и наймитом была крайне относительной.

Оказаться полностью в составе чужого хозяйства человек мог и в процессе развития заемнодоминатным отношением. В случае займа под залог личности с момента заключения договора сам должник или кто-то из членов его семьи целиком переходил в хозяйство кредитора и начинал трудиться на него. В случае неуплаты долга в срок заложник мог быть продан в рабство. Стать зависимым работников в хозяйстве кредитора или быть проданным в рабство мог быть также любой несостоятельный должник или член его семьи. Работников, которые оказались в составе чужого хозяйства как заложники или несостоятельные должники мы будем называть кабальниками.

В приведенных выше примерах мы сталкиваемся не только с кабалой, но и еще с одним способом вхождения человека в чужое хозяйство - рабством. Грань отделяющая кабальника от настоящего раба была весьма относительной. Иногда несостоятельный должник, даже не будучи проданным, становился подлинным рабом своего бывшего кредитора. Ценой своей личности он уплачивал долг.

Но рабами становились не только заложники и несостоятельные должники. Главным источником рабства был систематический военный грабеж. Когда в состоятельных дворохозяинствах возникла нужда в дополнительных рабочих руках, объектом захвата стали не только материальные ценности, но и сами люди. Они могли использоваться как в хозяйстве тех, кто их захватил, так и продаваться другим людям.

Еще один способ привлечения дополнительных рабочих рук в хозяйство - браки состоятельного человека с возможно большим числом женщин. Формально эти женщины были женами и только женами богачей. Но по существу, если не все они, то значительная их часть представляла собой своеобразную разновидность приживалов. Перед нами не, что иное, как своеобразная скрытая форма эксплуатации человека человеком - брако-приживальчество (см. Семенов, 1993а. Ч.2. С.317, 386-409).

Таким образом, выше мы столкнулись с пятью типами работников в чужом хозяйстве: приживальщиками, женами-приживальщицами, кабальниками, наймитами и рабами. Эти отношения могут не образовывать особого общественно-экономического уклада, быть придатками к крестьянско-общинному укладу. В таком случае перед нами не способ производства (или способы производства), а образ (или образы) производства. Но они могут и образовывать особый уклад (или уклады). В таком случае перед нами уже способ (или способы) производства.

Конечно, можно было бы рассматривать приживальчество, брако-приживальчество, наймитство, кабальничество и рабство как разные - в первом случае образы производства, во втором - способы производства. Однако в действительности все эти пять категории работников, когда они существуют вместе, столь тесно связаны и играют столь одинаковую роль в производстве, что по существу мы имеем дело не с разными образами (или способами) производства, а с одним образом (или способом) производства. Данный способ производства можно было бы назвать доминантным (от лат. доминус - господин, хозяин). Таким образом приживальчество, брако-приживальчество, наймитство, кабальничество и рабство были одновременно и вариантами и составными частями одного и того же образа или способа производства - доминантного. Это отнюдь не означает, что рабство, например, не может стать и самостоятельным способом производства. Однако это происходит довольно поздно, и рабство как особый способ производства качественно отличается от рабства как варианта и составной части доминантного способа (или образа) производства. Качественное отли-

чие здесь не меньше чем между наймитством и капиталистическим наемным трудом.

Таким образом пятью вариантами и составными частями доминантного способа производства являются доминантно-приживальческие, доминантно-брако-приживальческие, доминантно-наймитские, доминантно-кабальные и доминантно-рабовладельческие отношения. Для всех их характерным является, что работник трудится в чужом хозяйстве, под контролем хозяина и не обладает никакой самостоятельностью.

В идеале каждый такой работник работает исключительно в чужом хозяйстве. Но в жизни все обстояло сложнее. Так, например, человек мог одновременно трудиться в чужом хозяйстве и иметь свое собственное, правда, такое, которое не могло обеспечить существование его самого и его семьи. Из всех перечисленных категорий работников чаще всего в таком положении находились наймиты. Даже если наймит не обладал собственным хозяйством, он нередко со своей семьей жил обособленно от хозяина. Особенно это относится к поденщикам, которые нанимались то к одному, то к другому хозяину.

7. Магнатный способ (образ) производства

Но кроме доминантного образа (или способа) производства в предклассовых и раннеклассовых обществах существовал еще один, качественно отличавшийся от него.

При нем основное средство производства - земля, находившаяся в полной собственности эксплуататора, передавалась в обособленное пользование работника. Работник более или менее самостоятельно вел хозяйство при помощи частично собственных, частично полученных от собственника земли средств труда. Встречались и такие случаи, когда подобного рода работник получал от эксплуататора не только землю, но все вообще средства труда. Чаще всего подобного рода работники отдавали собственнику земли определенную долю урожая. Остальная часть урожая поступала в полное их распоряжение, а иногда и в собственность.

Но бывало, что работник вместо того, чтобы отдавать хозяину часть урожая с выделенного участка, работал еще на одном поле, урожай с которого полностью шел хозяину. Последнее поле могло непосредственно входить в собственное хозяйство владельца земли.

Такие отношения могут не образовывать самостоятельного общественно-экономического уклада, быть придатками к крестьянско-общинному укладу. Но они могут и образовывать общественно-экономический уклад. В последнем случае перед нами особый

антагонистический способ производства, который можно назвать магнатным (от лат. магнат – предводитель, владыка).

В положение магнатно-зависимого работника человек мог попасть различными способами. Один из них состоял в том, что собственник земли выделял рабу участок земли, снабжал его другими средствами труда и позволял обзавестись собственным домом и семьей. Это магнатно-рабовладельческий вариант данного способа производства. Другой способ состоял в том, что свободный человек, лишенный основных средств производства, брал в аренду участок земли. При этом он мог пользоваться либо только своими средствами труда, либо только средствами труда, полученными от собственника земли, либо, наконец, частично своими, частично хозяйскими средствами труда. Это – магнатно-арендный вариант данного способа производства. Такая аренда всегда ставила человека не только в экономическую, но и личную зависимость от владельца земли. В идеале подобного рода производитель полностью работал только на арендованной земле. Но в действительности все обстояло сложнее. Подобного рода арендатор мог, наряду с работой на арендованной земле, вести и хозяйство и на собственной земле, однако такое, доходов с которого было недостаточно для содержания его самого и семьи.

Наконец, в положении магнатно-зависимого работника мог оказаться и человек, попавший в зависимость от владельца земли в результате займа, особенно когда он был получен под залог земли или личности. Нередко при этом человек обрабатывал бывшую свою землю, перешедшую в результате неуплаты долга в собственность кредитора (Дьяконов, 1949. С.767). Это магнатно-кабальный вариант данного способа производства. Все эти три варианта магнатного способа эксплуатации были теснейшим образом связаны. Грани между ними были весьма относительно и один такой вариант мог легко превратиться в другой. Так, например, магнат с тем, чтобы прочнее прикрепить арендатора к земле, давал ему ссуду деньгами, зерном и т.п. В результате последний оказывался в долговой, кабальной зависимости от владельца земли, избавиться от которой он мог только вернув ссуду и уплатив проценты.

Весьма относительной была и грань между магнатным и доминантным способами производства. Магнатно-зависимого арендатора, который обрабатывал землю с помощью полученных от ее владельца средств труда и засеивал ее полученным из того же источника зерном не всегда легко отличить от наймита. В этом случае трудно сказать, отдавал ли он часть урожая владельцу земли в

качестве арендной платы или, наоборот, получал часть урожая от него в качестве платы за труд.

Связь между доминатным и магнатным способами производства выражалась часто в том, что один и тот же человек был одновременно и доминатом и магнатом, на него работали как магнатно-зависимые, так и доминатно-зависимые работники. В результате магнатные и доминатные отношения так тесно переплетались, что образовывался один единый общественно экономический уклад - доминомагнитный.

Магнатные отношения исследователи нередко принимали за феодальные, особенно в тех случаях, когда речь шла об обществах, существование которых относилось ко времени после V в. н.э. Когда же рассматривалось более раннее время, то эти отношения описывались, но никак не характеризовались. И это понятно. Если магнатные отношения принимать за феодальные, то пришлось бы признать, что феодальные отношения существовали по всему Древнему Востоку, в архаической Греции, в раннюю эпоху истории Древнего Рима. А это означало бы признание феодализма первой и единственной докапиталистической классовой формацией. На это решаются немногие. К числу их относится прежде всего Ю.М.Кобищанов (1966), который прямо писал, что "феодализм и капитализм являются единственными известными в истории классовыми формациями" (С.46).

Несмотря на наличие определенных черт сходства между магнатным и феодальным способами производства, они в то же время существенно отличаются друг от друга. Для феодализма характерно существование разделенной собственности на землю и личность производителя материальных благ. Феодал является не полным собственником земли, а только верховным ее собственником. Соответственно феодально-зависимые производители являются подчиненными собственниками земли, которой пользуются, что отличает их от магнатно-зависимых работников, которые никаких прав на землю, которой пользуются, не имеют. При магнатизме хозяйство магната является основой хозяйства магнатно-зависимых работников. Магнат нередко дает не только землю, но и рабочий скот, зерно. При феодализме, наоборот, хозяйство феодально-зависимого работника является основой хозяйства феодала. Когда существует отработочная рента, феодально-зависимый работник обрабатывает землю, входящую в состав собственного хозяйства феодала, при помощи принадлежащих ему самому средств труда.

8. Протополитаризм и политаризм

В предклассовом обществе, кроме описанных выше способов производства, существовал по меньшей мере еще один. Он играл столь важную роль, что заслуживает особого рассмотрения. Знакомясь с ним, мы сталкиваемся с одним из основных типов предклассового общества.

Данный тип социальной организации мы рассмотрим в его наиболее чистом виде, что позволит лучше понять все его характерные особенности. Именно в таком виде существовал он, в частности, еще в XIX в. и отчасти даже в начале XX в. у большинства банту Южной Африки (Schapera, ed., 1937; Schapera, 1956). Этот сложный конгломерат этнических групп, насчитывавший в своем составе более 10 млн. человек, делился на четко отграниченные друг от друга социальные единицы, которые в литературе чаще всего именуются "племенами" (tribes). По размерам они значительно отличались друг от друга. Да одном полдсе были "племена" состоявшие из 2-3 тыс. человек (тлоква, курутше и др.), иногда даже всего лишь из несколько сот, на другом - из нескольких сотен тысяч (свази Свазиленда, суто Басутоленда). Но последние были редким исключением. Средние по размерам "племена" насчитывали в своем составе 20-30 тыс. человек.

Но независимо от размера каждое "племя" было совершенно самостоятельной социальной единицей. Оно имело название, территорию, обычно отдаленную от территорий соседних "племен" полосой незаселенной земли. Во главе каждого "племени" стоял наследственный правитель, которого в литературе обычно именуют "вождем" (chief). Его положение в племени было уникальным. Он был тем центром, вокруг которого строилась вся эта социальная единица. Племя у южноафриканских банту было совокупностью людей находившихся под властью одного вождя. С этим и связано применение в англо-американской этнографической литературе для обозначения данной социальной единицы термина "вождество" (chiefdom), образованного по аналогии с термином "королевство" (kingdom). В силу своей должности вождь обладал большой властью. Все подданные были обязаны безоговорочно подчиняться его приказам. Он имел право на жизнь и смерть своих подданных: мог не только приговаривать их к смерти, но в определенных случаях также казнить их без суда. Имел он право и на труд членов "племени". Их вызывали для участия в сооружении дома и крааля вождя, обработки полей его жен. Существовали особые поля, которые обрабатывались членами того или иного под-

разделения племени и весь продукт с которых шел вождю. Подданные снабжали вождя дровами, водой, отдавали ему долю продукта, произведенного в их собственных хозяйствах (зерно, скот), а также часть охотничьей добычи (мясо, шкуры, слоновую кость и т.п.). Вождь присваивал большую часть военной добычи. Как верховный судья вождь получал штрафы с виновных, чаще всего скотом.

Вполне понятно, что вождь был самым богатым человеком в "племени". Так, например, вождь "племени" кхатла, численность которого достигала 20 тыс. человек, владел 5,5 тыс. голов скота, что составляло $\frac{1}{7}$ всего поголовья, находившегося в собственности членов племени. Он ежегодно получал 20-40 голов скота в качестве штрафов, 30 голов в качестве даров, приношений и т.п., а также 1200 корзин зерна с полей, которые специально для него обрабатывались подданными.

Значительную часть своих доходов вождь банту использовал для содержания центрального аппарата управления, состоявшего из подчиненных ему должностных лиц. На местах вождь был представлен субвождями (sub-chiefs), каждый из которых управлял определенным территориальным подразделением "племени" - дистриктом или крупным селением. В свою очередь субвождям подчинялись старосты (headmen), стоявшие во главе еще более мелких подразделений - субдистриктов (sub-districts) у нгуни, деревень (villages) у венда и значительной части суто, кварталов селений (wards) у тсвана и северных суто. У многих племен вождь непосредственно управлял столичным дистриктом и субдистриктом. У мелких "племен" существовала не трехзвенная, а двухзвенная система управления. Так, например, у тлоква, которые все жили в одном селении, вождю непосредственно подчинялись старосты четырех из пяти кварталов. Пятым управлял сам вождь. В крупных "племенах" существовало четыре уровня: верховный вождь "племени" - вожди крупных территориальных округов - субвожди - старосты.

Все местные правители обладали определенной властью. Каждый из них, не исключая деревенского старосты, был судьей в подвластной ему единице "племени" и соответственно взимал в свою пользу штрафы. Жители деревни, хотя и не были формально обязаны, но обычно помогали старосте в обработке его полей, дарили ему мясо, пиво и т.п. Труд на субвождей был уже обязательен. Им шел весь продукт со специальных полей, которые обрабатывались подвластным им населением. Они получали часть податей, которые собирались ими для племенного вождя. Значитель-

ную долю этих доходов субвожди использовали для содержания должностных лиц, помогавших им управлять дистриктом.

Совершенно такая же картина наблюдалась в Бусоге (Восточная Тропическая Африка) - области, населенной басога или сога, - народом, относящимся к группе северных банту (Richards, ed., 1960. С.78-97; Fallers, 1956). Численность басога достигала 500 тыс. человек. В XIX в. Бусога была разделена примерно на 15 самостоятельных социальных единиц, которые исследователи именуют государствами (states) или королевствами (kingdoms). Численность их населения варьировала от 4 тыс. человек (королевство Бусамбира) до 50 тыс. (королевство Буламоги).

Во главе Буламоги стоял наследственный правитель - зибонде, имевший в своем распоряжении значительное число должностных лиц, составляющих центральный аппарат власти. Важнейшую роль среди них играл катикиро - своеобразный "премьер-министр", которому был подчинен большой персонал. Королевство делилось на округа, во главе которых стояли правители, находившиеся в различной степени зависимости от зибонде. Ниже их находились старосты деревень (villages), а еще ниже - старосты субдеревень (subvillages). Но были и такие деревенские старосты, которые были подчинены непосредственно зибонде. Эта иерархия была организацией одновременно и судебной и податной. Собрав подать, старосты оставляли часть ее себе, а остальное передавали вышестоящим правителям, которые поступали аналогичным образом. Рядовые подданные были обязаны также и трудиться на правителей. Структура Бусамбири была более простой. Ее наследственному правителю - кисамбире были непосредственно подчинены старосты всех 12 входивших в королевство деревень.

Другая группа северных банту - баха или ха, численностью в 300 тыс. человек, тоже была разделена на значительное количество социальных единиц, которые исследователи именуют королевствами. Наиболее крупным было королевство Херу (более 150 тыс. человек), самые мелкие - королевства Бушинго (около 9 тыс.) и Лутури (более 5 тыс.). Население остальных равнялось нескольким десяткам тысяч человек (Richards, ed., 1960. С.212-228).

Более одного миллиона васукума или сукума, принадлежащих к группе восточных банту, были разделены на более чем 60 самостоятельных единиц, которые исследователи именуют вожествами или королевствами. Численность самых крупных (Нера и Усмео) - 90 тысяч человек, самого небольшого (Массанза II) - 1,5 тыс. (Richards, ed, 1960. С.229-259, 347).

Такая общественная структура существовала в Африке не только у банту. Мы находим ее, например, у азанде Центральной Африки (Evans-Pritchard, 1971). Существовавшие у них социальные единицы исследователи именуют королевствами. Наиболее изучено из них королевство, правителем которого в течение почти сорока лет (1868-1905) был Гбудве. Численность населения королевства - между 50 и 100 тыс. человек. Примерно такими же были и королевства братьев Гбудве. Королевство делилось на провинции, число которых достигало несколько десятков. Центральная провинция непосредственно управлялась самим королем, во главе остальных стояли губернаторы, часть которых принадлежала к королевской семье. Им принадлежало право суда над подвластным населением. Провинции в свою очередь подразделялись на дистрикты, возглавляемые назначенными губернаторами должностными лицами. В обязанность последних входил сбор податей, которые они, не оставляя себе ничего, передавали губернаторам, а также организация людей для работы на полях короля и принцев-губернаторов. Масштаб этих работ был велик. На королевских полях могло работать одновременно несколько сот человек. Принцы-губернаторы пользовались большой самостоятельностью. Считалось, что подати они собирали не для короля, а для себя, хотя определенную долю они обычно посылали королю. Рядовые губернаторы собирали подати для короля, но половину собранного они имели право оставлять для себя.

Помимо названных выше народов такого рода отношения существовали в Африке также у баганда, баньоро, баторо, баньянколе, бахайя, баха, базинга (Richards, ed., 1960), фон, эдо (бини), йоруба, хауса, тикар, бамилеке, моси, дагомба, мампруси, волоф, менде, ашанти (Forde and Kaberry, eds., 1971), бемба (Richards, 1939) и многих других этнических групп, часть которых еще будет рассмотрена на последующих страницах.

Подобного рода структуры были распространены и далеко за пределами Африки. Существование их отмечено у той части чинов Бирмы, общественный строй которых характеризуется как автократический. У них во главе социальной единицы, охватывавшей несколько деревень стоял наследственный правитель - вождь. Все его подданные были обязаны платить ему налог зерном, доставлять ему лес и участвовать в строительстве его жилища. Вождю подчинялись старосты деревень, которые имели право на определенное количество зерна с каждого хозяйства, долю охотничьей добычи и другие приношения. Кроме того члены каждого домохозяйства должны были отработать два дня в году на их полях

(Stevenson, 1944. С.80-83). Подобного рода социальные структуры назывались у качинов Мьянмы гумса (Leach, 1954. С.197-207). Они существовали также у коньяк нага Индии (Furer-Haimendorf, 1969), муонгов Вьетнама (Hguen Tu Chi, 1972), на Восточном Тиморе (Forbes, 1884).

От Азии перейдем к Океании. Жители Новой Каледонии в XIX в. делились на 40-50 самостоятельных единиц, которые исследователи именуют племенами. При населении острова примерно в 80 тыс. человек это составляет в среднем 1600-1800 человек в племени. Во главе племени стоял наследственный властитель - вождь, имевший право на жизнь и смерть своих подданных. Он мог также приказать сжечь дом виновного, разорить его поля. В распоряжении вождя был штат лиц, составлявший его центральный аппарат. Ниже племенного вождя стояли деревенские вожди, которые вместе с ним и его приближенными составляли привилегированный слой общества. Рядовые подданные обрабатывали поля вождей, строили им дома, делали им подношения натурой (см. Токарев, 1933. С.35-41).

Если на Новой Каледонии подобного рода социальная система только начала формироваться, то на Гавайских островах она выступает в более зрелом виде. К моменту открытия европейцами было обитаемо 8 островов архипелага, на которых жило примерно 240-400 тыс. человек. Каждый остров был, как правило, самостоятельной социальной единицей. Особое место занимал среди них самый крупный - Гавайи с населением, примерно, 75-100 тыс. человек. Шесть крупных округов, на которые он был разделен, в одни эпохи выступали как самостоятельные единицы, а в другие - как составные части одной единицы, охватывавшей весь остров.

Во главе острова стоял наследственный правитель - алии нуи, которого в литературе именуют верховным вождем или королем. Он имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных. Большие острова были разделены на округа (моку), во главе которых стояли алии аль моку. Моку делились на меньшие территориальные подразделения - ахупуа. Ахупуа в свою очередь состояли из или. Небольшие острова непосредственно подразделялись на ахупуа. Как король так и местные правители имели в своем распоряжении штат лиц, при помощи которого управляли. Рядовые подданные были обязаны работать на землях короля и местных правителей, а также платить подати, среди которых особую роль играл большой ежегодный налог. Их привлекали также для строительства дорог, сооружения и очистки каналов и т.п. (Ancient Hawaiian Civilization, 1933; Sahlins, 1950. С.13-19; Goldman, 1970. С.199-

242). Сходные порядки существовали на Таити и Тонга (Sahlins, 1950. С.22-28; Oliver, 1970).

К моменту открытия Америки европейцами на о. Гаити (Эспаньола) проживало не менее 100 тыс. человек. Остров был подразделен на шесть самостоятельных социальных единиц, которые в литературе именуются провинциями или вождествами. Во главе каждой из них стоял правитель - вождь или касик. Каждая "провинция" делилась на несколько десятков округов (до 30), возглавляемых субвождями. Ниже субвождей стояли старосты деревень, число которых в "провинции" доходило до 70-80. Субвождь был одновременно и старостой деревни, в которой жил. В руках правителей был суд. Даже староста деревни имел право на жизнь и смерть подвластного населения. Жители деревни были обязаны представлять в распоряжении старосты часть производственного продукта. Вождь и субвожди не получали податей с населения иных деревень, кроме собственной, но имели права распоряжаться их трудом. Правители всех рангов имели различного рода помощников (Rouse, 1948. С.507-539). 18 вождеств существовало на о. Пуэрто-Рико (Steward, Faron, 1959. С.248).

Жившие в Северных Андах собственно чибча или муиски к моменту испанского завоевания насчитывали 300 тыс. человек. Они делили на 5 больших образований, которые исследователи называют государствами или вождествами. В самом крупном из них - Зипа - верховному вождю подчинялись вожди меньшего ранга, возглавлявшие шесть подразделений вождества. Вожди жили в роскоши. Рядовые свободные обязаны были как платить налоги, так и непосредственно трудиться на своих повелителей (Kroeber, 1946. С.887-903).

В восточной Боливии, горном Эквадоре, северной и западной Колумбии, существовало несколько десятков вождеств (Бауре, Манаси, Паресси, Кара, Пуруха, Пикаро, Торо, Пасто, Каламари, Момпокс, Арма, Пикаро, Торо и др.). Несколько вождеств существовало и на территории современной Панамы. Около двух десятков вождеств находилось на территории современной Венесуэлы (Steward, Faron, 1959. С.174-246).

Самое известное из вождеств Северной Америки существовало у натчей. К тому моменту, когда с ними столкнулись французские путешественники (XVII в.) их было всего несколько тысяч (3,5 - 5), которые жили в 9-12 деревнях. Во главе натчей стоял наследственный правитель, носивший титул "великого солнца". Он пользовался огромной властью, в частности имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных. Достаточно было его каприза,

чтобы человек был убит. В его распоряжении был большой штат должностных лиц, а также воины. Ему были подчинены вожди деревень. Подданные были обязаны работать на полях вождя, а также отдавать часть продукта, произведенного в их собственных хозяйствах. Формы, в которых взимался продукт, были самыми разнообразными (Swanton, 1911. С.44-186). И натчи не исключение. На юго-востоке США существовало несколько вожеств. Самым крупным из них был Поухатан. Его вождь отличался абсолютной властью, имел право на жизнь и смерть подвластного населения. Ему платили налоги население как собственно вожества, так и покоренных областей (Swanton, 1946. С.641-646).

Во всех рассмотренных и упомянутых выше случаях мы имеем дело с предклассовым обществом. Но в принципе та же самая структура существовала и в огромном множестве стран, стоявших на стадии классового общества. В этом отношении наиболее яркие примеры дают нам Китай эпохи Западного Чжоу (XI-VIII вв. до н.э.) и империя инков Тауантинсуйу (XV-XVI вв. н.э.).

В эпоху Западного Чжоу во главе древнекитайского государства стоял наследственный правитель - ван. Ему были подчинены местные правители - чжухоу. Ниже их стояли дафу, которые находились в таком же отношении к чжухоу, как последние к вану. Ниже дафу находились ши. Еще ниже находилась основная масса производителей материальных благ - шужень. Снизу вверх по этой лестнице шел поток прибавочного продукта. Ши, получив его от простолюдинов, одну часть оставляли себе, а другую передавали людям, стоявшим выше их на ступень, в данном случае - дафу. Также поступали дафу и чжухоу и в результате часть продуктов достигала вершины, поступая непосредственно в распоряжение вана (Крюков, 1968. С.193-195, 215-219). Помимо различного рода приношений натурой, чжухоу были обязаны направлять в распоряжение вана людей для участия в различного рода работах (Крюков, 1967. С.69-73). Существовали в эпоху Западного Чжоу, по крайней мере в раннюю ее пору, особые поля, которые обрабатывались простолюдинами и урожай с которых поступал вану (Васильев, 1966. С.151-165). Нет необходимости говорить, что в руках вана и местных правителей находился суд и что они имели право на жизнь и смерть своих подданных.

Численность населения империи инков к 1532-1583 гг. - времени ее завоевания испанцами - исследователями оценивается по-разному: от 3,5 до 15-16 и даже 32 млн. чел. Наиболее вероятная цифра - 6 млн. Во главе империи стоял наследственный властитель - верховный инка, имевший гигантскую власть. Ему был под-

чинен огромный административный аппарат. Империя делилась на провинции, которые были объединены в четыре группы. Правители четвертей жили в столице империи - Куско и входили в состав большого государственного совета. Подчиненные им губернаторы жили в столицах провинций. Каждая провинция делилась на 2 или 3 округа с населением примерно в 10 тыс., возглавляемые должностными лицами - курака 1 ранга. Им подчинялись курака 2 ранга, управлявшие административными единицами с населением в 1000 человек. Ниже стояли курака 3 ранга, управлявшие 500 людьми, и еще ниже - курака 4 ранга, управлявшие сотней человек. Должностные лица, управлявшие группами в 50 и 10 человек к привилегированному слою не относились. Они работали вместе с рядовыми подданными. Указанные цифры носили во многом условный характер. В действительности размеры групп, управляемых курака того или иного ранга, могли отличаться от номинальных.

Важнейшей низовой ячейкой инкского общества была айлью - деревенская община. Основная земля государства делилась на три категории. Вся она обрабатывалась крестьянами-общинниками, но продукт с полей первой категории шел храмам и жрецам, второй - инке, и только третьей - самим производителям. Помимо обработки храмов и государственных земель рядовые подданные обязаны были также принимать участие и в различных родах других работах (строительство дворцов, рудничное дело и т.п.). Урожай с полей храмов и инки собирался в особые хранилища. Их было по два в каждом округе и значительно больше в столицах провинций и Куско. Урожай с храмовых полей шел на содержание жречества, с полей инки - на содержание императора, его двора, чиновничества, армии. Использовались государственные запасы и для поддержания вдов, увечных, престарелых, а также как страховой фонд на случай стихийных бедствий. Существовала система судов, но приговаривать к смерти могли лишь император и губернаторы провинций (Mason, 1961. С.104-265; Rowe, 1966. С.184-274).

Несмотря на определенные различия во всех приведенных выше случаях мы сталкиваемся с существом с одной и той же социальной структурой. Везде мы встречаем деление общества на две основные группы. Одну из них образуют непосредственные производители, которые имеют в своем распоряжении землю и все необходимые средства производства, самостоятельно ведут хозяйство, обеспечивающее их существование. Но их хозяйства никогда не существуют изолированно друг от друга. Они входят в состав более или менее крупных систем, которые принято именовать об-

щинами. Люди, входящие в состав общин, обеспечивают свое существование собственным трудом. Но на создание продукта, идущего на удовлетворение их собственных нужд, расходуется лишь часть их рабочего времени. В течение другой его части создается продукт, поступающий в полное распоряжение второй основной общественной группы, т.е. прибавочный продукт.

Прибавочный продукт может создаваться в собственном хозяйстве непосредственного производителя. В таком случае он поступает в распоряжение второй общественной группы в форме подачек, приношений, даров, штрафов и т.п. Прибавочный труд может выступать в форме работы в хозяйствах отдельных конкретных представителей второй группы и, наконец, в форме работы на специально выделенных полях, продукт с которых поступает в распоряжение второй группы, на строительстве дорог, в рудниках и т.п. Однако при всем этом суть остается одной и той же: прибавочный продукт поступает в полное распоряжение второй общественной группы и в той или иной форме распределяется между всеми без исключения ее представителями.

Как можно видеть, две основные группы, существующие в каждом из рассмотренных выше обществ, находятся в определенном отношении друг к другу, а именно: одна из них присваивает себе труд другой. Таким образом перед нами определенный способ эксплуатации человека человеком.

Забегая несколько вперед, скажем точнее, что это один из вариантов определенного антагонистического способа производства. Несомненно сходство этого варианта с феодализмом. Производители материальных благ при этом варианте данного способа производства также как и феодально-зависимые крестьяне были хотя и подчиненными, но тем не менее собственниками земли и своей личности. Соответственно представители второй группы были не полными, а лишь верховными собственниками земли и личностей производителей материальных благ. Однако на этом сходство и кончается.

Если при феодализме прибавочный продукт непосредственно поступает отдельным представителям класса эксплуататоров, то при данном способе производства он идет государству, а затем распределяется между людьми, составляющими государственный аппарат, в соответствии с их положением на иерархической лестнице. Таким образом вторую большую группу образуют люди, входящие в состав государственного аппарата. Именно они только все вместе взятые, а не каждый в отдельности были верховными частными собственниками земли и личности непосредственных производителей материальных благ.

Частная собственность может существовать в различных формах: она может быть персональной, групповой, наконец, классовой. Здесь мы сталкиваемся с верховной общеклассовой частной собственностью, выступающей в форме государственной. С этим и связано совпадение в общем и целом класса эксплуататоров с государственным аппаратом.

Впервые эти отношения были выделены как особая экономическая форма Р.Джонсом (1937а, 1937б). Применительно к классовому обществу К. Маркс охарактеризовал данную форму общественного производства как особый антогонистический способ производства, который назвал "азиатским" (см. Маркс, 1957. С.222; 1957. С.7; 1960. С.89; 1961. С.367; 1980. С.157 и др.). В дальнейшем, когда К.Маркс убедился, что данный способ производства существовал не только в Азии, но и в других частях света, он перестал пользоваться этим термином, не предложив взамен никакого другого (см. Тер-Акопян, 1973. С.204-205). Мы будем именовать данный антогонистический способ производства политарным (от греч. полития - государство), а в качестве самого общего термина для обозначения и данного способа производства и всего данного общественного строя в целом использовать термин "политаризм". Соответственно мы будем говорить о политарных производственных отношениях и политарном обществе.

Особую роль среди политаристов играл глава государства. Он был верховным распорядителем всего принадлежащего классу в целом прибавочного продукта. Мы будем называть его политархом, а возглавляемое им государство, которое было ячейкой общеклассовой частной собственности, - политархией. В применении к предклассовому обществу, где данный способ производства только еще формировался, все эти термины будут применяться с приставкой "прото" (протополитаризм, протополитаристы, протополитарх, протополитархия и т.п.).

Политарный способ производства существовал в трех основных вариантах. Тот, который был рассмотрен выше, может быть назван политарно-общинным. Он с необходимостью предполагал существование общины, которая чаще всего была пракрестьянской (в протополитарном обществе) или крестьянской (в политарном обществе). Но известны и такие политарные общества, в которых наряду с крестьянскими существовали и страто-крестьянские. Однако общины, какими бы они ни были, сами по себе взятые никогда не являлись носительницами политарного (протополитарного) способа производства.

Хозяйственным организмом и одновременно хозяйственной ячейкой политарного (протополитарного) способа производства были политархия или протополитархия, которая всегда включала в свой состав по крайней мере несколько общин. Ни протополитарный, ни тем более политарный способ производства никогда, в отличие от некоторых антагонистических способов производства, не был внутриобщинным.

Но хотя носительницей и протополитарного, и политарного способа была не община, а всегда являвшейся многообщинной протополитархия или политархия, общины при данном варианте политаризма (протополитаризма) играли очень важную роль. Они представляли собой фундамент этой разновидности политаризма (протополитаризма). Рассматриваемая модификация политарного (потополитарного) общественно-экономического уклада включал в себя в качестве своего необходимейшего элемента крестьянско-общинный (пракрестьянско-общинный) уклад.

Второй и третий варианты политарного способа производства не требовали обязательного существования крестьянской общины. Один из них предполагал, что государство само непосредственно вело хозяйство руками людей, полностью лишенных основных средств производства. Эти производители работали на полях партиями во главе с надсмотрщиками. Весь урожай с этих полей поступал в государственные закрома. Работники и их семьи получали довольствие натурой с казенных складов. Некоторые из этих работников могли быть рабами. Но основную их массу составляли местные жители, которые рабами не являлись. Они пользовались определенными правами, имели, как правило, семьи и нередко, если не всегда, владели каким-то имуществом. Здесь перед нами своеобразное сращивание политаризма с доминантным способом производства. Поэтому данный вариант политарного способа производства можно назвать политарно-доминантным. Он встречался очень редко.

Другой вариант в известной степени является промежуточным между первым и вторым. При нем работникам выделяются участки земли, которые они обрабатывают в известной мере самостоятельно, причем степень этой самостоятельности была различной. Часть урожая, выращенного на участке, шла государству, другая оставалась производителю. Кроме земли, работник нередко получал в пользование также посевное зерно, рабочий скот, инвентарь. Здесь наблюдается своеобразное сращивание политарного и магнатного способов производства. Поэтому данный вариант политарного способа производства можно назвать политарно-магнатным. Он

встречался значительно реже, чем политарно-общинный, но чаще, чем политарно-доминантный.

Иногда работник получал в свое распоряжение весь урожай, выращенный на выделенном ему участке, но в таком случае часть своего времени он работал, нередко в составе партии во главе с надзирателем, на государственном поле, весь урожай с которого шел в казенные хранилища. О таких работниках зачастую трудно сказать, были ли они политарно-магнатно или политарно-доминантно зависимыми.

Из всех трех вариантов самым распространенным был политарно-общинный. В предклассовом обществе, за редчайшими исключениями, встречается только он один.

9. Редистрибутивный метод эксплуатации и преполитаризм

Протополитарные отношения возникли не на пустом месте. Их корни уходят в собственно первобытное общество. С переходом от ранней первобытной общины и началом становления распределения по труду произошло своеобразное раздвоение системы производственных отношений. Наряду с системой циркуляции жизнеобеспечивающего продукта возникла особая система циркуляции избыточного продукта, которая получила название престижной экономики. Наиболее ярким проявлением престижной экономики были особого рода праздники, на которых члены одной общины дарили различного рода материальные ценности членам других общин. Их можно назвать дароторжествами. Примеры - потлачи индейцев Северной Америки, свиные пиры папуасов Новой Гвинеи.

Чем больше человек дарил на дароторжествах, тем большим был престиж, которым он пользовался среди членов как своей, так и других общин. Но чтобы больше дарить, нужно было иметь в своем распоряжении возможно больше продукта. Один путь к этому: создавать его во все большем количестве. Человек, который больше производил, больше и дарил. Однако всегда существовал предел тому, что человек мог произвести сам. Отсюда стремление использовать для дарения продукт чужого труда.

Такая возможность существовала, ибо и на стадии позднепервобытной общины сохранялась обязанность членов общины делиться друг с другом, сохранялись отношения дачдележа. Каждый человек был центром, от которого отходили линии, связывавшие с другими лицами. По этим линиям шло движение продукта от данного человека к другим. Здесь мы имеем дело с отдающей систе-

мой. Но одновременно человек был и центром, к которому сходились линии, по которым шло движение продукта от других людей к нему. С ним ведь тоже делились, причем делился не один человек, а несколько. Здесь мы имеем дело с получающей системой.

В принципе человек на стадии раннепервобытной общины должен был делиться со всеми членами общины. Но в реальности он систематически давал лишь определенной части их. Его отдающая (равно как и получающая) система обычно не охватывала всех членов социально-исторического организма. На стадии позднепервобытной общины человек, претендующий на престиж, первоначально получал обычную долю продукта от тех, кто обязан был с ним делиться. Но он был заинтересован в том, чтобы с ними делилось как можно больше людей. Чтобы превратить потенциальных давателей в реальных, существовал лишь один способ. Он состоял в том, чтобы постоянно делиться с ними продуктом. Чем большему числу людей давал человек, находившийся в центре системы, тем от большего числа сам получал.

Начиная с определенного момента для отдельных людей давать стало возможным за счет не только добытого, но и полученного от других. В результате человек, находившийся в центре системы, стал выполнять роль своеобразного регулятора, перераспределяющего продукт труда целой группы людей. Продукт шел от периферийных точек системы к центру, от него снова к периферийным точкам, что в свою очередь обеспечивало его поступление от периферийных точек к центру и т.д. Для обозначения этого экономического явления лучше всего подходит широко используемый в этноэкономической литературе термин "редистрибуция". Соответственно такого рода систему можно было бы назвать редистрибутивной.

Важно подчеркнуть, что встречное движение по линиям, связывающим центр системы с периферией, было не обменом, а распределением, вначале дачедележом, а затем и помогадачей. А это означает отсутствие требования эквивалентности между продуктом, поступающим в центр, и продуктом, идущим от центра. Между доходами, т.е. поступлениями от периферии к центру, и расходами, т.е. поступлениями от центра к периферии, могло быть различное соотношение. Доходы могли равняться расходам, могли превышать расходы, могли быть меньше расходов. При последнем варианте система прекращала функционировать, ибо не могла обеспечить реализации цели, для которой была создана.

При первом варианте функционирование системы было возможным. Но оно предполагало создание большого количества продукта в центре системы. Продукт, созданный в центре системы

вместе с продуктом, полученным с ее периферии, мог составить большую массу, которая будучи розданной на дароторжестве, обеспечивала человеку, находившемуся в центре, престиж. В свою очередь, получив на дароторжестве, устроенном бывшим гостем, соответствующее количество пищи и вещей, человек, являвшийся центром системы, мог направить все это на периферию. Это в свою очередь обеспечивало готовность периферийных членов системы помочь ему при подготовке к новому дароторжеству.

Самым интересным из упомянутых выше вариантов является тот, при котором доходы превышали расходы. По существу мы сталкиваемся здесь не с чем иным, как своеобразным методом эксплуатации человека человеком, который можно было бы назвать редистрибутивным. Он не предполагал существования частной собственности.

Редистрибутивные системы могли быть как эксплуататорскими, так и неэксплуататорскими. Могла возникнуть такая система, которая охватывала всех членов общины. В таком случае она была единственной в социально-историческом организме (социоре). Ее можно было бы назвать пансоциорной. Естественно, что человек, стоявший в центре этой системы, был единоличным лидером общины.

Судьба одних редистрибутивных систем была связана с определенными конкретными лицами. Человек создавал определенную систему и она существовала, пока он был жив. Это - персонализированная система. Но при определенных условиях редистрибутивная система могла теснейшим образом срастись либо с общиной в целом, либо с более или менее очерченной группой внутри ее. В таком случае положение центра системы становилось общественной должностью. И когда один носитель такой должности умирал, она переходила к другому человеку. Такую систему можно было бы назвать объективированной. Наибольшей прочностью отличались системы, которые были одновременно эксплуататорскими, пансоциорными и объективированными.

В процессе дальнейшего развития таких систем могло произойти превращение земли общины из собственности только самой общины в собственность одновременно и самой общины и вождя этой общины. Собственность вождя общины была частной собственностью, но особого рода. Она была собственностью должностной, титульной. Человек был частным собственником земли, которая одновременно принадлежала и общине, только в силу того, что был вождем этой общины.

С появлением должностной частной собственности под присвоение вождем прибавочного продукта была подведена прочная база.

Редистрибутивный метод эксплуатации превратился в особый образ (или способ) эксплуатации, который может быть назван преполитарным. В процессе дальнейшего развития на основе преполитарного образа эксплуатации возник протополитарный способ эксплуатации.

10. Основные варианты раннего предклассового общества

Если обратиться к самому раннему этапу в развитии предклассового общества, то можно выделить пять основных варианта его социальной структуры, которые все связаны с престижной экономикой и обладанием престижными ценностями (см. Семенов, 1993а. Ч.1-2).

Первый вариант характеризуется наличием преполитарного образа производства. Он может дополняться доминантным способом производства. Один лишь преполитарный способ эксплуатации существовал, например, у полинезийцев о. Тикопия (Firth, 1939). У индейцев северо-западного побережья Северной Америки и маори Новой Зеландии кроме преполитарного образа эксплуатации бытовали также рабство и приживальничество (Аверкиева, 1961; Firth, 1929).

Для второго варианта специфично наличие формальных лидеров - позднейших чифменов, использующих наряду с редистрибутивным методом эксплуатации доминантный образ эксплуатации. Пример - эскимосы чугачи (Birket-Smith, 1953).

Третий вариант предполагает существование неформальных лидеров - позднейших бигменов, применяющих, кроме редистрибутивного метода эксплуатации, доминантный и реже магнатный образы присвоения прибавочного продукта. Примеры - мелпа (Strathern, 1977), мае энга (Meggitt, 1974), чимбу (Brown, 1970), капауку (Pospisil, 1963) Новой Гвинеи, сиуаи Бугенвиля (Oliver, 1955), атна Аляски (Laguna and MacClellan, 1981).

В четвертом варианте в качестве ведущих фигур выступают преплутаристы - наследственные владельцы престижных ценностей, которые использовали помогодоминантный и доминантный образы эксплуатации. Последний выступал в двух формах: приживальничество и кабальничество. Примеры - юроки и толова Северной Америки (Kroeber, 1925. С.1-52; Ducker, 1937; Gould, 1966).

И наконец, пятый, вероятно самый редкий - геронтократический, для которого характерно брако-приживальничество вместе с приживальничеством. Пример - тиви Северной Австралии (Hart and Pilling, 1960)

11. Пракрестьянское, протодоминомагнатное и парapolитарно-доминомагнатное общества

В процессе дальнейшего развития престижная экономика столь характерная для позднепервобытного и раннего предклассового общества постепенно исчезла. Возникли, по меньшей мере, четыре основных типа позднего предклассового общества (см. Семенов, 1993б). Один из них мы уже детально рассмотрели. Это протополитарное общество, которое возникло из преполитарного. Наряду с протополитарными отношениями в этом обществе могли существовать доминатные и магнатные, что однако не меняло его природы.

Второй тип - предклассовое общество, в котором шел процесс формирования крестьянских домохозяйств и крестьянской общины, но где отношения эксплуатации не достигли сколько-нибудь значительного развития. Он будем называть такое общество пракрестьянским.

Третий тип - общество, в которых пракрестьянско-общинный уклад сочетался с развитыми доминатными и магнатными отношениями. Примером может послужить общество ифугао о. Лусон (Филиппины) (Barton, 1919; 1922). У них все свободные члены общества подразделялись на три основные категории: кадангианги (богачи и одновременно аристократы), натумок (люди среднего состояния) и наватват (бедняки). Последние нередко работали на богачей. Одни бедняки за содержание (пищу, одежду) трудились в хозяйстве эксплуататора. Другие брали в аренду у богачей поля. Хозяин давал землю и половину семян для посева. Другую половину семян обеспечивал работник. Урожай делился пополам между хозяином и арендатором. В некоторых местностях арендатор не был обязан вносить половину семян, но тогда он получал лишь обеспечение на год и животное для жертвоприношения. Практически он был не столько арендатором, сколько работником в хозяйстве эксплуататора.

Практиковались займы под залог полей и детей. В первом случае кредитор получал право пользоваться полем должника как собственным вплоть до уплаты долга. Во втором случае ребенок поступал в распоряжение кредитора. Существовало и рабство. Рабами могли стать как несостоятельные должники, так и люди, захваченные в плен. Практиковалась продажа в рабство детей должниками. Хозяин имел право на жизнь и смерть раба. Когда ребенок-раб подрастал, то хозяин мог выделить ему участок земли для обработки. Невозможно точно установить, работали ли сами эксплуататоры. У Р.Бартона имеется лишь указание, что даже богатые люди, когда располагали временем, брались за лопату.

У апатани Гималаев существовали и доминатные отношения в трех разновидностях (рабство, кабальничество, наймитство) и магнатно-рабовладельческие (Furger-Haimendorf, 1962. С.22, 44, 49, 76-78, 81). К числу подобных обществ, которые можно назвать протодоминомагнатными, должны быть также отнесены тораджи Сулавеси (Volkman, 1985. С.22, 60-68) и, по-видимому, якуты XVII-XVIII веков (см. Токарев, 1945).

Примером четвертого типа предклассового общества могут послужить карачаевцы XIX века (до реформы). Они подразделялись на четыре основных сословия, из которых два первых считались свободными.

Первое свободное сословие составляли таубии (горские князья). В 1867 г. они составляли 3,7 % населения Карачая. Для них считалось недопустимым и неприличным заниматься физическим трудом. Второе свободное сословие - карауздени. Их было 67,7 %. Но они, хотя и считались вполне свободными, тем не менее несли некоторые повинности в пользу таубиев. В основе данной формы эксплуатации лежит верховная собственность таубиев на землю караузденей. Эта форма эксплуатации обычно характеризуется как феодальная, хотя здесь полностью отсутствует основная ячейка феодализма - вотчина. В действительности она очень напоминает преполитарную и, скорее всего, возникла в результате эволюции последней. Ее можно было бы назвать парapolитарной (от греч. пара - возле, около).

Два зависимых сословия - юльгюлькулы (12,4%) и башзыскулы (3,3%). Первые были людьми, которые получали от других лиц землю и скот, сами вели хозяйство и отдавали часть своего труда владельцам земли и скота. Чаще всего это были люди, захваченные в плен. Во в таком положении могли оказаться и ранее свободные члены общины. Один путь - задолженность, другой - аренда земли из-за доли урожая. Таким образом у карачаевцев существовали магнатно-рабовладельческие, магнатно-кабальные и магнатно-арендные отношения. Башзыскулы были рабами, которые трудились в хозяйстве владельца.

В роли магнатов и доминатов могли выступать не только таубии, но и зажиточные карауздени. Более того, даже юльгюлькулы в свою очередь могли иметь и магнатно-зависимых и рабов. Особое место занимали азаты - вольноотпущенники из числа бывших магнатно-зависимых и рабов (12,9 %). Формально они считались свободными, но фактически продолжали нести некоторые повинности в пользу бывших владельцев (Студенецкая, 1937; Невская, 1986. С.192-128).

Точно такие же отношения существовали у балкарцев (Кучмезова, 1972).

Удивительно сходную структуру мы находим у народа и(ицзу) Ляншаня (провинция Сычуань, Китай). Они также делились на четыре слоя: носу - аристократов (7%), цюйно - свободных рядовых (55 %), ацзя - магнатно-зависимых (30%) и сяся - рабов (8%) (Итс, Яковлев, 1967; Итс, 1982). Подобного рода общества мы будем называть парapolитарно-доминомагнатными.

Парapolитарные и доминомагнатные отношения существовали у адыгов, принадлежащих к т.н. "аристократическим" племенам. Мы у них обнаруживаем те же самые четыре основные группы: знать (пши, тлелотлеш и деженуго), свободные рядовые (тфокотли), магнатно-зависимые (оги и лагунапыты или пшитли), рабы (унауты). У части адыгских племен в конце XVIII в. произошли своеобразные "революции", направленные против знати. В результате их были уничтожены парapolитарные отношения. Но доминомагнатные сохранились. Общество этих т.н. "демократических" племен не было парapolитарно-доминомагнатным. Оно было протодоминомагнатным (см. Покровский, 1958. С.102-135; Гарданов, 1967. С.123-236, 246-262).

Адыгские антиаристократические "революции" не представляют собой абсолютно уникального явления. У части качинов Мьянмы (Бирмы) в конце XIX в. также отмечены "революции", но направление против протополитарных отношений. Результатом их было превращение протополитархий (вожеств) в конгломераты независимых пракрестыанских общин. Первые общества характеризуются исследователями как "автократические", вторые - как "демократические" (Leach, 1964. С.197-212).

В свою очередь описанные выше три типа предклассового общества существовали в разных вариантах. Один из них характеризуется тем, что основной ячейкой была община. Это однообщинные предклассовые общества. Множество примеров однообщинных пракрестыанских обществ дает Африка. Это бвамба Уганды (Winter, 1955, 1958), тив Нигерии (Bohannan, 1968), логоли, вугуси и других банту Кавирондо (Wagner, 1969), таллензи Ганы (Forster, 1969), конкомба Того (Tait, 1958), кпе Камеруна (Ardner, 1956). В Азии такого рода общество существовало у ангами нага (Butter, 1969; Moffat-Mills, 1969) и каупуис (кабуис) нага (Hodson 1911; Watt, 1969) Индии, части чинов (Stevenson, 1944. С.13, 89-91) и качинов Мьянмы (Leach, 1964. С.576 124,198, 206, 260). У последних данный тип организации носил название гумлао Однообщин-

ным было протодоминомагнатное общество у ифугао, тораджей, апатани, и парраполитарно-доминомагнатное у карачаевцев и балкарцев.

В обществах описанных трех типов довольно отчетливо прослеживается тенденция к возникновению все более крупных социальных образований. Она проявляется по-разному. Одно направление - укрупнение размеров общин. Оно могло быть осуществлено двумя основными способами. Один - объединение ранее независимых общин, превращение последних в подразделения одной общины. Среди общин особое место занимают деревенские, в которых все члены общины живут в одном селении. Объединение деревенских общин сопровождается их сселением в одном месте. Бывшие самостоятельные общины становятся кварталами одной деревенской общины. Были селения, в которых кварталы играли большую роль, чем деревня в целом. В таком случае деревня в целом была не столько общиной, сколько надобщиной. Но в целом развитие шло по пути становления одной единой общины.

Другой способ - прекращение деления общины. Обычно общины, разрастаясь, делились. Возникали дочерние общины, которые сразу или со временем становились самостоятельными. Когда возникла тенденция к укрупнению общин, последние разрастаясь, долгое время не делились. В результате размеры общин возрастали. По пути укрупнения общин шло, например, развитие карачаевцев. Численность населения их аулов превышала 4 тысячи человек (Невская, 1960. С.17, 47).

Другое направление - возникновение социально-исторических организмов, состоявших из несколько общин. Разрастаясь, общины делились, но старые и вновь возникшие общины продолжали образовывать один социально-исторический организм. Таким образом сами общины переставали быть социально-историческими организмами, становясь частями одного более крупного социора. Такие надобщинные социально-исторические организмы часто именуют племенами. Наиболее ярким примером могут послужить гуроны первой половины XVII в. У них существовало четыре племена. Одно из них занимало 14 деревень, два - по 7 деревень, одно племя полностью жило в единственной деревне (Trigger, 1969. С.15-16). Самый простой способ возникновения более крупных социальных формирований - образование союзов. В союзы могли объединяться общины. В отличие от племен, которые были едиными социально-историческими организмами, союзы были такими образованиями, в которых каждая община продолжала оставаться социором.

Возникновение и исчезновение союзов пракрестьянских общин наблюдалось, в частности, у бвамба (Winter, 1958). Но самый, пожалуй, яркий пример дает Дагестан, в котором к началу XIX в. бок о бок с многообщинными социально-историческими организациями существовало множество однообщинных. И, как правило, все эти общины входили в состав тех или иных союзов, которые в литературе нередко именуются вольными обществами. Их насчитывалось несколько десятков.

Примерами могут послужить Кабо-Дарго, в который в разное время входило от 10 до 15 общин, Томсуда (11 общин), Кос (7), Технуцал (9), Карлал (8), Богулал (5), Чамалал (5), Анди (6), Ахты-Пара (12), Богос (5), Андалал (9), Салатавский (13) (см. Брюханов, 1947; Магомедов, 1957; Хашаев, 1961; Алиев, 1972; Магомедов, 1981; Агларов, 1988).

Начавшись, процесс возникновения крупных социальных формирований мог идти и дальше. Вольные общества Дагестана, в свою очередь могли объединяться в союзы. Наиболее известным из таких союзов был Акуша-Дарго, в состав которого входило 5 вольных обществ (Магомедов, 1981. С.29)

Образовывать союзы могли и племена. Так, например, все четыре племени гурунов образовывали конфедерацию (Tooker, 1964; Trigger, 1960). Другой хорошо известный пример - знаменитая Лига ирокезов, которая объединяла вначале пять, а затем шесть племен (Морган, 1983).

Одни однообщинные общества Дагестана относились к числу пракрестьянских, другие являлись протодоминомагнатными, третьи - парapolитарно-доминомагнатными (Алиев, 1972. С.114-131; Гаджиев, 1981. С.12-23; Магомедов, 1981. С.37-42; Агларов, 1988. С.133-142). Ирокезы скорее всего относились к пракрестьянским обществам. Хотя у них и существовало рабство, но оно не играло сколько-нибудь значительной роли (Stites, 1905. С.118-119). Что же касается гурунов, то их общество было очень близко к позднепервобытному.

У "демократической" части адыгов в конце 46-х годов XIX в. возникла крупная конфедерация, включавшая абадзехов, шапсугов и натухайцев (Гарданов, 1967. С.287). Свообразные объединения общин существовали и у "аристократической" части адыгов (там же. С.157-166).

Существование в предклассовом обществе нескольких параллельно существующих качественно отличных друг от друга социально-экономических типов не позволяет ни отнести его к какой-либо определенной общественно-экономической формации, ни вы-

делить в качестве особой общественно-экономической формации. Это - межформационный период.

12. Типы общества и характер войны

Предклассовые общества разного типа жили далеко не одной и той же жизнью. Многое в них отличалось. В частности, разный характер носила в них и война. Кроме того нужно учесть, что войны могли вестись не только между обществами одного и того же типа, но и обществами разных типов.

Главным типом предклассового общества было протополитарное. Именно через него пролегла дорога к первой классовой общественно-экономической формации - политарной. Поэтому мы прежде всего попытаемся нарисовать картину войн в протополитарном и раннем политарном обществе. Этому будет посвящен весь второй раздел второй части. В третьем разделе будут рассмотрены войны в остальных предклассовых обществах, исключая, разумеется, кочевые народы Азии и Африки, речь о которых пойдет в следующей, третьей части монографии.

Войны в раннеклассовых обществах иного типа, чем ранние политарные, в данной, т.е. второй части специально не рассматриваются. Тому несколько причин. Одна из них - ограниченный объем. Поставленные перед выбором: либо дать более чем begлый обзор войн во всех раннеклассовых обществах, либо нарисовать более или менее обстоятельную картину войн в раннеклассовом обществе одного определенного типа (раннеполитарном), опустив при этом все остальные, мы предпочли пойти по второму пути.

Это освободило нас и от необходимости дать характеристику социально-экономических структур и иных, кроме раннеполитарного, раннеклассовых обществ, что само по себе было очень непростой задачей. Никакого единого взгляда по этому вопросу не существует. Одни такие общества характеризуются как раннерабовладельческие (например, социально-исторические организмы Архаической Греции). Однако известно, что рабство в них не играло сколько-нибудь существенной роли. Другие общества именуются раннефеодальными (например, варварские королевства Западной Европы). При этом нередко подчеркивается, что феодальные отношения в них только начали складываться, да и то не сразу. Во всяком случае господствующими они не были. На наш взгляд, социально-исторические организмы Архаической Греции, Этрурии и раннего Рима были доминамагнатными, а варварские королевства Западной Европы - политарно-доминамагнатными. В дальнейшем

развитии доминагнатное общество Архаической Греции и раннего Рима трансформировалось в рабовладельческое, а политарно-доминантные социально-исторические организмы Западной Европы превратились в феодальные. (см. Семенов, 1992; 1993б, №2). Весь этот вопрос очень сложен и требует специального исследования.

Что же касается войн в названных выше и других раннеклассовых обществах, то в принципе они ничем не отличались от тех, что велись в раннем политарном обществе. Это можно наглядно видеть на материалах третьей части монографии, где в числе прочих рассматриваются раннеклассовые общества иного типа, чем ранние политарные.

II

ВОЙНА В ПРОТОПОЛИТАРНОМ И РАННЕМ ПОЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Тробрианцы

Самым примитивным из известных нам протополитарных обществ является общество меланезийцев островов Тробриан. Это общество является во многом еще переходным от преполитарного к протополитарному. На главном острове архипелага - Киригина (Бойова) существовало несколько формирующихся протополитарных, самыми известными из которых были Киригина со столицей в деревне Омаракана и Тилатаула со столицей в деревне Кабуаки.

У тробрианцев не существовало охоты за головами. Не предпринимались у них и ночные набеги на соседние деревни. Войны велись с соблюдением строгих правил. Ни одна из них не начиналась без предупреждения. Причины войн: ссоры членов различных вожеств из-за женщин, огородов, свиней, подозрения в колдовстве. В начале происходили схватки с применением легкого оружия (палок, дубин, легких копий), которое постоянно носили с собой. Результат: либо примирение, либо настоящая война.

В последнем случае правители вожеств призывали своих подданных собраться к определенному дню в столицах. На полдороге между двумя столицами выбиралось и расчищалось место. Единственное оружие, которое применялось на войне: копья и щиты. Битва продолжалась, пока обе стороны держались. Когда воины одной из сторон обращались в бегство, открывался путь к дерев-

1808 г. он вернулся, захватил власть и начал править Мтетва под именем Дингисвайо (Bryant, 1929. С.86-95; Krige, 1965. С.6-8).

Население Мтетва составляло немногим более 4 тысяч человек, из которых 500 были способны носить оружие (Bryant, 1929. С.97). С этим небольшим отрядом Дингисвайо начал свои завоевания. За сравнительно короткий срок он подчинил себе значительное количество ранее самостоятельных вожеств. Он провел военную реформу. На базе возрастных разрядов им была создана более или менее стройная система полков. В результате в его распоряжении оказалась настоящая армия (Krige, 1965. С.8). Одни вожества были им завоеваны, другие подчинились добровольно.

Однако единой крупной протополитархии Дингисвайо не создал. Подчиненные вожества сохранили большую степень самостоятельности. Их зависимость от Дингисвайо ограничивалась уплатой дани и предоставлением в его распоряжение отрядов воинов. Они не входили в состав новой, более крупной протополитархии в качестве округов или провинций, а по-прежнему оставались протополитархиями, но только теперь вассальными. Такого рода объединение, состоящее из одной господствующей и нескольких вассальных протополитархий, некоторые исследователи называют федерацией (Hammond-Tooke, ed., 1974. С.248, 268, 371). Мы будем называть его державой. Соответственно господствующую протополитархию мы будем обозначать как державную. Державная протополитархия является ядром державы, вассальные составляют ее периферию.

Дингисвайо не был одинок в своих замыслах. Одновременно или почти одновременно с ним завоевательную политику начал проводить правитель вожества Ндвандве - Звиде. Он тоже подчинил себе немалое число ранее самостоятельных вожеств. Столкновение Дингисвайо и Звиде было неизбежным. Дингисвайо трижды побеждал Звиде, брал его в плен и освобождал после того, как тот признавал его верховенство. В 1818 г. Дингисвайо предпринял новый поход против Звиде, но был предательски убит последним. После этого Звиде продолжал создавать свою державу. Однако он столкнулся с новым соперником. Им оказался Чака - правитель вожества Зулу.

Родившийся в 1787 г. Чака был сыном вождя зулу - Сензангаконы. В семилетнем возрасте он вместе с матерью был изгнан отцом. В конце концов он оказался в вожестве Мтетва, где прославился как воин и стал любимцем Дингисвайо. Еще находясь на службе у Дингисвайо, Чака изобрел новый вид оружия - асsegай с массивным клинком и прочным коротким древком, что привело к

изменению тактики боя. В 1816 г. Сезангакона, признавший к тому времени власть Дингисвайо, умер и при поддержке верховного правителя Чака стал вождем зулу.

Владения Чаки составляли 100 квадратных миль. В войске его насчитывалось 500 человек (Риттер, 1989. С.83). Не отказываясь от подчинения Дингисвайо, Чака начал проводить активную самостоятельную политику. Он начал с подчинения вожества Э-Лангени в результате чего удвоил свои силы. Затем в зависимости от него оказались еще с три вожества: Гунгебени, Сибийя и Газини. Следующим шагом Чаки был беспощадный разгром вожества Бутелези. Часть его жителей была истреблена, часть слита с зулу, элангени и гунгебени. Пустующие земли были заселены зулу и их союзниками. Захваченный скот был отослан Дингисвайо, который значительную его часть вернул своему протезе.

В течение года Чака подчинил себе 6 вожеств. Территория, контролируемая им выросла в 4 раза, а армия увеличилась до 2 тысяч человек. К этому времени его воины были вооружены асегаями нового типа и научились соблюдать боевой порядок и строжайшую дисциплину. В 1817 г. Чака принял участие в походе Дингисвайо против вожества нгваанов, который закончился успехом.

Убив Дингисвайо, Звиде попытался покончить с Чакой. Вспыхнула война. В апреле 1818 г. произошла кровопролитная битва на холме Гокли, в которой войска Чаки одержали победу. Ндвандве потеряли 7,5 тысяч человек. Из воинов Чаки было убито 1,5 тысячи человек и 500 ранено.

Этот успех обеспечил дальнейшее расширение влияния Чаки. Многие вожества признали его власть. В конце 1818 г. было покорено крупное вожество Гвабе. Подчинилось его власти и ранее державное вожество Мтетва. К концу 1818 г. под властью Чаки оказалось более 80 вожеств. Его господство распространялось на территорию более чем в 7 тысяч квадратных миль (Риттер, 1989. С.165).

В 1819 г. началась новая война между Чакой и Звиде. 18-тысячная армия ндвандве во главе с Сошангааном вторглась в страну Чаки. В решающей битве она была наголову разгромлена. После этого войска Чаки смертоносным смерчем пронесли по стране ндвандве, уничтожая людей, угоняя скот, сжигая хижины. Звиде с частью жителей своего вожества бежал и поселился далеко от родины.

В 1820 г. Чакой была разгромлена еще одна держава нгуни, которую возглавлял верховный вождь тембу - Нгози. К концу 1821 г. господство Чаки распространилось на область в 11,5 тысяч квадратных миль, простиравшуюся от реки Тугела на юге до Понголы

на севере и от реки Баффало на западе до Индийского океана. Эту территорию Э.А.Риттер называет Великой Зулусией (1989. С.191). Именно ее прежде всего имеют ввиду, когда говорят о Зулуленде. По подсчетам А.Т.Брайанта население Зулуленда в 1816 г. составляло 74898 человек (Bryant, 1929. С.81-82). К 1821 г. в армии Чаки насчитывалось более 20 тысяч воинов (Риттер, 1989. С.284).

Еще более возросло могущество Чаки за последующие годы. По подсчетам Э.А.Риттера к 1828 г. под его властью находилась территория в 200 тысяч квадратных миль. Армия его к этому времени выросла до 50 тысяч человек (Риттер, 1989. С.342).

22 сентября 1828 г. Чака был убит заговорщиками. Власть перешла к его брату - Дингаану, при котором территориальная экспансия прекратилась. После войны с бурами в 1838 г. произошло сокращение подвластной зулусам территории. В 1840 г. Дингаан был свергнут братом - Мпанде. После смерти последнего в 1872 г. правителем стал его сын - Сетвайо. В 1880 г. зулусы потерпели поражение от англичан. Их земля была вновь разделена на множество вожеств (Gluckman, 1969. С.26-27).

Политическое образование, созданное Чакой, довольно отчетливо делилось на две части. Первая часть - ядро, называемое Э.А. Риттером Великой Зулусией. Вторая часть - вся остальная территория, находившаяся в зависимости от Чаки. Собственно Зулусия не была объединением, состоявшим из одной господствующей протополитархии и многих вассальных. Чака последовательно проводил политику централизации. С подчинением его власти ранее самостоятельные вожества на этой территории превращались не в вассальные протополитархии, а становились частями - провинциями новой крупной единой протополитархии.

Во главе этих провинций нередко оставались старые правители, но права их при этом значительно урезывались. Ни один из них не мог вести самостоятельной политики, как это делал Чака при Дингисвайо. Огромную роль в создании политического единства играла армия. Вся жизнь зулусов при Чаке была милитаризована. Продолжая линию Дингисвайо, Чака создал стройную систему полков, сформированных по возрастному принципу. Эти полки подчинялись непосредственно верховному правителю. Они жили в специальных военных краях, сконцентрированных вокруг столицы. Правители провинций не имели над ними никакой власти.

В результате централизаторской деятельности Чаки все население Великой Зулусии образовало одну этническую общность, за которой закрепилось название зулу или зулусов. Если в начале деятельности Чаки под зулусами понимали лишь членов вожеств-

ва Зулу, то к ее концу зулусами считали себя все население этой территории.

В отличие от вожеств, которые были демосоциальными организациями, созданная Чакой единая крупная протополитархия была организмом уже геосоциальным. Она прочно срослась с территорией. Качественно отличие протополитархий подобных тем, что была создана Чакой с одной стороны, от обычных вожеств, с другой, - от объединений, стоящих из господствующих и вассальных протополитархий, т.е. держав, осознается многими исследователями. Они их именуют "нациями" или "королевствами". В некоторых ранних работах о южноафриканских банту термин "королевство" применялся иногда и для обозначения вожеств. Однако в более поздней литературе отчетливо проводится различие между вожеством, федерацией (т.е. державой) и королевством (Hammond-Tooke, ed., 1974. С.246-248, 268-272).

Все сказанное выше дает основание для подразделения протополитархий на два основных вида. Первый - ранние протополитархии. Их обычно именуют вожествами. Второй - поздние протополитархии. Именно их обычно называют королевствами. Учитывая, что речь здесь идет о предклассовом обществе, мы вместо слова "королевство" будем употреблять несколько иное - "пракоролевство". Пракоролевство зулусов во времена Чаки было ядром обширной державы, в которую входили вассальные вожества.

События, развернувшиеся в Натале в начале XIX в. имели своим следствием не только образование пракоролевства зулусов и вообще державы Чаки. Они привели и к другим результатам.

Мы уже говорили о походе, который предпринял Дингисвайо против вожества нгваанов. Их вождь Мативаан признал верховенство Дингисвайо после чего конфликт был разрешен. Но готовясь к войне с Дингисвайо Мативаан укрыл весь скот своего вожества во владениях Мтимкулу - вождя хлуби. Когда войско Дингисвайо ушло, Мативаан потребовал у Мтимкулу свой скот и получил отказ. В это время на нгваанов обрушился уже известный нам правитель ндвандве Звиде. Нгвааны были вынуждены спешно покинуть родину. Их войско, вместе с которым шли женщины и дети, напало на главное селение хлуби, уничтожив всех тех, кто там находился, включая Мтимкулу. Уничтожены были и другие селения хлуби. Победители удалились, гоня с собой и собственный скот, который удалось вернуть, и чужой.

Однако значительная часть хлуби спаслась бегством. Их объединил под своей властью брат убитого вождя - Мпангазита. Под его руководством они перешли Драконовы горы и напали на вож-

дество Батлоква, находившееся на территории нынешнего Свободного Оранжевого государства. Им в то время управляла Мантатизи - мать малолетнего вождя Сиконьелы. Захватив весь скот батлоква, Мпангазита пошел на юго-запад, уничтожая все на своем пути. При этом пострадали народы, населявшие запад Басутоленда и большую часть Свободного Оранжевого государства.

Ограбленные батлоква во главе с Мантатизи двинулись на юго-запад, оставляя после себя столь же страшные следы. Они несли поражение бафукенгам, махвава, баквена. Ими была одержана победа над знаменитым Мшвешне (Мошешу) - будущим основателем прародовства Басутоленд.

Что же касается нгваанов во главе с Мативааном, то разгромив клуи, они двинулись на юг, сжигая на своем пути селения и истребляя всех без разбора: детей и женщин, стариков и больных. Переправившись через реку Тугела, Мативаан со своими людьми поселился в 1818 г. у подножья Драконовых гор. Однако спустя четыре года он потерпел поражение от одного из полководцев Чаки - Мдлака и, потеряв весь скот, был вынужден уйти на территорию Свободного Оранжевого государства. Грабя и уничтожая все на своем пути нгвааны прошли по восточной части Свободного Оранжевого государства к северо-западным районам Басутоленда. В 1828 г. в восточной части Капской провинции Мативаан был разбит объединенными силами англичан, коса и тембу. С горсткой воинов он избежал гибели и вернулся в страну зулусов, где был убит по приказу Дингаана (Bryant, 1929. С.135-158; Риттер, 1989. С.122-126, 236-237, 286-287).

В случае с Мпангазита, Мантатизи и особенно Мативааном мы сталкиваемся с очень своеобразным явлением - мигрирующим или подвижным вожеством. Так как подобное вожество почти непрерывно находилось в движении, что не давало возможность заниматься нормальной хозяйственной деятельностью, то в основном оно жило грабежом народов, по территории которых проходило. Если исключить бесчисленные зигзаги, то нгвааны во главе с Мативааном за несколько лет прошли, грабя и уничтожая все на своем пути, почти тысячу миль по неизвестной местности (Риттер, 1989. С.125). После поражения в войне с Чакой мигрирующим вожеством стали тембу, мбата и кузе во главе с Нгози. В подвижное вожество превратились в 1821 г. цуну, возглавляемые Мацингване. Они также сеяли на своем пути смерть и разрушения (Bryant, 1929. С.252-273; Риттер, 1989. С.226, 229).

В одних случаях мы имеем дело с настоящими подвижными вожествами, т.е. протополитархиями, с других - просто с воору-

женными отрядами. Впрочем грань здесь весьма условна. Мигрирующие вождества могли превращаться в обыкновенные отряды, а отряды в подвижные вождества.

Во главе образований, природа которых не вполне ясна, оказались после полного разгрома ндвандве бывший главнокомандующий их армией Сошангаан, его заместитель Звангендаба, а также один из подчиненных ему полководцев - Нкаба. Эти образования постоянно пополнялись за счет народов, которые оказывались на их пути. В 1821-1822 гг. Сошангаан, Звангендаба и Нкаба порознь двинулись на север от своей родины. Победоносно продвигаясь вперед, Сошангаан разгромил португальцев, подчинил себе множество вождеств и основал державу Шангаан (Газа), простиравшуюся по побережью Индийского океана от бухты Делагоа до Замбези (Bryant, 1929. С.446-458). По своим масштабам это образование было не меньшим, чем держава Чаки.

Звангендаба за 20 лет прошел путь более 2 тысяч миль и к 1840 г. достиг Танганьики. Если при начале движения его сопровождало несколько сот человек, то к этому времени он был главой вождества, насчитывавшем в своем составе много тысяч членов. Из них только 10 % были нгуни по происхождению. Остальные 90 % были абсорбированы во время движения из среды народов, по территории которых проходило это вождество. Эта новая общность людей получила название ангони. Во время движения от подвижного вождества Звангендабы откалывались группы, возглавляемые теми или иными честолюбивыми руководителями. В конце концов они оседали в том или иной районе. Всего возникло 16 вождеств ангони. Самые южные из них обосновались в области озера Ньяса, самые северные - возле озера Виктория (Bryant, 1929. С.458-471; Риттер, 1989. С.356).

Участь Нкабы была печальной. Вначале, подчинив себе ндаву, он стал правителем довольно крупного вождества на территории нынешнего Мозамбика. Затем он, будучи изгнан Сошангааном, двинулся на запад и, в конце-концов, погиб (Bryant, 1929. С.446, 460-462, 471-472).

Одним из самых удачливых завоевателей, вышедших из числа нгуни, был Мизиликази (Моселекатсе). Он был сыном правителя вождества Кумало, находившегося в зависимости от Звиде. Отец его был вероломно убит последним. После битвы у Гокли Мизиликази перешел на службу к Чаке. Когда ндвандве были разгромлены, он был восстановлен в должности вождя кумало. Будучи послан Чакой в поход на север, он захватил богатую добычу, которую решил оставить себе. Узнав об этом Чака послал к нему гонца

с требованием отдать захваченный скот. Мзиликази отказался. Против него была направлена карательная экспедиция, которая оказалась безуспешной. В результате следующей, предпринятой в 1823 г., Мзиликази потерпел поражение и бежал. По одним данным его сопровождало 300 молодых воинов и много женщин и детей, к которым потом присоединились и некоторые другие люди из числа кумало (Bryant, 1929. С.423; Риттер, 1989. С.238-239). Другие утверждают, что он увел с собой более 2 тысяч воинов с женами и детьми (Потехин, 1951. С.237).

Двигаясь на север Мзиликази разгромил зависимое от Чаки вождество Ньюка. Многие ньюка были убиты, весь их скот захвачен. Сея смерть и разрушение, он прошел по вождествам басуто в Восточном Трансваале. Женщин он захватывал, молодых мужчин забирал себе на службу. Образовавшаяся вокруг Мзиликази общность людей получила название матабеле.

Вслед за басуто наступила очередь бечуанов, которые ничего не могли противопоставить матабеле с их зулусской военной организацией, новым оружием и новой тактикой рукопашного боя. Часть бечуанов была перебита, часть бежала в пустыню Калахари, а оставшиеся признали власть Мзиликази. Последний основал свою резиденцию вблизи нынешней Претории. Отсюда он распространил свое влияние на большую территорию между реками Ваал и Лимпопо. Здесь матабеле прожили 13 лет.

В 1836 г. их начали теснить бурские поселенцы. После двух лет борьбы матабеле снялись с места и ушли на север. Они поселились на территории нынешнего Зимбабве. Мзиликази создал огромную державу, простиравшуюся от реки Ваал на юге до реки Замбези на севере и от озера Нгами на западе до Мозамбика на востоке. Ее территория превышала 500 тысяч квадратных миль. На этом обширном пространстве кроме матабеле жили бечуаны, мошонна, мокололо. По европейским данным, войска преемника Мзиликази Лобенгулы в 1889 г. включали в свой состав 11500 матабеле и 10000 воинов из вассальных вождеств. В 1893 г. матабеле потерпели поражение в борьбе с англичанами и оказались под их властью. Держава матабеле прекратила существование.

На основе обобщения приведенного материала можно сделать несколько выводов.

Когда существует бок о бок множество сравнительно равных по силе протополитархий, то такая система долгое время может оставаться стабильной. Но стоит только одной протополитархии выделиться и подчинить себе несколько других, как равновесие сил резко нарушается. Наступает эффект снежного кома. Подчинение

все новых и новых протополитархий делает первую все более могущественной, а могущество в свою очередь делает возможным новые захваты. Одновременно рост могущества одной из протополитархий делает необходимым объединение тех протополитархий, которые еще не завоеваны и не желают подвергнуться такой участи. В результате наряду с одной расширяющейся протополитархией возникают и другие не менее могущественные. Между ними разгорается борьба, которая решается в пользу одной из них. Поражение одного из соперников снимает преграды на пути территориальной экспансии победителя.

В результате буквально за несколько лет может радикально измениться политическая карта. На смену множества независимых вожеств приходит либо одна крупная протополитархия, либо держава, а иногда и то и другое одновременно.

Толчок, нарушающий первоначальное равновесие, нередко приходит извне. Особенно наглядно это можно видеть тогда, когда на данную территорию вторгается кочующая протополитархия. Она первоначально подчиняет себе несколько местных, а затем начинается эффект снежного кома. Вторгнуться извне может не только кочующая протополитархия, но просто крупный вооруженный отряд, отправившийся на поиски новой родины.

Завоевания Чаки состояли в присоединении новых территорий к ранее существовавшему социальному образованию. Они привели к возникновению, во-первых, пракоролевства зулусов, во-вторых, крупной державы, ядром которой это пракоролевство являлось. Внутри пракоролевства не было различий между завоевателями и покоренными. Все его жители в равной степени являлись зулусами. В пределах державы различие между завоевателями и покоренными было различием между жителями зулусского пракоролевства и жителями вассальных вожеств.

В случае Мзиликази завоеватели пришли извне и поселились на территории покоренных народов. В результате, наряду с протоклассовой стратификацией возникла и иная, не совпадающая полностью с первой.

Кумало, вообще все нгуни, пришедшие из Натала, и их потомки образовали высший слой, получивший название абензанзи ("Те, кто с юга"). Представители басуто, бечуанов, которые были инкорпорированы во время пребывания в Трансваале и в той или иной степени усвоили зулусский язык, образовали второй слой - абенхла ("Те, кто с севера"). Остальные, прежде всего мошона, принадлежали к низшему слою - амахоле (Потехин, 1951. С.244-245; Риттер, 1989. С.239). Это различие не совпадало не только с

классовым, но и с различием между жителями доминирующей протополитархии и жителями вассальных.

Различие между завоевателями и коренным населением особенно долго сохраняется, когда первые и вторые не только относятся к разным этническим общностям, но и ведут различный образ жизни.

Все южноафриканские банту, о которых шла речь, была земледельцами и животноводами. У всех у них существовали протополитарные отношения. В результате завоевания их общественный строй не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. Единственное, что произошло, это возникновение наряду с вождествами працарств и держав.

3. Баньянколе

В XII-XIII вв. некоторые районы нынешней Уганды, в которых обитали земледельцы - баиру были завоеваны скотоводами - бахима. Возникло довольно крупное образование, которое принято именовать Китара. Трудно сказать, каким был общественный строй баиру и бахима до этого события. Согласно легендам, у бахима ко времени завоевания не было ни вождей, ни королей. У них существовали лишь важные и богатые люди, которые улаживали конфликты. Об общественных порядках у баиру предания молчат. Можно предполагать, что и общество баиру было предклассовым.

В XVI-XVII вв. империя Китара рухнула. От нее отпали Анколе (Нкоро), Торо, Карагве. Оставшаяся часть получила название Буньоро. Все эти единицы сохранялись до XIX в. и детально описаны во многих работах. В качестве примера рассмотрим Анколе.

Каким бы ни был общественный строй баиру и бахима до завоевания, Анколе в XIX в. представляла собой типичную протополитархию. Многие исследователи считают, что такого рода отношения возникли в результате завоевания. Бахима образовали правящий класс, баиру - подчиненный. Так из общества без классов возникло общество с классами.

Действительно различия между бахима и баиру были различиями между людьми не разных социально-исторических организмов: державного и вассального, а одного единого социума. Бахима действительно образовывали привилегированный, а баиру - лишенный привилегий слой. Между ними были воспрещены браки.

Но хотя число бахиму было в 10 раз меньшим, чем числе баиру, не все они относились к классу протополитаристов. Рядовые бахима, занимавшиеся скотоводством, не только жили за счет соб-

ственного труда, но и обязаны были давать правителю Анколе - мугабе скот. С другой стороны, некоторые люди из числа баиру выступали в качестве должностных лиц, в частности сборщиков налогов. Рядовые баиру рассматривали их как вождей. Но в целом подавляющее число протополитаристов состояло из бахима (См. Roscoe, 1923. С.1-22, 34-58, 94-107; Oberg, 1969. С.121-150; Годионер, 1982. С.56-59, 88-89).

4. Баганда

Пракорольства и державы на юге Африки возникли в XIX в. буквально за считанные годы. В дальнейшем их развитие было прервано в результате европейской экспансии. В Буганде, расположенной на территории современной Уганды, подобного рода процессы делились в течение веков.

Устные хроники баганда рассказывают о времени, когда существовали независимые роды во главе со своими старейшинами (батака). Судя по всем данным, в действительности это были не роды, а ранние протополитархии, вожества. Предания говорят также и о существовании объединения этих "родов" с сабатакой (старейшиной старейшин) во главе.

Затем, согласно традиции, с востока или северо-востока на территорию Буганды вторглись мигранты во главе с Кинту. Последний захватил власть и стал верховным правителем. Под его господством объединилось около 22 "родов". Это произошло, вероятно, в XIII-XIV вв.

В XVI-XVII вв. в Буганду с запада во главе 10 родов пришел Кимера, к которому перешла верховная власть. Согласно устойчивой традиции Кимера разделил Буганду на провинции (саза), поставив во главе их наместников. При Кимере началась военная экспансия Буганды (Годионер, 1982. С.57-93).

Одной из важных целей войны был грабеж. Как писал Дж.Роско, баганда - храбрый и воинственный народ. Они всегда готовы начать войну с тем или иным из окружающих народов. Малейший инцидент используется как повод для начала военных действий. Надежда на добычу побуждает каждого мужчину стремиться принять участие в карательной экспедиции.

Когда верховный правитель Буганды - кабака решал начать войну, он обращался к богам. Они должны были дать совет, как вести войну и кого назначить командующим войсками. Жрецы от имени богов называли имя главнокомандующего и посылали благословение. Затем правитель советовался со своими ближайшими

помощниками относительно того, какое количество воинов послать в поход. Все держалось в секрете до тех пор, пока не происходил сбор вождей для обсуждения деталей ведения войны. Объявлялось имя главнокомандующего. Следующий шаг состоял в том, чтобы начать бить в большой военный барабан, что находился при дворе кабаки. На этот звук откликались все более и более далекие барабаны и вскоре в них били по всей стране. Это был сигнал к сбору войск.

Армия Буганды представляла собой народное ополчение. Каждый воин имел собственное оружие: 2-3 легких копья для метания и одно тяжелое для рукопашного боя. В левой руке он держал щит. Не существовало централизованного обеспечения солдат продовольствием. Поэтому они жили за счет местного населения. Их призывали не грабить в своей стране, но разрешали брать плоды в огородах и птицу. На деле воины занимались грабежом и на своей территории, не говоря уже о вражеской.

Армия собиралась в течение 4 дней после начала барабанного боя и через 10 дней части ее прибывали на границу, где лагерем стоял главнокомандующий. Впереди высылались разведка. Предпринимались отвлекающие удары. Перед битвой главнокомандующий решал, какие войска послать в атаку, а какие держать в резерве. Во время боя он находился на возвышенном месте, чтобы иметь возможность наблюдать его ход и в случае нужды послать помощь туда, где она была нужна.

Когда добычи было захвачено много, армия возвращалась на родину. Часть добычи шла кабаке, остальное делилось между участниками войны. Люди, отличавшиеся в сражениях, получали награду: женщин, скот. Война была важным средством социальной мобильности. Человек из простого народа, проявивший храбрость в боях, мог пробиться в среду правящего класса (Roscoe, 1911. С.346-364).

Войны велись не только с целью грабежа, но и захвата и прочного освоения территории. Правители Буганды не ограничивались сбором дани. В завоеванные районы назначались наместники. За местными вождями, если они проявляли лояльность к победителю, оставлялась некоторая доля власти. Сопrotивление жесточайшим образом подавлялось. Когда присоединенные земли более или менее прочно осваивались, происходило сближение гражданского статуса их населения с нормами действовавшими в центре.

По всей Буганде была проложена сеть прекрасных дорог, которые позволяли быстро перебрасывать войска. Состояние дорог позволяло гонцам кабаки достигать самых отдаленных окраин за не-

сколько дней. Организация войны и дорожные работы относились к числу важных функций нарождающегося государства в Бугаде.

К XVII в. Вуганца удвоила свою территорию. К началу XIX в. территория Буганды равнялась примерно 26 тысячам км². Население ее составляло от 1 до 3 млн. человек. В сфере влияния праторолества Буганда находились все пограничные с ней области, одни из которых представляли собой протополитархии, а другие — местные системы небольших протополитархий (Бусога, Анколе, Торо, Коки, Кизиба, Бухайя, Карагве, Ихангиго). В 1893 г. Буганда стала английским протекторатом. Ее самостоятельное развитие оборвалось (Roscoe, 1911; Годинер, 1982).

Нельзя сказать ничего определенного относительно того, как именно объединились протополитархии в Буганде в эпоху до появления Кинту. Возможно, что одна протополитархия подчинила себе другие. Но не исключено, что бугандийские протополитархии объединились на добровольной основе, образовав союз. Последнее представляется более вероятным.

5. *Акань (ашанти и фанти)*

Такой ход событий наблюдался, в частности, у аканов Западной Африки (ашанти, фанти и др.), численность которых 10 млн. человек. Возникновение союзов (федераций) у аканов не было результатом завоевательных войн. Однако эти события были теснейшим образом связаны с войнами. Протополитархии объединялись для ведения войн. Один из самых известных таких союзов носил название Асанте, что буквально означало: "объединение для войны, военный союз" (Попов, 1990. С.119).

В жизни аканов огромную роль играла внешняя торговля, прежде всего обмен с европейцами. Объектами были золото, слоновая кость, перец, черное дерево. С конца XVII в. главным товаром стали невольники, которых европейские работорговцы поставляли в Америку. В обмен акань получали огнестрельное оружие. Войны у аканов были постоянным явлением. Они велись ради грабежа, захвата рабов, получения контрибуций, увеличения числа данников. По одной из важнейших целей войн было установление контроля над торговыми путями, ведущими от побережья к внутренним районам.

Значение внешней торговли и войн у аканов было столь велико, что В.А.Попов характеризует их социальные образования как паразитические военно-торговые организмы (1990. С.212). Как утверждает он, общество аканов зиждилось прежде всего на внешней

эксплуатации: военном грабеже, контрибуциях, данничестве, посреднической торговле (С.184). Для него был характерен африканский (военно-торгово-даннический) способ производства (С.224). Именно на его базе возникло государство. Что же касается антагонистических классов, то их в обществе аканов не существовало. Политогенез у них опережал классогенез (С.209-210)

Прежде всего следует отметить, что В.А.Попов ставит знак равенства между понятиями "способ эксплуатации" и "способ производства". Но существуют такие способы эксплуатации, которые способами производства не являются. К ним относятся и военный грабеж, и посредническая торговля, и данничество. Никакого военно-торгово-даннического способа производства не существует и существовать не может. Но ни одно общество не может жить без какого-либо способа производства.

Основная социальная единица у аканов называлась оман. Ее возглавлял оманхене. Данные свидетельствуют о том, что оман был типичной протополитархией, а оманхене - типичным протополитархом. Оманхене считался хозяином земли омана (Попов, 1990. С.106). Оман подразделялся на округа, а последние состояли из общин с населением от 500 до 1000 человек (С.90-91, 104).

Часть созданного продукта общинники отдавали главе общины (одекуро). Последний $\frac{1}{3}$ полученного использовал на свои нужды, а остальное передавал оманхене (С.175). Последний получал дары, подношения от общин во время праздников Оджиры и Адаэ (С.178-179). Оманхене имел право на часть мяса и шкуры ряда диких животных, убитых на территории вожества, а также часть рыбы. Охотник на слонов был обязан отдавать ему один бивень и хвост (С.176). Оманхене получал значительную долю золотых самородков и золотого песка, добываемого на подвластной территории (С.175-176). Правителю шли дани, штрафы, пошлины, а также часть военной добычи (С.179, 180). Долю прибавочного продукта получали и другие должностные лица. Размеры ее зависели от их места в иерархической системе. Например, сборщики податей, пошлин и штрафов получали $\frac{1}{5}$ собранного (С.179).

Существование протополитарной эксплуатации, а тем самым и протополитаристов у аканов несомненно. Но наряду с ней бытовали и другие формы извлечения прибавочного продукта. Кроме упомянутых выше у них существовало также рабство и кабальничество (С.184-186, 193-196).

Одни оманы могли себе подчинять другие. В ряде случаев побежденные оманы становились частями победившего, т.е. происходило укрупнение последнего. Так в XVIII в. оман Кумаси победил

и влил в свой состав оманы Амакон, Каасе, Тафо, Дормаа (С.120). В других случаях побежденные оманы, сохраняя внутреннюю самостоятельность, становили вассалами-данниками победителя (С.121). Возникли объединения, которые мы называли державами. Оман Аквamu в XVII-XVIII вв. имел 10-12 вассальных оманов (С.114).

С этими мы уже сталкивались на примере нгуни. Новое для нас явление - образование союзов протополитархий. Один из самых известных таких союзов - конфедерация Ашанти (Асанте Нгабом), возникшая, вероятно, в начале XVIII в. Она была образована для ведения войны с оманом Денчира, который был в дальнейшем разгромлен и влился в состав омана Кумаси.

Согласно устной традиции этот союз состоял первоначально из 5 оманов, хотя трудно сказать, насколько это соответствует действительности. В дальнейшем число полноправных членов союза, которые назывались аманто, выросло. Однако на протяжении двух столетий в союз никогда не входило одновременно более 12 аманто.

Главой союза был правитель омана Кумаси. Он был не только кумасихене, но и асантехене. Все аманто были независимы в решении своих внутренних проблем. Асантехене не имел права вмешиваться в их дела и обладал реальной властью только в своем омане Кумаси. Первоначально он был первым среди равных оманхене (С.126).

Все аманто вместе взятые образовывали союза - Асантеман. Но вскоре состав конфедерации Ашанти перестал совпадать с Асантеманом. В результате непрерывных войн Асантеман к середине XVIII в. подчинил и обложил данью более 20 вожеств. Еще около десятка добровольно приняли его протекторат.

Все эти зависимые протополитархии не стали аманто. Они делились на две категории. Первая из них - амансин. К ней относились оманы, населенные аканами, или те, где при смешанном населении правили аканские роды. Они были тесно связаны с Кумаси, но пользовались независимостью в своих внутренних делах. Их жители участвовали в войнах в составе ашантийской армии. Амансин входили в состав конфедерации Ашанти, но не Асантемана (С.128-130).

Вторая категория - аматеасе. В их столицах, в отличие от амансин, находились вооруженные отряды ашантийцев и представители асантехене, которые собирали дань. Их жители не участвовали в войнах в составе ашантийской армии. Состав аматеасе был нестабильным. Некоторые из них входили в конфедерацию Ашанти не прямо, а в силу того, что были данниками вожеств - амансин (С.130).

Таким образом конфедерация Ашанти со временем превратилась в своеобразную державу, ядром которой была не одна прото-

политархия, а союз, состоящий из нескольких протополитархий (Асантеман). К началу XIX в. Асантеман контролировал примерно 150 тысяч км² с населением в 2-3 млн. человек.

Во второй половине XVIII в. асантехене начали проводить политику централизации. Усилился контроль над амансин, куда стали назначаться резиденты из числа кумасийских военачальников. Это вело к усилению позиции Кумаси как центра ашантийской державы. Начались попытки поставить в зависимость от Кумаси другие аманто. Все это вызвало недовольство со стороны их правителей. Появились сепаратистские настроения, которые использовали англичане. В конце концов раздираемая внутренними противоречиями конфедерация не смогла оказать серьезного сопротивления во время последней англо-ашантийской войны 1895-1896 гг. и прекратила существование (С.131-134).

Другой известный союз протополитархий у аканов - конфедерация Фанти. Она возникла в начале XVIII в. и состояла, примерно, из 20 оманов. Как и конфедерация Ашанти, конфедерация Фанти была вызвана к жизни необходимостью объединения военных усилий. Главными врагами были ашантийцы. Никакого центрального аппарата конфедерация Фанти не имела. Это был аморфный военно-политический союз (С.112-113).

Важным является вопрос о том, какая судьба ждала бы возникшие в результате войн крупные протополитарные образования в случае, если бы их естественное развитие продолжалось. Материалы, приведенные выше не дают на него ответа. Державы зулусов и матебеле были уничтожены европейцами. Буганда стала английским протекторатом. Конфедерация Ашанти развалилась в немалой степени в результате воздействия англичан, хотя это во многом стало возможным вследствие процессов, протекавших внутри ее. Чтобы понять закономерности развития подобного рода образований нужны дополнительные данные. И их в изобилии дает та же сама Африка. В этом отношении характерна судьба державы Конго.

6. Баконго

На территории, населенной баконго, к XIII в. существовало несколько мелких и средних протополитархий. Одна из них находилась на реке Бунгу. У ее правителя было много сыновей. Один из них - Нтину Вене (Ними а Лукени), не надеясь унаследовать власть, собрал вокруг себя большой отряд молодежи и вместе с ним переправился на южный берег реки Конго.

Он начал с объединения под своей властью мелких протополитархий, расположенных между левыми притоками Конго - Луву и Луньонзо. Эта область называлась Мпемба Кази. Затем были присоединены протополитархии, расположенные в области, получившей название Нсунди. В результате владения Нтину Вене вплотную подошли к границам довольно крупной протополитархии Мпемба, где правил мани (глава, вождь) Кабунга. Нтину Вене предложил ему союз, скрепив его женитьбой на дочери мани. Он предложил и своим воинам вступить в брак с местными девушками. Как сообщают предания, знатные женились на знатных, простые воины - на девушках из простонародья.

Затем Нтину Вене добровольно подчинилась протополитархия Мбатта, пришедшая в упадок из-за раздоров в среде знати. В последующем были завоеваны Мпангу, Сойо и Мбамба. Так возникла крупная протополитархия, состоящая из 6 провинций: Мпемба, Нсунди, Мбатта, Мпангу, Сойо и Мбамба. Возникшее в 70-80 гг. XIII в. прагосударство Конго стало ядром большой державы. Согласно преданиям еще при жизни Нтину Вене его власть признали протополитархии Нгойо, Каконго и Лоанго. В дальнейшем вассалами Конго стали Ангола, Матамба и некоторые другие прагосударства (См. Орлова, 1968. С.41-54; Орлова, Львова, 1978. С.54-57).

Расцвет державы Конго приходится на XV в. К этому времени ее площадь составляла около 300 тысяч км² (Орлова, Львова, 1978. С.57). В конце XV в. в правление Нзинга а Нкуву в Конго начали проникать португальцы. Влияние их было значительным. В 1491 г. Нзинга а Нкуву крестился и принял имя Жуана I. Его примеру последовали и многие другие представители знати. Затем миссионеры начали совершать массовые обряды крещения. Распространение новой веры проходило не гладко. Вспыхнуло недовольство простого населения. Все это побудило Жуана I отречься от христианства. Но его преемник Афонсу I (1506-1543) продолжал политику христианизации.

В Конго португальскими мастерами возводились храмы. Афонсу I проявил большую заботу о европейском образовании знатного юношества. Молодые люди посылались для обучения в Португалию. В первые годы правления Афонсу I в столице Мбанза-Конго (Сан-Салвадоре) была создана школа на 400 человек, в которой учились прежде всего близкие родственники короля (Орлова, 1968. С.62-75, 235-236; Орлова, Львова, 1978. С.59-66).

В XVI-XVII вв. образование в Конго было распространено достаточно широко. Возникла прослойка собственной интеллигенции, по происхождению связанная с высшими слоями общества. Сове-

менники пишут о широком распространении грамотности в Сан-Салвадоре и необычайной тяге молодежи к образованию. Автор "Истории Конго" (конец XVI в.) писал, что "почти все среди них умеют читать... Они продают все, что имеют, чтобы купить рукопись или книгу" (См. Орлова, 1968. С.237). По сообщению Питера ван Брука в XVII в. в столице провинции Сойо было 8 или 10 школ. "Все дети, - пишет он, - знают португальский язык и получают образование на этом языке. В течение всего дня их можно видеть с маленькой книжечкой в руках" (см. Орлова, 1968. С.237).

В городах Конго были сооружены церкви. В 1648 г. в Сан-Салвадоре было 6 действующих храмов. Все они были выстроены из камня. Королевский дворец и португальский квартал были окружены стенами из камня и глины. Для XVII в. существует описание королевского дворца, целиком построенного из кирпича (Орлова, 1968. С.188-192).

Таким образом, в Конго XVI-XVII вв. присутствовали все признаки цивилизация: монументальные каменные и кирпичные сооружения и письменность. Поэтому данная страна относится не к предклассовому, а уже к классовому обществу. Конечно, появление монументальных строений и письменности было не результатом самостоятельного внутреннего развития, а внешнего влияния. Но ведь и в Руси X в. монументальное зодчество и письменность были привнесены извне, что ни в малейшей степени не мешает характеризовать ее общество как уже классовое.

Однако наряду с таким стремительным взлетом в области материальной и духовной культуры в Конго с XVI в. начинают обнаруживаться признаки упадка. Уже первые годы правления Аффонсу I характеризовались серьезными народными волнениями. То нарастая, то затухая, они длились в течение всего его царствования (Орлова, Львова, 1078. С.64-65). В последние 10-15 лет пребывания Аффонсу I на троне страну раздирали междоусобицы. Центральной власти пришлось вести войны с местными правителями (Орлова, 1964. С.79).

После смерти Аффонсу I началась борьба за трон, которая длилась несколько лет. В конечном результате королем стал его внук - Диогу I. После его смерти в 1561 г. начался один из самых "смутных" периодов истории Конго. На престол сел ставленник португальцев Аффонсу II. В октябре 1561 г. группа знати при поддержке простолюдинов столицы свергла и казнила Аффонсу II. Это послужило сигналом к началу всеобщего восстания, направленного прежде всего против португальцев. Народное движение не утихало и после воцарения Бернарду I.

К этому смутному времени относятся все более частные вторжения в Конго народов, живших за его пределами. В начале 60-х годов на восточных границах королевства появились яга. Этот народ, пришедший из глубин Экваториальной Африки, жил в непрестанном движении. Яга не имели ни постоянных жилищ, ни селений. Они разбивали военный лагерь там, где приказывал остановиться вождь. Европейские наблюдатели описывают яга как варваров, людоедов. Некоторые сравнивают их с варварскими народами раннего европейского средневековья - готами, вандалами.

Английский моряк А.Беттел, проживший среди яга около двух лет, сообщает о огромной власти их военных вождей. Подобно туче саранчи яга все истребляли и опустошали на своем пути. Женщины яга, как и мужчины, владели оружием и участвовали в сражениях. Согласно обычаю они не могли иметь детей. Каждого новорожденного убивали. Чтобы восполнить потери, которые они несли в непрерывных войнах, яга включали в свой состав мальчиков, подростков и девушек тех народов, на территорию которых вторгались и чье взрослое население безжалостно истребляли (Орлова, 1968. С.86-87; Орлова, Львова, 1978. С.69-70).

Если до сих пор мы рассматривали войны, которые велись между социально-историческими организмами, находившиеся на одних и тех же стадиях эволюции и с одинаковой социальной организацией, то здесь мы сталкиваемся с борьбой между народами, отличавшимися друг от друга уровнем общественной эволюции.

Яга вторглись в Конго во время правления Алвару I, который пришел ко власти в 1568 г. Первый их удар обрушился на провинцию Мбатта. Разбив войска местного правителя, яга стали продвигаться во внутренние районы страны. После разгрома королевской армии они подошли к столице. Вышедшие навстречу остатки конголезского войска были разбиты и бежали. Сан-Салвадор был разгромлен. После этого яга разделились на отряды и направились во все провинции Конго, сея смерть и разрушение. Оставшиеся в живых жители бежали в горы. В стране начались голод и эпидемия чумы.

И государство Конго несомненно бы погибло, если бы не внешнее вмешательство. Алвару I обратился к королю Португалии Себастьяну за помощью. В 1571 г. в устье реки Конго высадился португальский вооруженный отряд во главе с Франциску ди Говейа. К нему присоединились остатки королевской армии. Говейа быстрым маршем направился к лагерю яга, неожиданно напал на них и обратил в бегство. Большую роль сыграло в этом огне-

стрельное оружие, особенно бамбарды. При первых залпах пушек яга в панике бежали.

Тем не менее война продолжалась еще четыре года. За это время португальцы вместе с присоединившимся к ним баконго изгнали яга за пределы государства. Король вернулся в разграбленную и сожженную столицу. В благодарность за помощь он признал себя вассалом Португалии (Орлова, 1968. С.88-30; Орлова, Львова, 1978. С.70-72).

Но изгнание яга не прекратило процесс упадка страны. В XVII в. распад Конго принял угрожающие масштабы. Усилились центробежные силы. Во второй половине XVII в. внутренние смуты и войны раздирали на части некогда могущественное государство. Местные правители отказывались подчиняться центральной власти. В 30-40 гг. XVII в. три северных государства-данника (Нгойо, Каконго, Лоанго) после победоносных войн, развязанных правителем провинции Сойо, признали свою зависимость от него. Глава этой провинции открыто отказывался признать власть короля, претендуя на роль союзника (Орлова, Львова, 1978. С.77).

Междоусобицы, которые не прекращались ни на один год, переросли в большую войну в 1665 г. Правители двух больших областей, вассалов Сойо, восстали против короля. Им на помощь пришли португальцы. 29 октября 1665 г. у селения Амбуила произошло решающее сражение. Вначале португальцы разбили 20-тысячный авангард армии баконго. Однако основные силы короля численностью в 70 тысяч человек предприняли успешное наступление. И лишь когда король - Антониу I был убит, его армия обратилась в беспорядочное бегство. В сражении погибла значительная часть высшей знати баконго. Снова началась борьба за престол.

Но прежде чем продолжать историю Конго остановимся на организации военного дела в этом государстве. Как свидетельствуют ранние из документов (конец XVI в.) армия Конго представляла собой в то время ополчение, созываемое по приказу короля по провинциям и другим территориально-административным подразделениям. Иногда король сам определял, какое количество людей ему было нужно от каждой провинции, и правители строго следовали этим приказаниям. Общую численность войск Конго наблюдатели конца XVI в. определяли в 100 тысяч человек. Наиболее отборные войска поставляла провинция Мбамба. В конце XVI - начале XVII вв. она давала 40 тысяч человек. Ее правитель был главнокомандующим королевской армией.

Не существовало централизованного обеспечения солдат продовольствием. Его брали с собой минимум. Все прочее воины забира-

ли у местного населения. Войны - а они были часты в XVI-XVIII вв. - были бедствием для населения самой страны, безжалостно обираемого голодными солдатами.

Помимо ополчения верховный правитель Конго имел в своем распоряжении отряды королевской гвардии. Они несли охраны во дворце и в столице. Позднее, в XVII в., в армии появились отряды мушкетеров. Обученные португальскими инструкторами солдаты африканцы умели прекрасно пользоваться этим оружием.

Традиционное вооружение рядовых воинов состояли из лука и стрел, ассегай - метательного копья с древком длиной от 1,5 до 1,8 м и широким лезвием, тяжелого ударного копья, кинжала, ножа длиной около 0,5 м, топора из железа или стали. Наконечники стрел и копий были отравлены. Огромные щиты, прикрывавшие все тело целиком, были обтянуты такой прочной кожей, что копье ее не пробивало. В XVI-XVII вв. получила распространение сабля и тяжелые мечи, ввезенные португальцами.

Все войско передвигалось пешком. Лишь изредка командиры пользовались носилками. Короля, если он совершал марш вместе с войском, несли на носилках. Марш совершался под грохот барабанов и звуки рожков. С помощью различных инструментов подавались команды. В соответствии с сигналами войска начинали сражаться, направлялись налево, направо, смыкали ряды или рассыпались.

Сражение начинал отряд, состоящий из молодых людей. Тучи отравленных стрел летели с обеих сторон. Когда воины уставали, их заменял следующий отряд. Так продолжалось, пока все подразделения не вступали в бой. Затем оба войска сходились для рукопашного боя. Если при этом хотя бы одно подразделение дрогнуло, и обратилось в бегство, все войско в панике бежало с поля боя. Сражение проиграно.

Раз в год король проводил своим войскам смотр. Вся армия, разделенная на несколько частей, устраивала военные игры, имитирующие подлинные сражения. В годы расцвета государства армия Конго была грозной силой, с которой считались и друзья и недруги (Орлова, 1968. С.219-224).

После битвы при Амбуила победил в борьбе за трон Алвару VII, но вскоре он был убит в войне с правителем Сойо. Да эти же годы приходится разорительные войны между правителями Сойо и Мбамба (Орлова, 1968. С.124-126). Королям Конго с трудом удавалось удержать реальную власть над столичной провинцией, которую все чаще стали называть "королевством Конго". Были годы, когда в Конго одновременно правилось несколько "законных" королей, которые вели между собой нескончаемые войны. Все про-

винции и области страны за пределами столичной провинции пользовались фактической самостоятельностью (Орлова, Львова, 1978. С.82). Сан-Салвадор - столица государства - в 1684 г. была "совершенно покинута вследствие злополучных войн и превратилась в логово диких зверей" (См. Орлова, Львова, 1978. С.82). Лишь в последующем король вернулся в этот город.

Ставшие самостоятельными провинции в свою очередь распались на составные части (Weeks, 1914. С.60). С середины XVIII в. территория Конго сократилась до небольшого района в центре бывшей столичной провинции (Орлова, 1968. С.138). Хотя оно по-прежнему считался независимым государством, но практически целиком находился в сфере влияния португальцев. После раздела Экваториальной Африки между Францией, Португалией и Бельгией почти вся территория средневекового Конго вошла в состав Анголы.

По мере нарастания упадка государства Конго шел процесс массового отхода от христианства и возрождения традиционных культов. Во второй половине XVII в. христианство было на грани полного исчезновения (Орлова, Львова, 1978. С.76). К концу XIX в. у баконго не сохранилось никакого следа довольно длительного влияния католической церкви (Орлова, 1968. С.282). Прекратилось строительство монументальных каменных и кирпичных сооружений. Исчезла письменность.

Дж.Уикс, побывавший в 1882 г. Сан-Салвадоре, увидел лишь каменные руины кафедрального собора, монастыря и крепости. Он был принят королем домом Педро V в его жилище, которое представляло собой деревянное строение шириной в 5,5 и длиной около 8 м, покрытое соломенной крышей (Weeks, 1914. С.32-34). На месте некогда могущественного государства Дж.Уикс застал множество не очень прочных вожеств (Weeks, 1914. С.36-37, 100-102). Баконго вернулись таким образом на стадию предклассового общества.

Конечно, к распаду Конго приложили руки португальцы. Но все же основные причины были внутренними. Такая же участь постигла и соседние протополитархии, такие как Лоанго, Куба, Луба.

7. Вили (лоанго)

Единая протополитархия Лоанго возникла, вероятно, в XVI в. в результате объединения нескольких вожеств под властью одного правителя. Но к 70-ым годам XIX в. все местные правители снова обрели полную самостоятельность. Верховный правитель Лоанго утратил всякую власть над страной. Лишились значительной доли власти и правители провинций. Если раньше только они именовались "мфу-

му-нси", т.е. "господа земли", то с течением времени так стали называть и деревенских старост (Томановская, 1980. С.105, 109, 125-131).

8. Бакуба

Протополитархия Куба сложилась, вероятно, в начале XVI в. Ее возникновению предшествовала ожесточенная борьба между отдельными вождествами бакуба (бушонга). Во второй четверти XVII в. начался расцвет Кубы, длившийся несколько десятилетий. Это был период завершения территориальных захватов и формирования аппарата власти. К Кубе были присоединены земли, населенные нгомбе, идинг и бакеле. После ожесточенных войн были покорены пъянг, бьенг, бакете.

Конец XVII-XVIII вв. характеризуются усилением центробежных тенденций. Поднимаются на борьбу нгонго, пъянг, кайювенг, кофа, нгедди. Их выступления жестоко подавляются. Восстания нгенде, пъянг, кель, шова, нгонго продолжаются и в XIX в. К ним добавляются междоусобицы. Особенно яростная борьба за престол развернулась после смерти ными (верховного правителя) Мбоп а Мабаинка. В начале XX в. Куба потеряла независимость, войдя в состав Независимого государства Конго, которое фактически было бельгийской колонией (Орлова, Львова, 1978. С.137-144).

9. Балуба

К началу XVI в. на территории, населенной балуба, существовало множество вождеств, наиболее крупными среди которых были Каниок и Колундве. К северу от них находилась страна, населенная бакаланга. Согласно преданиям один из них по имени Конголо, собрав вокруг себя сверстников, отправился на юг и подчинил себе вождества, расположенные на территории между Луалабой (так называется река Конго в верхнем течении) и рекой Бушимаи на западе. Так образовалось ядро прагосударства Луба. В своей экспансии Конголо столкнулся с вождеством Киконджи, правители которого стремились расширить свои владения за счет соседних протополитархий, и одержал победу.

Конголо правил железной рукой. Это вызвало недовольство среди населения, которое использовал племянник Конголо - Калала Илунга. Конголо был убит. Захватив власть, Калала Илунга основал новую столицу. Это произошло примерно в 1585 г. При двух преемниках Калала Илунги к Лубе были присоединены новые земли.

Затем наступила эпоха неудач. В конце XVII в. от Луба отделилось несколько областей. Положение осложнялось частыми смутами. Определенный перелом наступил, когда ко власти пришел Илунга Сунгу. Он совершил множество удачных походов в районы между Луалабой и озером Танганьика. Его сын - Кувимба Нгомбе (приблизительно конец XVIII - начало XIX в.) предания характеризуют как самого великого воина и завоевателя из числа правителей Луба. При нем держава Луба раскинулась с востока на запад более чем на 600 км и с севера на юг почти на 560 км. Площадь ее равнялась 36 тысяч км². Но во второй половине XIX в. страна фактически распалась на множество мелких самостоятельных протополитархий между которыми шли непрерывные войны (Орлова, Львова, 1978. С.145-150).

Таким образом везде мы наблюдаем одну и ту же картину: возникновение в результате войн более или менее крупной протополитархии, становящейся ядром державы, ее расцвет, а затем упадок, выражающийся как в отделении вассальных владений, так и распаде самой державной протополитархии. И такое на одной и той же территории могло происходить несколько раз. Наиболее яркий пример дает нам в этом отношении Западный Судан.

10. Мандинги

В IV в. в верховьях рек Сенегал и Нитер зародилась крупная держава Гана. Расцвет ее относится к IX - середине XI вв. В 1076 г. она была завоевана Альморавидами. Тем самым был положен конец могуществу Ганы (Давидсон, 1962. С.83-92).

Около VIII в. в Западном Судане образовалось государство мандингов - Мали. Некоторое время оно находилось в вассальной зависимости от Ганы, в конце XII - начале XIII вв. от государства Сосо (Сусу). В 1235 г. правитель Дали Сундитата Кейта разгромил Сосо и начала завоевания, которые продолжались и при его преемниках. Возникла новая могущественная держава, которая поглотила всю Гану. Во время своего наивысшего расцвета - первая половина XIV в. - территория Мали простиралась от Атлантического океана до плато Адрар-Ифорае. До с 60-х годов XIV в. начался быстрый упадок военно-политического могущества Мали (Куббель, 1963).

11. Сонгаи

Он сопровождался прежде всего освобождением из под власти центра вассальных владений. В последней четверти XIII в. одним

из данников Мали была сонгайская протополитархия Гао. Около 1400 г. правитель Гао - Мухаммед Дао, не отказываясь прямо от вассальной зависимости от Мали, совершил поход на малийские владения. Спустя некоторое время другой сонгайский государь - Сулейман Дама (или Денди) опустошил одну из областей, находившуюся под властью мандингов. К середине XV в. Мали фактически распалась на множество мелких протополитархий. Мандинги утратили контроль над такими городами, как Томбукту и Араван, захваченными в 1433 г. туарегами. Была полностью дезорганизована внешняя торговля, прежде всего золотом и солью, которая имела огромное значение для экономики Западного Судана. Набеги кочевников наносили огромный ущерб и правителям множества западносуданских протополитархий и купечеству, которое лишилось большей части доходов. Существовала объективная нужда в новом политическом объединении Западного Судана.

Выполнение этой задачи взяли в свои руки правители Гао. В 1464 г. главой этой протополитархии стал Али Бер. Им были захвачены Томбукту, Дженне и Араван. Тем самым в руках сонгаев был сосредоточен контроль над важнейшими узловыми точками торговых связей Судана с Северной Африкой.

Но завоевательные походы продолжались и дальше. Были разгромлены моси, фульбе. Ши Али Бер стал основателем великой Сонгайской державы. Она, как и все державы, состояла из ядра - крупной протополитархий и вассальных владений.

После смерти Али и захвата в 1492-1495 гг. власти аскией Мухаммедом I продолжались походы в западном и юго-западном направлениях. В первые годы XVI в. была предпринята серия походов на юго-восток.

На первых порах армия сонгаев представляла собой народное ополчение. Но по мере расширения границ державы вооруженные силы этого типа становились все менее пригодными для того, чтобы обеспечивать гегемонию на все более расширявшейся территории. Ополчение было слишком громоздким и слишком привязано к сельскому производству. Необходимостью было создание профессионального войска. Этот шаг был сделан аскией аль-Хадж Мухаммедом I, разделившим сонгаев на войско и "подданных". Новое войско, состоявшее из профессионалов и находившееся на государственном обеспечении, оказалось на много более боеспособным и главное мобильным. Но чтобы не слишком зависеть от военной знати, сонгайские правители в дальнейшем создали части нового типа, состоящие из рабов-евнухов. Они не только служили в лич-

ной охране аскии, но и участвовали в военных действиях (Куббель, 1974. С.306-317).

До последнего десятилетия XV в. Сонгаи развивалась как военная держава, живущая в первую очередь за счет ограбления более слабых соседей. В дальнейшем наметилось стремление не только завоевать и получить дань, но и экономически освоить покоренные земли, включить их в состав ядра державы (Куббель, 1974. С.103, 110).

Важнейшей целью военных походов аскии Мухаммеда I и его преемников был захват все новых и новых масс людей. Часть невольников продавалась. На север ежегодно поставлялось до 20 тысяч человек. Но основная масса захваченных использовалась иначе. Их сажали на землю. Создавались поселки, во главе которых стояли начальники - фанфа. Поселенцы сами вели хозяйство, выплачивая подать в казну правителя.

Исходя из того, что поселки с такого рода работниками могли жаловаться отдельным представителям знати, Л.В.Куббель характеризует эту форму эксплуатации как феодальную (Куббель, 1974. С.136, 164, 165, 167). В действительности мы имеем дело с тем вариантом политарной эксплуатации, который мы обозначили как политарно-магнатный. В подавляющем большинстве поселки с живущими в них людьми находились в распоряжении верховного правителя. И "пожалованные" отдельным лицам селения не становились их собственностью. Верховный правитель по своему произволу отбирал поселки у одних приближенных и "жаловал" их другим (Куббель, 1974. С.136-137).

Кроме такого рода эксплуатации существовала и обычная политарно-общинная. Рядовые свободные сонгаи, жившие общинами, несли традиционные повинности в пользу верховного правителя. По их эксплуатации была более умеренной, чем эксплуатация описанных выше зависимых людей. Однако уже в середине XVI в. дала себе знать тенденция к слиянию рядовых свободных общинников сонгаев и магнатно-зависимых людей в один класс (Куббель, 1974. С.175, 176, 179).

Поселение пленных на землю широко практиковалось в странах Древнего Востока. Существование такого обыкновения отмечено в Египте, Хеттской державе, Ассирии, Урарту (см. Меликишвили, 1951. С.27-28; Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, 1952. С.285; Дьяконов, 1952; 1963. С.62; Тюменев, 1957. С.65; Лурье, 1955. С.25-26; Стучевский, 1960. С.18). И там же наблюдалась тенденция к слиянию посаженных на землю пленных и местного населения в одну общую массу (Тюменев, 1957. С.54-57;

Стучевский, 1960. С.8). Особенно наглядно это можно было видеть на примере Ассирии, которую историки часто характеризуют как военную державу (Дьяконов, 1949. С.148).

Огромную роль в истории Западной Африки играли контакты с мусульманским миром. Правителями Согайской державы был принят ислам. Вместе с ним в страну пришло монументальное зодчество и письменность. В одном Томбукту существовало 80 или даже 150 коранических школ. Аския Дауд (1549-1583 гг.) создал книгохранилище и держал переписчиков, которые копировали для него рукописи (Куббель, 1974. С.328-330). Все это дает основание относить Сонгайскую державу не к предклассовым, а уже классовым обществам.

Уже во второй половине XVI в. обнаружили признаки упадка государства Сонгаев. Начались широкие народные волнения. В этой обстановке в страну в 1591 г. вторглись войска марокканского султана Ахмеда аль-Мансура. В битве при Тондиби сонгайская армия была разгромлена. В конце XVII в. сонгайская держава окончательно прекратила существование (Куббель, 1974. С.180-186, 373, 376).

Выше был рассмотрен один из вариантов развития протополитарного и политарного обществ, который условно может быть назван деревенским. В полной мере это применимо к державам зулусов и матебеле, Анколе и Буганде, где никаких городов вообще не существовало. Даже их столицы не могут быть названы городами. Сложнее обстоит дело с Конго и Сонгаи. Там несомненно были города. В языке баконго существовали различные термины для обозначения деревни - либбата и города - мбанза. Столица Конго - Мбанза-Конго (Сан-Салвадор) в эпоху расцвета страны насчитывала 60-100 тысяч жителей (Орлова, 1968. С.189-190). Но города Конго образовались прежде всего как административно-управленческие центры. Все они были столицами провинций и округов, на которые последние делились. В состав Согайской державы входили города, которые были важными торговыми центрами: Томбукту, Дженне, Араван. По они были своеобразными инородными вкраплениями. Они прежде всего играли роль посредников в транссахарской торговле.

Иное дело - вариант развития протополитарного и политарного общества, который можно было бы назвать городским. В этих обществах города не просто существовали, а были основными социальными единицами. Город был не столицей протополитархии или политархии, а самой протополитархией или политархией. К таким протополитархиям термин "вождество" как правило не применяется. Их обычно называют городами-государствами.

12. Йорубы

Наиболее яркий пример таких протополитархий дают йорубы Западной Африки. В XVI-XVII вв. наиболее крупные йорубские города насчитывали 20-50 тысяч жителей, в середине XIX в. - 20-70 тысяч, в начале XX в. - до 85-60 и даже 175 тысяч (Кочакова, 1986. С.252). Но одновременно в том же XX в. в подчинении города Адо (25 тыс. жителей) находилось 17 городов с общим населением всего лишь 35 тысяч человек (Lloyd. 1960. С.231). Все города - илу были окружены крепостной стеной и рвами. В них были царский дворец и рынок.

Низовой единицей города был агболе. Это слово буквально означает "куча домов". Классический агболе состоял из множества домов или точнее комнат, смежных друг с другом боковыми стенами, так что строение в целом образовывало четырехугольник, огораживавший внутренний двор. На улицу агболе был обращен глухими стенами, высота которых достигала 2 м. Многие агболе состояли из целой серии внутренних дворов.

Люди, населявшие агболе, назывались ара-иле (дословно "дети дома"). Ядром агболе являлись омоле ("жители дома"). В идеале все омоле относились к одному идиле - экзогамному объединению, принадлежность к которому считалась по отцу. Иначе говоря, идиле являлась отцовским родом или патрилиниджем. Этот род считался собственником земли. Но хотя в идеале ядро агболе должно было совпадать с ядром одного идиле, в реальности дело обстояло сложнее. В одном агболе могли жить вместе несколько идиле, в то время как одна идиле могла быть расселена в нескольких агболе. Агболе играл огромную роль. Человек мог быть членом той или иной социально-политической общности только через членство в агболе.

О численности агболе в литературе ничего не сообщается. Размер идиле в XX в. колебался от нескольких десятков до 500 человек. Все члены агболе подчинялись старшему мужчине омоле - старейшине, что носил титул бале ("отец земли"). Несколько более или менее родственных агболе составляли квартал - адутбо. Во главе его стоял вождь. Он управлял кварталом и представлял его население в городском совете. Во главе города стоял правитель - оба. Он считался собственником всей земли города (Кочакова, 1968. С.73-77).

Все население города несло подати и повинности в пользу его правителя. Подати в натуральной форме (ямс, зерно, пальмовое масло, вино) собирались с глав семейств главой идиле и далее по иерархической цепочке доходили до правителя. Подобным же образом собира-

лись поборы, носившие нерегулярный характер, но осуществлявшиеся постоянно по разным поводам (покупка оружия, возмещение потерь от стихийных бедствий). Как и в случае с податями, часть собранных средств оседала в руках людей, представлявших все инстанции между рядовым общинником и царем. И главы агболе и вожди кварталов присваивали в свою пользу часть прибавочного продукта. Являясь добровольными по форме, подношения нижестоящих лиц вышестоящим, были в сущности обязательными и регулярными (Кочакова, 1968. С.78, 80-81, 87; 1986. С.262).

Нетрудно заметить, что агболе соответствует сельской общине народов, развитие которых шло по деревенскому варианту, квартал - округу, а весь город в целом - вождеству.

Жители городов в основном занимались земледелием. В небольших городах основной массив обработанных полей был удален от крепостных стен на 7-8 км. Для населения очень крупных городов это расстояние возрастало до 30 км и больше. На время полевых работ горожане, занятые в земледелии, переселялись ближе к своим участкам. Так возникли деревни - аба. Каждый более или менее значительный город был окружен сотнями, даже тысячами аба. Деревни были естественным продолжением города.

Многие горожане проводили в аба большую часть своей жизни, появляясь в городе лишь на время. Хотя большую часть населения аба составляли горожане илу, в аба было какое-то количество постоянных жителей. Правитель (оба) никогда не жил в аба. Свадьбы, похороны проводились только в городских жилищах. Только в стенах города происходил сбор податей, торговля, отправление важнейших религиозных ритуалов (Кочакова, 1968. С.68-71; 1986. С.253).

Для характеристики общества йорубов часто применяется термин "цивилизация" (Кочакова, 1968. С.11; 1986). Действительно определенные основания для этого имеются. В одном из древних городов йорубов - Ифе были найдены каменные памятники. Среди них особо выделяется гранитная колонна высотой в несколько метров, украшенная вбитыми в нее железными гвоздями (Кочакова, 1968. С.35). Крепостные стены вокруг Старого Ойо возвышались на 6 м. Они образовывали неправильную окружность длиной примерно в 15 миль. За стеной тянулся ров, который ж время дождя наполнялся водой. Некоторые города имели несколько линий таких укреплений. Город Игбохо был опоясан тройной стеной длиной примерно в 20 миль. В Старом Ойо было по крайней мере две стены, а в некоторых местах три. Но стены не были сложены из камней или кирпичей. Они были земляными или глинобитными

(Кочакова, 1968. С.44, 69-70; 1986. С.252). В Иле Ифе мощные глинобитные стены толщиной в 1 м и высотой в 5 м окружали дворец правителя города (Кочакова, 1968. С.106).

Интересным явлением материальной культуры йорубов были мостовые из керамики. Материалом для них служили глиняные черепки трех типов. Землю мостили поставленными на ребро грубыми черепками, а сверху это основание покрывалось слоем тонких и изящных черепков. Это требовало огромных затрат труда (Кочакова, 1965. С.53-34). Возможно, что эти мостовые имели не столько утилитарное, сколько ритуальное значение.

Но письменности у йорубов не было. Лишь во второй половине XIX в. христианскими миссионерами были созданы на латинской основе системы письма для местных жителей (Кочакова, 1968. С.168). Все это вместе взятое позволяет считать, что общество йорубов было не классовым, а еще только предклассовым.

Кроме протополитарной формы эксплуатации у йорубов существовали и другие. Человек, взявший в долг, должен был наряду с работой в собственном хозяйстве часть времени трудиться на кредитора (Кочакова, 1968. С.123-124). Такого рода отношения были нами названы заемнодоминатными. У йорубов существовало рабство. Часть рабов трудилась в хозяйствах владельцев. Они жили вместе с хозяевами и питались вместе с ними из одного котла. Другая часть рабов наделялась средствами производства. Такой раб получал в пользование участок земли, на котором строил дом и вел самостоятельное хозяйство для содержания своей семьи. При этом часть времени он должен был работать на господском поле (Кочакова, 1968. С.120-122). Это - магнатно-рабовладельческие отношения.

Как и в случае с вожествами одни города-протополитархии могли путем войн подчинять себе другие. В результате возникали более крупные протополитархии, включавшие в себя несколько городов, и державы.

Центром одного из первых крупных протополитарных образований среди йорубов был город Ифе. Политическая гегемония Ифе распространялась и за пределы Йорубы. В зависимости от него находился, в частности, Бенин. Период расцвета Ифе относится, вероятно, к XIV в. Далее начался упадок (Кочакова, 1968. С.12-14, 35, 46).

Значительно более известна другая крупная держава йорубов - протополитарное образование во главе с Ойо. По устным преданиям начало завышения Ойо связано с правлением четверного алафина - Шанго. Он вел войны во всех направлениях и отличался жестокостью. Его преемник - Аджака согласно традиции умертвил

1060 оба (правителей городов). Но затем для Ойо наступили тяжелые времена. В первых десятилетиях XVI в. в страну вторглись войска Нупе и разрушили город. Столица была перенесена в Ойо-Игбохо. Восстановлена она была на новом месте лишь при алафине Абине в начале XVII в.

С этого времени начался новый период в истории Ойо - период экспансии на юг и создания державы. Целью войн был грабеж, захват территории и обложение данью и установления контроля над торговыми путями. Большую роль в жизни Ойо играла работорговля. С конца XVII в. держава стала крупным поставщиком рабов (Кочакова, 1986. С.99).

В течение всего XVII в. в первой половине XVIII в. расширение территории державы Ойо продолжалось, хотя и с перерывами. Этот период характеризуется постоянными завоевательными войнами и карательными экспедициями против бунтующих окраин. В первой четверти XVII в. образовалось прагосударство Дагомея, которая стала главным соперником йорубов. В 40-х годах XVIII в. Дагомея признала верховенство Ойо. Согласно договору 1748 г. Дагомея теряла значительную территорию. Устанавливалась ежегодная дань, включавшая 41 мужчину, 41 молодую женщину, 41 ружье, 400 мешков каури и 400 кораллов (Кочакова, 1968. С.52-53; 1986. С.265).

Ко второй половине XVIII в. алафины Ойо контролировали огромную территорию, простиравшуюся от реки Нигер на севере и северо-востоке до современной Ганы на западе. По некоторым данным дань Ойо платили Нупе и Боргу. Ядром Ойо были земли населенные собственно йорубами - ойо-йоруба. Они включали в себя столичный город и подчиненные города. Подчиненные города имели своих наследственных правителей - оба или бале. Они избирались на трон в соответствии с местными обычаями, но должны были ехать в Ойо за одобрением алафина.

Подчиненные города должны были платить подать Ойо и поставлять воинов в его армию. Во внутренних делах города пользовались большой самостоятельностью. Внешняя их политика находилась под жестким контролем центра.

Метрополия была разделена на четыре провинции (Экун Оси, Экун Отуп, Ибоко, Эно) во главе с правителями, которые были промежуточным звеном между алафином и слагами других провинциальных городов. В свою очередь между алафинами и правителями провинций стояли столичные "патроны". Главной функцией последних был контроль над сбором дани. В провинциальных городах находились официальные царские наблюдатели и сборщики дани - илари и аджеле. Последние рекрутировались из чис-

ла доверенных рабов или слуг правителя Ойо. Они обеспечивали мир в подчиненном городе и его лояльность центру (Кочакова, 1968. С.53; 1986. С.263-265).

Вокруг ядра - крупной протополитархии группировались земли, населенные другими этническими группами йорубов (эгбо, эгбадо) и нейорубскими народами (бариба, фон и др.).

Вторая половина XVIII в. характеризуется ростом народного недовольства поборами, войнами, а также раздорами в правящей верхушке. Начинается распад державы. В 80-х годах отпала юго-западная окраина - Эгба. В конце XVIII в. прекратила уплату дани Дагомея, а вслед за ней Нупе и Боргу. Затем начался распад метрополии. Около 1817 г. в результате восстания отделилась самая богатая область - Илорин.

Самые печальные последствия для Ойо имело объединение под эгидой фульбе городов-государств жауса и других земель северных народов в мощное и агрессивное государство - Сокото. Около 1836 г. войска фульбе захватили и разграбили Ойо. Затем были разрушены многие города Северной Йорубы. Держава Ойо пала. На ее территории образовалось несколько новых независимых прагосударств: Эгба, Кету, Иджебу, Ибадан, Иджеме, Ифе, которые вели друг с другом постоянные войны. В дальнейшем к концу XIX в. земля йорубов оказалась под властью англичан. (Johnson, 1966. С.178-651; Кочакова, 1968. С.55-64; 1986. С.67-70).

Войны были регулярным видом деятельности у йорубов. В ежегодном годовом их цикле сухой сезон года отводился для ведения наступательных войн. Согласно обычаю в Ойо царь раз в три года должен был планировать военный поход. Поэтому объявление и ведение войны обставлялось различного рода церемониями. Прежде всего запрашивали оракула. Военные действия начинались лишь в случае благоприятного ответа. Затем главнокомандующий организовывал религиозные церемонии, имеющие целью обеспечить успех военных действий.

Военачальники вырабатывали план операций, который в общих чертах доводился до сведения городского совета. Тогда же назначался день начала похода, Затем главнокомандующий публично объявлял народу решение о войне. Торжественно выносились боевые штандарты, которые освящались жертвенной кровью. Кровью приносимого в жертву раба окроплялись и мечи участников похода.

В городах-протополитархиях йорубов не было регулярной армии. От каждого мужчины, способного носить оружие, ожидалось, что он примет участие в войне. Бале - главы агболе были ответственны за выполнение военной повинности ее членами. Но послед-

няя считалась обязательной лишь в случае оборонительной войны. Однако, если правителю требовались воины, а боеспособные мужчины отказывались воевать, он посылал карательные отряды, которые уничтожали дома и посевы непокорных.

Считалось, что об оружии и пропитании воины должны заботиться сами, хотя часть оружия они могли получить из городских арсеналов. Узаконенным средством снабжения воинов в походе был грабеж окрестного населения. Если военные действия затягивались, нападающие возделывали поля вокруг осажденного города.

Традиционное войско йорубов состояло из пеших воинов, вооруженных копьями, мечами или топорами и щитами, лучников и конницы. Последняя была привилегированной частью армии, так как лошадьми владела только знать. Широко пользоваться огнестрельным оружием йорубы начали лишь в XIX в.

Строение йорубского войска было производным от политической структуры города-протополитархии с ее четким делением на агболе и адугбо. Система соподчинения в армии в общем соответствовала субординации в городе. Правитель города сам непосредственно в битвах не участвовал.

Кроме ополчения существовали своего рода гвардейцы. Наряду с исполнением обязанности дворцовой охраны, они принимали участие в войнах. Многие из рядовых солдат таких частей были рабами. Определенные изменения в структуре йорубского войска произошли во второй половине XIX в. (Кочакова, 1968. С.160-164; 1986. С.263-236; Smith, 1969. С.120-129).

До сих пор мы рассматривали в основном протополитарные общества, хотя в двух случаях (Конго, Сонгаи) они под внешним воздействием превращались в политарные. Однако их существование в таком качестве было непродолжительным. Имеет смысл остановиться и на таких обществах, которые были протополитарными, стали политарными и продолжали быть такими более или менее продолжительное время. Важным фактором обусловившим их превращение из протополитарных в политарные были войны. Примеры таких обществ дает нам доколумбовая Америка. Первое из них общество инков, второе - ацтеков.

13. Инки

Империя инков - Тауантинсуйу была далеко не первым классовым обществом на территории современных Перу и Боливии. Первая археологическая культура, для которой характерны монументальные каменные строения, получила название Чавин. Она поя-

вилась по грани II-I тысячелетий до н.э. Ее чаще всего именуют цивилизацией. Возможно, что общество Чавин было уже не предклассовым, а классовым (Башилов, 1972. С.17, 181, 190). Расцвет культуры Чавин приходится на 800-500 гг. до н.э. Просуществовав несколько веков, она бесследно исчезла (С.193).

Другими древними цивилизациями Южной Америки были культуры Мочика, Паракас, Наска. Цивилизация Мочика просуществовала с I по VII (VIII) вв. н.э., когда совершенно исчезла. По-видимому государство Мочика рухнуло (Башилов, 1972. С.181, 195; Березкин, 1983). Огромные каменные сооружения характерны для цивилизации Тиауанако, расцветшей в I тысячелетии н.э. В дальнейшем она исчезла, не оставив следов в материальной культуре более позднего населения (Башилов, 1972. С.58). В конце I или начале II тысячелетий н.э. возникла империя Чиму или государство Чимор, которое просуществовало до 70-х годов XV в. (Башилов, 1972. С.199; Karen, 1975. С. 55-56).

История инков начинается с поселения их в долине Куско. Произошло это во II тысячелетии н.э. В середине I тысячелетия н.э. долина Куско входила в состав государства с центром в Уари. Там был построен провинциальный центр - Пикильякту. В VII в. город был покинут также как и все другие центры культуры Уари. Тогда же или несколько позднее погибла цивилизация Тиауанако.

Некоторые исследователи полагают, что государство инков унаследовало социально-политическую организацию от Уари. Другие считают подобный взгляд ошибочным. Они указывают, что культура Уари и инки разделены 3-4 "темными" веками, в течение которых городская жизнь в горных районах южного и центрального Перу угасла. Поэтому, заключают они, инки никакого прямого отношения к древним цивилизациям не имели. Скорее всего они были близки к народам, которые их разрушили (Березкин, 1986. С.254-255).

До переселения в долину Куско инки обладали сравнительно малоразвитой культурой и занимались охотой, собирательством, примитивным земледелием и скотоводством. Когда они переселились в долину Куско, то смешались с покоренным населением, восприняв его более высокую культуру (Березкин, 1936. С.256). Но скорее всего они и тогда продолжали оставаться на стадии предклассового общества. Они составляли одно небольшое вождество, состоявшее из нескольких общин - айлью (Conrad, Demarest, 1984. С.99).

Согласно преданиям инки пришли в долину Куско во главе с Манко Капаком. Он является первым в традиционном списке правителей инков, первым Инкой. Манко Капак и его жена Мама Ок-

льо Вака являются персонажами легендарными. Во многом легендарными являются и последующие шесть правителей: Синчи Рока, Льоке Юпанки, Майта Капак, Капак Юпанки, Инка Рока и Яуар Уакак. Некоторые исследователи считают этот список фиктивным. О делах всех этих правителей мы знаем лишь по туземным преданиям, изложенным в испанских хрониках. Так как никаких других источников не существует, попытаемся изложить раннюю историю инков, какой она вырисовывается в туземной традиции (Berg, 1974. С.49-87, 106-113, 140-184, 221-244; Стингл, 1986. С.50-57).

Если при первых трех правителях под властью инков находилась лишь центральная часть долины, то согласно преданиям, при Майта Капаке они установили свое господство над всей долиной.

В результате завоевательных походов Майта Капак подчинил себе все находившиеся в ней вожества. При пятом Инке - Капаке Юпанки началась экспансия инков за пределы долины. Завоевательные походы продолжались и при Инка Роке.

С восьмым инкой - Инка Виракоча мы вступаем из области легенд в область истории. Он занял престол в начале XV в. Некоторые исследователи утверждают, что только при нем начались завоевательные походы. Что же касается его предшественников, то они занимались лишь грабежом соседних деревень. Именно при Инке Виракоче была подчинена вся область вокруг Куско. Политическое образование, созданное им, называют уже не вожеством, а королевством. Границы его неясны (Conrad, Demarest, 1984. С.106-107). Одни утверждают, что Инка Виракоча подчинил себе кана и другие народы (Стингл, 1986. С.68). Другие считают, что эти народы были не подданными, а союзниками инков (Conrad, Demarest, 1984. С.107).

В борьбе за господство в области Центральных Анд инки столкнулись с несколькими соперниками, из которых наиболее могущественными были чанки. Последние тоже непрерывно расширяли свою территорию. В 1438 г. чанки вторглись в страну инков. В их армии, по утверждению авторов позднейших хроник, находилось до 100 тысяч человек (Стингл, 1986. С.72). Организатором обороны стал один из сыновей престарелого Инка Вирокоча - Куси Юпанки. В битве у Ичупампы чанки были разгромлены. Как утверждается, и ней погибло 30 тысяч воинов со стороны инков и их союзников. Чанки потеряли во много раз больше. Однако эти цифры являются, скорее всего, преувеличенными.

После победы над чанками Куси Юпанки стал правителем под именем Пачакути Инки. При нем политика территориальной экспансии продолжалась. На очереди было столкновение с державой

аймара - Колья, которая простиралась от западных границ Боливии до берегов Тихого океана и от Атакама в Чили до перуанского города Пуно. Аймара были разгромлены и войска инков вышли к океану. Держава инков увеличилась в два раза. Далее был предпринят поход на север, в ходе которого было подчинено царство Кахамарка. В результате под властью инков оказалась значительная часть Перу и некоторые районы Эквадора.

Трудно сказать точно, когда именно общество инков из предклассового превратилось в классовое. По мнению некоторых исследователей воцарение Пачакути Инки было поворотным пунктом в превращении вожества инков в супервождество, а затем, еще при его жизни, в государство (Schaedel, 1973. С.290). Во всяком случае имеются определенные основания полагать, что общество инков при Пачакути Инке было уже классовым. При нем была заново перестроена столица инков - город Куско. Были воздвигнуты грандиозные каменные сооружения - храмы и дворцы. Была построена самая большая во всей Америке крепость - Саксауаман.

Большое внимание уделял Пачакути Инка совершенствованию кипу - "узелкового письма". Был создан своеобразный государственный архив - Пукинканча. В его стенах хранились полотна, на которых была запечатлена история инков. Пачакути Инка ввел обязательное обучение сыновей элиты империи в своего рода "университете" - ячауаси.

Преемник Пачакути Инки - Тупак Юпанки (1571-1593 гг.) предпринял несколько грандиозных походов. В 70-х годах им была завоевана переживавшая к тому времени упадок знаменитая империя Чиму, покорено царство Киту (Кито). В состав державы инков вошли юго-запад Боливии, северные районы Чили, северо-запад Аргентины. Еще несколько областей в Перу и Эквадоре было завоевано при Уайна Капаке (1493-1525 гг.).

В пору своего наивысшего могущества империи Тауантинсуйу охватывал территорию более чем в 1 млн. км². Численность ее населения достигала и может быть превышала 6 млн. человек. (Rowe, 1946. С.185; Стингл, 1986. С.15-16, 34, 97; Березкин, 1992. С.78). С определенного времени экспансия стала идеалом, главным девизом государства инков и его правителей. Войны велись непрерывно. В империи существовала всеобщая воинская повинность. В период мобилизации в армию мог быть призван любой подданный. Приобщение к военной службе для простого народа начиналось с раннего детства. К началу XV в. была введена обязательная военная подготовка, охватывавшая всех людей мужского пола в возрасте от 10 до 18 лет. Подготовкой руководили профессиональные

военные. После ее завершения юношами сдавался своеобразный экзамен по военному делу. Только тот, кто удачно его выдержал, считался взрослым.

Существовавшая в империи десятичная система делала легким мобилизацию в армию. Одно селениеставляло отряд в 10 человек, десять селений направляло на службу 100 человек и т.д. В случае необходимости в течение нескольких дней формировалось войско в 300 тысяч человек. Это была самая многочисленная армия в доколумбовой Америке.

Солдаты были вооружены топорами, дубинами-палицами с каменным или металлическим наконечником. Применялись пики и - гораздо реже - лук со стрелами. Пращи делались из шерсти, кожи, волокон растений. Бросались камни величиной с куриное яйцо. Такой камень, брошенный с помощью пращи, на небольшом расстоянии пробивал даже металлические шлемы испанцев. Основным оборонительным оружием был квадратный или круглый щит, обтянутый кожей оленя или тапира. Специального обмундирования не существовало. Только на голову одевался шлем из кожи или прутьев. На ноги одевались прочные сандалии, на тело - толстые стеганные куртки.

Боевые успехи инков основывались не только на численном превосходстве войска, но и на высокой организованности. Великолепным было тыловое обеспечение армии. Повсюду располагались склады, из которых войны получали необходимую провизию. Одновременно с войсковыми частями на завоеванную территорию вступали многочисленные отряды водоносов и носильщиков продуктов. Двигались караваны лам, нагруженные запасами продовольствия и оружия.

Быстрому продвижению войск в пределах империи способствовали великолепные, мощные каменные или кирпичные дороги. В армии инков царил строжайшая дисциплина. Никто из воинов под страхом смерти не смел отлучиться от части. Солдатом было запрещено причинять какой-либо ущерб местным жителям, сблизиться с женщинами селений, через которые проходили войска. Впрочем войны и не останавливались в селениях. Они кочевали в лагерях, состоящих из полотняных палаток.

Кроме ополченцев существовали профессиональные войны. Их численность не превышала 10 тысяч человек. Они прежде всего несли охрану Инки.

Когда Инка принимал решение о присоединении новой территории, то к ее царю или вождю направлялось посольство. Вручив богатые дары, посланцы предлагали хозяевам мирно и доброволь-

но признать власть "сыновей солнца". Если местные правители соглашались, Инка оставлял за ними их прежние должности. Они входили в состав знати. Если следовал отказ, начиналась война.

Когда воюющие стороны сходились, первыми наносили удар пращники. Масса камней обрушивалась на головы врагов. Затем в дело шли пики и в заключение палицы. Известную роль играло психологическое оружие. По мере приближения к позиции врага воины инков начинали дико кричать, гудеть в раковины, бить в барабаны. Поднимался невероятный шум, который нередко повергал врагов в ужас.

Солдаты, отличившиеся в бою, получали награды: различные металлические, иногда золотые пластинки. Но главное - доблесть в сражениях открывала для рядового человека путь вверх. Он мог продвигаться по иерархической лестнице и войти в состав правящего класса (Rowe, 1946. С.274-280; 1984. С.123; Стингл, 1986. С.157-163).

Подчинив себе те или иные народы, вожества, царства, инки не ограничивались взиманием дани. Они стремились инкорпорировать их в состав своего государства. На них распространялась единая для всей державы десятичная система. Для укрепления своего господства во вновь завоеванные области посылались большие группы колонистов - митимае, говоривших на языке кечуа. Митимае должны были способствовать насаждению институтов инков и распространению языка кечуа. В результате их деятельности были безвозвратно забыты сотни различных языков доколумбового Перу, исключая лишь языки аймара и уру. В настоящее время на языке кечуа - бывшем государственном языке империи инков говорит больше индейцев, чем на всех остальных туземных языках Южной, Центральной и Северной Америки.

С целью обеспечения военной экспансии, поддержания своего господства и централизации державы в империи инков была создана совершенная для своего времени сеть дорог. Они были вымощены камнем или кирпичом. Главной из них была "королевская дорога". Она пересекала Таунтинсуйу с севера на юг, длина ее составляла 5200 км. Вторая главная магистраль империи "Уайна Капак Ньян" составляла 4 тысячи км. Ширина ее на всем протяжении равнялась 8 м. Иногда инки прокладывали дороги в направлении будущих, пока еще только планируемых походов. Через реки были переброшены сотни мостов различных конструкций. Некоторые из них дожили до XIX в.

При дорогах были созданы специальные станции - тарбы, где могли отдохнуть путники. Дороги империи, общая протяженность которых составляла 20-30 тысяч км, использовались для государ-

ственной почтовой службы, ее курьеров. На расстоянии 2 км были расположены почтовые посты, на каждом из которых всегда дежурили два курьера. Один из них отдыхал, другой находился в полной готовности. Когда он замечал приближающегося курьера, то выбегал ему навстречу и принимал сообщение. Затем он бежал с ним до следующего поста.

В результате такой организации информация передавалась с огромной скоростью. Так, например, от Куско до Кито, расположенных друг от друга на расстоянии в 2 тысячи км, известия доходили через 5 дней. Основная задача инкской курьерской службы состояла в передаче информации военного характера. Подобно тому как пороги предназначались прежде всего для передвижения войск, почтовая служба служила главным образом для военных целей.

В течении нескольких дней, а то и часов курьеры доставляли из столицы приказ о мобилизации и указания о том, куда должны быть направлены отряды воинов. Через курьеров командиры пограничных отрядов сообщали в Куско о концентрации войск на границах империи и о возможности нападения на нее. Инкские наместники в недавно присоединенных областях информировали центр о готовящихся восстаниях и других проявлениях недовольства. Это давало возможность немедленно направлять воинские части и тем погашать намечающиеся очаги сопротивления (Rowe, 1946. С.229-233; Стингл, 1986. С.164-171).

Так функционировала военная система Тауантинсуйу. Но она не спасла империю от новой угрозы, на этот раз со стороны европейцев. В 1532 г. в государство инков вторглись испанцы. 19 августа 1533 г. ими был казнен последний Инка - Атауальпа. Империя инков исчезла с лица земли.

14. Ацтеки

Если инки дают нам классический пример "деревенского" варианта развития протополитаризма и политаризма, то ацтеки - типичного "городского". В отличие от инков, у которых политарная форма эксплуатации господствовала почти что безраздельно, у ацтеков в период расцвета их общества наряду с доминирующими политаризмом существовали и играли довольно важную роль магнатно-кабальные и магнатно-арендные отношения. Отмечено также бытование у них доминатно-рабовладельческих, доминатно-кабальных и доминатно-приживальческих связей (Borah, Cook, 1963; Hicks, 1974; Гуляев, 1982).

Ацтекское общество не было первым классовым на территории Мезоамерики. Самые ранние цивилизации появились здесь почти одновременно на рубеже нашей эры. Наиболее известны среди них цивилизации ольмеков, майя, Теотихуакана, Монте-Альбана (Гуляев, 1972. С.97, 105, 112-118, 234, 260).

К концу I тысячелетия н.э. старые центры классической мезоамериканской культуры рушатся. Гибель Теотихуакана относится, вероятно, к началу VII в., Монте-Альбана к концу IX в. или началу X в. В IX-X вв. приходят в запустение классические города майя центральной зоны расселения этого народа. Во всех случаях имело место вторжение извне народов, стоящих на более низких ступенях развития (Гуляев, 1972. С.227-230; 1983. С.11, 18). В долине Мехико на смену классической цивилизации Теотихуакана пришла постклассическая цивилизация тольтеков. Столицей империи тольтеков был город Толлан (Тула). Господство этой державы длилось с 950 до 1200 гг. (Conrad, Demarest, 1984. С.15-17).

После тольтеков настала очередь ацтеков. Одной из групп ацтеков были теночки. Согласно их хроникам, они начали свои скитания в 1168 г. Однако дата эта является чисто произвольной (Вайян, 1949. С.75). Как утверждает Дж.Вайян, с 1168 по 1248 г. теночки представляли собой простое первобытное племя. Затем они перешли к оседлости (там же. С.84-85). В начале или середине XIV в. они основали город Теночтитлан.

По всем данным ранний Теночтитлан был городом - протополитархией. Об этом можно судить по структуре позднего Теночтитлана, который был уже политархией. Население его составляло по разным данным от 120 до 300 и даже более тысяч человек (Kurtz, 1978. С.171; Гуляев, 1982. С.197). Низовыми единицами были калпулли, которые соответствовали агболе йорубов. Каждое калпулли занимало малый квартал. В XIV в. их было 14. Во главе калпулли стоял лидер, который избирался ее членами из состава одной определенной семьи (Conrad, Demarest, 1984. С.24-25). Калпулли были сгруппированы в большие кварталы, которые соответствовали адубо йорубов. Каждый большой квартал имел своего лидера, сборщиков налогов и других должностных лиц. Еще до поселения в Теночтитлане теночки имели общего правителя. В годы основания города им был Теноч (Kurtz 1978. С.171, 173).

В 1370 г. (1375 или 1376 гг.) теночки обратились к городу государству Кулуакан с просьбой дать им правителя тольтекской крови. Им стал Акамапичтли, который считается первым тлатоани Теночтитлана.

К началу XIV в. в долине Мехико существовали две аморфных державы: тепанеков с центром в Аскапоцалко и аколжуа, центром которой в конце концов стал Тескоко. Теночки были данниками тепанеков. К началу XV в. они стали скорее союзниками, чем вассалами.

В 70-х годах XIV в. правителем Аскапоцалко стал Тесосомок. С помощью теночков, возглавляемых вторым тлатоани - Уицилуитлом, он разгромил аколжуа. Правитель Тескоко - Иштлилишочитл был убит. Господство Тесосомока над долиной Мехико длилось до его смерти в 1427 г. Его преемник - Маштла умертвил преемника Уицилуатла Чималпопуку и увеличил дань. Это вызвало возмущение.

Новый правитель Теночтитлана - Ицкоатл вступил в союз с сыном убитого правителя Тескоко Несауалкойотлом и с городом Тлакопан (Такуба). Так возник тройственный союз Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана. В 1428 г. союзники одержали победу над тепанеками. Теночтитлан стал независимым.

В течение всего XIV в. теночки активно перенимают культуру окружающих их народов. В результате они переходят со стадии предклассового общества на стадию классового. Трудно сказать, когда этот переход завершился, но несомненно, что во времена Ицкоатла мы имеем дело уже не с протополитархией, а политархией.

С именем четвертого тлатоани связаны крупные реформы, затронувшие все стороны жизни общества. Он начал воздвигать каменные храмы. Выла сооружена дамба, соединившая остров, на котором находился город, с материком. При нем уже несомненно существовала иероглифическая письменность (Вайян, 1949. С.79). Захваченные земли не были разделены между калпулли. Большая часть земли и право на дань перешли к правителю и военной элите (Вайян, 1948. С.79; Conrad, Demarest, 1984. С.33).

После 1428 г. история Теночтитлана - рассказ о бесконечных завоеваниях. Формально сохранялся тройственный союз, но Тлакопан вскоре исчез со сцены, а Тескоко постепенно отошел на второй план. Но военное сотрудничество между этими двумя городами сохранялось. Ицкоатл одержал победу над могущественными чалками и шочемилками и заставил признать его власть.

После смерти Ицкоатля в 1440 г. ему наследовал Монтесума I, призванный Илуикамина, что значит "гневный". На востоке он перешел через горы, совершил набеги на Пуэблу и Вера-Крус, а на юге проник в Морелос и Гереро. В 1469 г. на престол вступил сын Мотесумы I - Ашаякатл. Он распространил господство Теночтитлана до района Матлацинки на западе и до Оахаки и Теунтепека на юге. В 1478 г. Ашаякатл пытался покорить союз городов-государств - Тараско, но потерпел сокрушительное поражение. Более

20 тысяч ацтекских воинов погибло. Это обеспечило независимость тарасканцев вплоть до прихода испанцев. Далее Ашаякатл подчинил себе соседний город Тлалтелолко.

В 1479 г. правителем стал Тисок, а в 1486 г. Ауитцотл. В своих военных походах последний доходил до Гватемалы, а на севере достиг области Уаштеки в штате Вера-Крус. Ему постоянно приходилось подавлять сопротивление покоренных народов.

Обычаем ацтеков было приносить во время религиозных церемоний и особенно ритуалов, связанных с военными набегами, в жертву богам пленных. По некоторым данным в центральной Мексике приносились в жертву каждый год 15 тысяч человек (Cook, 1946. С.81-101). После воцарения Ауицотла была завершена работа по постройке большого храма, начатая еще его предшественниками. Для церемонии завершения храма требовались человеческие жертвы. Ауицотл в союзе с правителем Тескоко - Несауалпилли предпринял двухгодичный поход в Северную Оахаку. При этом было захвачено по одним данным 10, по другим - 20 тысяч пленных. Все они были принесены в жертву. Обреченных поставили в два ряда и оба правителя занялись страшным делом - вырыванием сердец у жертв. Правителей в порядке старшинства сменяли должностные лица. Длилось это четыре дня (Вайян, 1949. С.83; Conrad, Demarest, 1984. С.47).

Человеческие жертвоприношения являются настолько бросающейся в глаза чертой в жизни ацтеков, что некоторые исследователи считают, что все их войны велись главным образом с целью захвата достаточного количества жертв. Экономические и политические причины были на втором плане (Conrad, Demarest, 1984. С.44).

В армию ацтеков входили все мужчины, способные носить оружие. Основной единицей была группа в 20 человек. Несколько таких групп объединялись в более крупные единицы - от 200 до 400 человек. Специальные отряды в 4-6 человек выделялись для разведки. Воины, принадлежавшие к одному калпулли, образовывали соединение, которым командовал его глава. Калпулли одной фратрии были объединены под командованием ее руководителя. Вышнее командование находилось в руках военачальников всей политархии.

В домах молодежи, куда поступали мальчики в возрасте 15 лет, их учили владеть различного рода оружием. Во время ежемесячных больших церемоний происходили военные занятия и учебные маневры. В сражении каждый новичок шел вслед за опытным воином.

Оружием служили деревянные дубины, обсаженные острыми кусками обсидиана, и дротики, бросаемые с помощью метательных

дощечек. Использовались также пращи, лук и стрелы и копья. Для защиты использовались плетенные щиты, покрытые кожей. Ацтеки одевали также стеганные хлопчатобумажные панцири, вымоченные в рассоле. Эта одежда хорошо предохраняла от ударов дубин в метательных снарядах.

В каждом малом квартале был устроен "дом дротиков", т.е. арсенал, в котором хранились военные запасы. Он находился возле храма, который был центром общинной жизни. В случае призыва к оружию лидеры калпулли могли быстро собрать и вооружить своих людей.

Сложным предприятием была наступательная война. Вьючных животных не было. Каждому воину приходилось нести на себе продовольствие. Войска не имели права брать что-либо у местного населения. Поэтому еще до войны стремились создать запасы и сосредоточить войска в пункте, расположенном возможно ближе к району нападения.

Обычно исход войны решало одно единственное сражение, поскольку нападающие не могли продержаться в поле дольше нескольких дней. Ведя войну на большом расстоянии, ацтеки формировали свои войска, по-видимому, из местных жителей, хотя ядро их составляли отряды теночков и тексоццев.

Война имела в основном полевой характер. Осадные операции фактически не производились. Во время сражения одна толпа воинов пыталась одолеть другую. Сторона, обратившаяся в бегство, проигрывала битву. Забрав пленных, спалив храм и обложив побежденных данью, победители оставляли бывших противников в покое.

Теночки и их союзники нередко прибегали к дополнительным приемам ведения войны. Небольшой отряд воинов совершал нападение. При первом натиске врага он обращался в бегство. Главные силы выжидали в засаде. Когда показывался противник, они атаковали его и часто опрокидывали.

В период мира организовывалась "война цветов". Это был турнир, в котором встречались лучшие воины из нескольких государств. Одна прославленная "война цветов" длилась несколько лет. Победители пожинали славу. Убитых - сжигали. Пленных приносили в жертву богу солнца (Вайян, 1949. С.154-157).

Держава ацтеков была довольно аморфным объединением большого числа политархий и, может быть, протополитархий под властью тройственного союза, в котором главную роль играл Теночтитлан. На трон завоеванного государства сажали правителя чаще всего из той же династии, что правила до поражения. Не предпринималось никаких попыток ассимиляции завоеванных на-

родов - ни культурной, ни политической. Оставив власть на местах нетронутой, ацтеки легко решали все административные проблемы, но тем самым они увеличивали возможность восстаний.

Выступления против власти ацтеков, которые начинались обычно с убийства присланных сборщиков дани, были самым обычным явлением. Покоренные народы приходилось завоевывать снова, причем не по одному разу.

Положение державы осложнялось тем, что внутри ее территории находились многочисленные независимые анклавы. Стремясь сохранить свою независимость, их правители поощряли восстания против ацтекского господства. Когда мятежи подавлялись, они давали убежище лидерам выступлений, которые затем снова возобновляли свои попытки. Таким независимым анклавом было горное государство Тлашкада, а также Теотитлан и Метцитлан. Большая опасность угрожала со стороны оставшегося независимым Тарасканского союза городов-государств.

К концу правления Ауицотла держава ацтеков достигла пределов своих завоевательных возможностей. Неизбежным стал внутренний кризис. Преемник Ауицотла - Монтесума II, вступивший на престол в 1503 г. стремясь найти выход из создавшегося положения, повел политику централизации власти. Он стремился к консолидации и стабилизации в пределах всей державы. Им были предприняты попытки ликвидировать независимые анклавы. Но большого успеха они не принесли. Победы были, но они являлись пирровыми. Еще больше было поражений. Единственное, что ему удалось, - практическое подчинение старого союзника - Тескоко (1515 г.). Это вызвало недовольство среди населения этого города-государства.

Результатом реформ, проводимых в самом Теночтитлане, было увеличение роли высшей знати, уменьшение социальной мобильности. Возмущение мерами, принятыми Монтесумой II, разочарование в результате его походов, периодические нехватки продуктов создало напряженную атмосферу. И в этих условиях в 1519 г. на сцене появились испанцы. В результате их вторжения империи ацтеков пришел конец.

15 Майя

Испанцы же окончательно покончили и с цивилизацией майя, существовавшей к этому времени более 1,5 тысяч лет. В области расселения майя выделяются три крупных культурно-географических зоны: северная (полуостров Юкатан), Центральная (Северная Гватема-

ла, Белиз, Табаско и Чьяпас в Мексике) и Южная (горная Гватемала). Эти три зоны имели различную историческую судьбу.

Центральная область - это территория, где цивилизация майя достигла в I тысячелетии н.э. вершины своего развития. Здесь находилось большинство крупнейших городских центров майя. Уже с рубежа нашей эры здесь присутствуют все признаки классового общества: монументальные каменные сооружения и иероглифическая письменность.

Вся эта территория подразделялась на значительное число сравнительно небольших политических образований, каждое со своим центром. Каждый из них характеризовался наличием монументальных каменных сооружений: пирамид с храмами и дворцов. Расстояние между этими центрами в среднем равнялось 50 км. Отсюда следует, что территория этих образований не превышала 500 км² (Уилли, 1991. С.110-112). О природе центров этих образований и самих этих образований идут споры.

Одни исследователи утверждают, что у майя этого периода не было настоящих городов. Существовали лишь ритуальные центры, где жила элита, ее слуги и небольшая группа ремесленников, обслуживавшая нужды влиятельных. Что же касается основной массы населения, то она обитала в разбросанных по округе селениях. Эти жившие в деревнях земледельцы снабжали элиту всем необходимым и участвовали в строительстве храмов и дворцов. Такого мнения придерживались Э.Томпсон, И.Фогт, Т.Я.Калберт, М.Д.Ко, У.Сандерс, Г.Р.Уилли. Последний прямо характеризовал общество майя классического периода как "цивилизацию без городов" (Willey, Bullard, 1965. С.376).

В дальнейшем все в большей степени стало выясняться, что "ритуальные центры" были окружены сотнями и даже тысячами небольших домов, т.е. что у майя классического периода были настоящие города. В последнее время это признал и Г.Р.Уилли. Как указывает он сейчас, некоторые из этих городов имели население от 10 до 75 тысяч человек (Уилли, 1991. С.106-107).

Но все это еще не дает ответа на вопрос о том, с каким вариантом развития политаризма мы имеем здесь дело: с "городским" или "деревенским". Ведь города существовали и при "деревенском" варианте. Но они являлись не политархиями, как при "городском" варианте, а лишь столициями политархий.

К настоящему времени стало известно, что на территории политического образования у майя, центром которого являлся город, были и другие селения, причем некоторые из них исследователи называют не деревнями, а городками. Это дало основание для ги-

потезы "регионального государства", противостоящей концепции "города-государства" (см. Уилли, 1991. С.108-109).

Советский исследователь В.И.Гуляев, отстаивая концепцию города-государства применительно к древним майя, в то же время пишет, что территория майяского государства включала в себя столицу и подвластную ей округу, состоявшую из сельских общин (Гуляев, 1984. С.62). Так, например, районы сплошной застройки вокруг ритуально-административного центра в Тикале занимают около 6-7 км². Остальные 100-150 км² приходится на сельскохозяйственную округу с целым рядом городков и селений: Чикин-Тикаль, Волантун, Бобаль, Коросаль, Канмуль и др. Население собственно Тикаля составляло 11-12 тысяч человек, округи - 40-42 тысячи (Гуляев, 1979. С.115; 1984. С.58).

Это отнюдь не значит, что майя безусловно относятся к "деревенскому" варианту. Кроме чистого "городского" варианта, представленного йорубами, где все полноправные жители прагосударства входили в состав низших ячеек города - агболе и где отсутствовали деревенские общины, и "деревенского" могут существовать промежуточные формы. Так, например, город и сам мог быть по своей структуре политархией и в то же время являться столицей окружающей его политархии. Не исключено также, что политические образования майя могли быть объединениями, стоящими из одного большого города и нескольких подчиненных городов. Последние не просто платили дань первому, но составляли с ним единое целое. Во всяком случае ясно одно: описанные политические образования майя были обособленными политархиями, были государствами.

Между этими политархиями шли непрерывные войны. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует искусство майя. Знаменитые фрески Бонампака (Чьяпас, Мексика), относящиеся к VIII в., изображают в числе других сюжетов набеги на чужие селения, принесение пленных в жертву (Гуляев, 1991. С.93). На одной из расписных ваз, относящихся к 600-900 гг., изображена сцена битвы. Одиннадцать персонажей, разделенных на два отряда, столкнулись в ожесточенной схватке. Более многочисленный отряд (слева), судя по всему, проиграл битву и отступает. Три воина из его состава попали в плен и их уводят торжествующие победители (Гуляев, 1979. С.262; Гуляев, 1991. С.101).

Один из наиболее распространенных мотивов классического искусства майя - изображение царя в образе воина-победителя. Существует несколько разновидностей: "царь на поле брани", принимающий участие в военных действиях (как правило, он показан

берущим в плен поверженных врагов), "царь в сценах триумфа", когда победоносный правитель с оружием или символом власти в руках показан рядом со связанными пленными у его ног. Иногда царь топчет ногами тело пленника или стоит на нем, как на пьедестале (Гуляев, 1984. С.11-112).

В верхней части стелы 12 из Пьедрас-Неграса изображен правитель в пышном костюме и сложном головном уборе. Правой рукой он сжимает копьё, а левой упирается в бедро. У подножья трона стоят военачальники или сановники, а еще ниже помещена группа из восьми фигур: скорченные, обнаженные пленники со связанными за спиной руками. Их головы подняты вверх, они с ужасом ожидают решения своей участи (Гуляев, 1984. С.112-113).

О войнах между политархиями майя известно и из иероглифических летописей. Город Киригуа находился некоторое время под юрисдикцией Копана. Но в 737 г. правитель Киригуа "Двуногое небо" поднял восстание, а затем взял в плен и принес в жертву правителя Копана, известного по иероглифическим текстам как "XVIII Кролик". В 378 г. правитель Тикаля одержал победу над независимым городом Вашактун. Неизвестно, какие именно отношения сложились между этими двумя городами после этого события. Но после второй войны Вашактун вошел в состав Тикальского государства.

На рубеже VII-VIII в. город Дос Пилос заключил прочный союз с городом Агуатека. После этого союзники встали на путь экспансии. К 731 г. они овладели двумя ближайшими центрами. В 735 г. был разгромлен правитель города Сейбалья, а сам город включен в состав растущего государства Дос Пилос-Агуатека. К 771 г. владения последнего простирались на 80 км с юга на север и 50 с запада на восток, т.е. составляли территорию около 4600 км². Около 790-800 гг. это государство начало клониться к упадку и, наконец, в 810 г. он наступил (Уилли, 1991. С.113-115).

Как мы видим, державы у майя классического периода возникали, но, как считают исследователи, никогда не образовывалась такая, которая охватывала бы большинство городов Центральной области. Насколько такое заключение верно, покажут будущие исследования.

В IX-X в. в Центральной области майя произошла катастрофа. На ослабевшее в силу внутренних причин общество обрушились завоеватели из центральной Мексики и со стороны Мексиканского залива. Жертвой массированного вторжения центрально-мексиканских племен - тольтеков оказались и города Северной области - полуострова Юкатан. Однако население Юкатана не только выжило, но смогло приспособиться к новым условиям. В итоге

спустя короткое время на Юкатане возникла культура, сочетающая майяские и тольтекские черты. В истории юкатанских майя наступил новый период, получивший название "мексиканского" (X-XIII вв.).

В течение его политическая и культурная гегемония на всем полуострове принадлежала городу Чечен-Ица, в котором обосновались тольтеки. Но в дальнейшем гегемония Чечен-Ицы начала вызывать недовольство в других городах Юкатана. В XIII в. объединенные силы Майяпана, Ицмалья и Ушмалья во главе с правителем первого из них - Хунак Кеелем разгромили войска Чечен-Ицы и разрушили город.

В последующий период (XIII-XV вв.) резко усилилась роль Майяпана и его правящей династии Кокомов. Майяпан стал столицей крупного государства, включавшего в свои пределы почти весь Северный Юкатан. Но влияние Кокомов оказалось непрочным. В XV в. в результате ожесточенных войн Юкатан бьет разделен на полтора десятка мелких государств (Гуляев, 1983. С.173-175; 1984. С.159-161).

"Ни один правитель, - писал Ч.Г.Галленкамп (1966. С.182), - не обладал силами, достаточными для объединения провинций, которые разделили теперь Юкатан на несколько враждующих военных лагерей. Но каждый царек надеялся осуществить подобное объединение под собственно эгидой. И вот наступила драматическая развязка. На всем полуострове свирепствовали войны. Мирные селения подвергались непрерывным набегам с целью захвата будущих жертв и крепких юношей, годных для воинской службы. Часто нападающие поджигали окрестные поля кукурузы для того, чтобы лишить пищи местных жителей и подчинить тем самым алчному властителю. Одним за другим появлялись и исчезали мелкие царьки, которых устраняли обычно путем дворцовых переворотов или просто убивали. Человеческая жизнь потеряла всякую ценность... Искусство и наука пришли в упадок". И в этой ситуации в 1517 г. появились испанцы. После двадцатилетней войны Юкатан был покорен.

В свете всех приведенных выше данных более ясным представляется становление классового общества в Египте и Шумере.

16. Древние египтяне

В случае с Египтом мы сталкиваемся с "деревенским" вариантом политарного общества. Египет довольно отчетливо разделен на две части: Верхний Египет и Нижний Египет. Каждая из них со-

стояла из небольших областей, которые носили название номов. В период Нового царства на территории Верхнего Египта насчитывалось 22 нома, в Нижнем - 20 номов.

Номы, вероятно, возникли очень рано и первоначально представляли собой протополитархии или вожества. В дальнейшем номы в каждой из названных частей Египта были объединены. Произошло это не без войн. Имеются различного рода данные, свидетельствующие о войнах между отдельными номами и их большими объединениями (Авдиев, 1948. С.20-21).

В конце концов возникли две сравнительно крупные протополитархии: верхнеегипетская и нижнеегипетская. В последующем между ними разгорелась борьба, которая привела к тому, что верхнеегипетское политическое образование подчинило себе нижнеегипетское. Объединение Египта обычно связывают с именем фараона Мины или Хора Бойца, который основал Мемфис и стал родоначальником 1 общеегипетской династии.

Но как свидетельствуют данные, подчинение Нижнего Египта Верхнему произошло еще при его предшественниках. Уже цари нулевой династии Хор Скорпион, Хор Двойник и Хор Сом были правителями всего Египта (Перепелкин, 1988. С.295-304).

Обитатели Нижнего Египта долго не могли смириться с потерей независимости. Они неоднократно восставали. На одной стороне сланцевой плиты непосредственный предшественник Мины - Хор Сом (Нармер) изображен в короне Верхнего Египта. Он замахнулся одной рукой, держащей булаву, и готов поразить ею поверженного врага, которого другой рукой он держит за волосы. Божественный покровитель царя - бог Гор (Хор) держит веревку, опутывающую символическое изображение Нижнего Египта. Да другой стороне изображены связанные и обезглавленные враги (Перепелкин, 1983. С.304, 308; Кузищин, ред., 1988. С.3).

Последнее известное восстание Низовья произошло при фараоне II династии Хоре, Воссиявшем жезлом (Хасемхеме). Оно было жестоко подавлено. Было убито более 47 тысяч повстанцев (Перепелкин, 1983. С.315).

Первые общеегипетские правители вели грабительские войны с народами, жившими по соседству с Египтом. Вероятно Хору Скорпиону принадлежит каменная плита, на которой с одной стороны показано, как олицетворяющие царя сокол, лев и скорпион "разоряют" крепости, а на другой изображены деревья, быки, ослы и бараны, и все это названо словом "Ливия", обозначающим местности непосредственно к западу от долины Нила. На одном изделии Хор Сом изображен в виде одноименной рыбы, опускаю-

щей свою палицу на толпу связанных пленников-ливийцев, как сообщает приписка (Перепелкин, 1968. С.306-307). На булаве, пожертвованной в храм в Гиераконоле, Хор Сом сообщает о 400 тысячах голов крупного рогатого скота и 1422 тысячах мелкого. Упоминание вслед за тем о 120 тысяч пленных показывает, что речь идет о добыче, захваченной на войне, возможно, в Нижнем Египте (Перепелкин, 1988. С.306). Хор боец (Мина) предпринял поход в Эфиопию, т.е. в современный Судан, фараон этой же династии - Хор Простиратель - на восток (Перепелкин, 1988. С.309, 312).

Трудно сказать, когда именно в Египте предклассовое общество сменилось классовым, но несомненно, что фараоны нулевой династии жили уже в классовом обществе. В их время существовала довольно развитая иероглифическая письменность (Перепелкин, 1988. С.308).

Период царствования фараонов нулевой, первой и второй династий объединяют под названием Раннего царства (XXXI - XXIX вв. до н.э.). На смену ему пришел период Древнего или Старого царства (XXVIII-XXIII вв. до н.э.). К нему относится огромное количество документов, свидетельствующих о войнах с целью грабежа и завоевания, которые вели египетские правители (Струве, Редер, ред., 1963. С.29-35; Перепелкин, 1988. С.376-377).

Армия в то время в основном комплектовалась из свободных египтян. Новобранцы подвергались специальному военному обучению. Воины были вооружены медными боевыми топорами, каменными или медными кинжалами, копьями, луком со стрелами. Орудием защиты был деревянный щит (Авдиев, 1948. С.46-47, 53-56).

Наивысшего расцвета достигло Старое царство во время правления IV династии. В царствование фараонов V и VI династий начался упадок. Страна распалась на номы или небольшие объединения номов, которые находились во враждебных отношениях. Наступил Первый переходный период, который длился с середины XXIII в. до середины XXI в. до н.э. Внутренним упадком страны воспользовались соседние народы (ливийцы на западе, кочевники на востоке), которые начала опустошать Нижний Египет.

Спустя некоторое время началось движение за объединение Египта. На севере его возглавили правители Гераклеополя, на юге - правители Фив. Северные правители даже объявили себя царями Верхнего и Нижнего Египта (IX-X династии). Однако их власть никогда не простиралась на всю страну. Южные номы, сплотившиеся вокруг Фив, не признавали их гегемонии. Результатом ожесточенной борьбы между Гераклеополем и Фивами была победа правителя последних - Ментухотепа. Он объединил раз-

рожденные номы в единое централизованное государство. Наступил период Среднего царства (2050-1750 гг. до н.э., XI - XIII династии).

Снова возобновились завоевательные походы против соседей. Была завоевана Нубия. Границы страны были передвинуты от Асуана до второго порога. Власть египетских фараонов распространилась не только на Синайский полуостров, но и на южную часть Палестины и некоторые города Финикии. Во время войн захватывалась масса скота, пленных, материальных ценностей. была организована и систематическая эксплуатация завоеванных стран.

В XVIII в. обострились социальные противоречия в Египте. Страна снова начала клониться к упадку. Вспыхнуло народное восстание против существующего строя. Возникшим тяжелым положением воспользовались внешние враги. В конце XVIII в. гиксосы заняли всю Дельту, а затем подчинили и Верхний Египет. Наступил Второй переходный период (вторая половина XVIII - XVII вв. до н.э.).

Реальная власть в это время находилась в руках местных правителей - номархов. Верхний Египет представлял собой совокупность практически самостоятельных номов. Их зависимость от завоевателей ограничивалась формальным признанием их власти и уплатой определенной дани. А на юге Египта власть гиксосов вообще была ничтожной.

После смерти гиксосского царя Хиана (XVII в.), которому на короткое время удалось подчинить весь Египет, гиксосское государство стало слабеть, а самостоятельность египетских номов, особенно Фив, возрастать. Именно Фивы стали центром движения за освобождение Египта от гиксосов и одновременно объединения страны. Их правители провозгласили себя фараонами и основали XVII династию, которая правила одновременно с гиксосскими царями.

Один из фараонов этой династии - Камесу стал во главе борьбы за изгнание гиксосов. Его брат - Яхмос завершил ее. Он не только изгнал гиксосов, но уничтожил их державу. Было восстановлено египетское централизованное государство и начался новый период в истории этой страны - эпоха Нового царства (1580 - 1085 гг., XVIII-XX династии).

Снова начались завоевательные походы. Была реорганизована армия. Если раньше все воины были пешими, то теперь были созданы отряды колесничих. Одновременно пехота была снабжена новыми видами оружия. Были приняты на вооружение два типа меча: массивный прямой и более легкий серповидный. На вооружение части солдат поступил пластинчатый панцирь. Кроме тяжеловооруженных воинов существовали подразделения легковоо-

руженных копейщиков и лучников. Был создан военно-морской флот. Согласно новой системе набора от каждых десяти взрослых мужчин выделялся один воин. Увеличилась роль наемников чужеземцев. При XIX династии они стали составлять не менее половины состава армии (Кузищин, ред., 1988. С.46-47).

Используя мощь реформированной армии, фараоны XVIII династии вели активную внешнюю политику. Только за 22 года своего единоличного правления Тутмос III совершил 15 победоносных походов. Его предшественниками и им были захвачены Палестина, Сирия, Финикия. На юге были покорены земли вплоть до четвертого нильского порога. Образовалась великая Египетская держава (Авдиев, 1959. С.97-148). Египтяне теперь уже не ограничивались простым взиманием дани с местных правителей. Была создана постоянная египетская администрация, управляющая захваченными территориями.

При последних фараонах XVII династии положение начало ухудшаться. Великая военная держава стала разваливаться. Возрождение ее произошло при фараоне XIX династии Рамсесе II (1301-1235 гг. до н.э.). Самым серьезным соперником Египта было могущественное Хеттское государство. Длительное военно-дипломатическое противоборство двух великих держав Ближнего Востока в конце концов завершилось заключением в 1280 г. до н.э. мирного договора между Рамсесом II и хеттским царем Хаттусили III. Это первый дошедший до нас мирный договор. Его текст обнаружен на стенах Карнакского храма и Рамессеума в Фивах и в архиве хеттских царей в их столице Хаттусе (совр. Богазкей). Два государства договорились об отказе от применения силы друг против друга, об установлении прочного мира, решении спорных вопросов мирными средствами, разделе сфер влияния в Восточном Средиземноморье. В договоре предусматривались оказание помощи друг другу в случае нападения третьей стороны и восстания покоренных народов и выдача перебежчиков. Соглашение было скреплено браком Рамсеса II и дочери хеттского царя, клятвами богам и взаимными дарами. Этот договор на целое столетие определил мирные отношения Египта и Хеттского государства и стал важным фактором международных отношений XIII в. до н.э. (Струве и Редер, ред., 1963. С.126-130; Кузищин, ред., 1988. С.60-61).

При Рамсесе II для укрепления господства на захваченных территориях строились крепости, где стояли постоянные гарнизоны, в местные города поселялись коренные египтяне. Но успехи были недолговечными. Снова проявились признаки упадка. Начались волнения и смуты внутри страны. Была потеряна значитель-

ная часть прежних владений. Дельта стала ареной постоянных набегов ливийцев. После временного улучшения положения при Сетнахте - основателе XX династии и его сыне Рамсесе III произошел политический распад государства. Наступил Третий переходный период (1085 - середина X в.).

Около 950 представителю одного из знатных ливийских родов - Пешонку I удалось снова объединить страну, но не надолго. В IX-VIII вв. до н.э. Египет снова оказался раздробленным, что дало возможность правителям Куша (Нубии) ее завоевать. В 671 г. Египет был покорен ассирийцами и разделен между 20 местными правителями - номархами. В середине VII в. Псамметих I объединил страну под своей властью и вытеснил ассирийцев. На троне утвердился XXVI династия (664-525 гг. до н.э.). В 525 г. Египет вошел в состав Персидской державы. В 332 г. в страну вступили войска Александра Македонского. После распада его державы Египет оказался под властью греко-македонской династии Птолемеев.

Не продолжая историю Египта дальше, отметим, что на его примере особенно наглядно можно видеть циклический характер развития. Он присущ не только протополитарным, но еще в большей степени политарным обществам. Чередование периодов расцвета и упадка протополитарных и политарных обществ невозможно объяснить внешними причинами. Причина состоит вовсе не в природных факторах. Этот цикл происходил во всех протополитарных и политарных обществах, в каких бы природных условиях они не существовали. И дело также не в самих по себе вторжениях варваров или других более могущественных государств. Пока государство находилось в периоде расцвета, оно грабило варваров, брало их в плен, превращало их в своих подданных, захватывало территории других государств. И только когда оно слабело, на него обрушивались внешние враги: и варвары, и другие государства и оно становилось их легкой добычей.

Упадок державы выражался не просто в отделении ранее захваченных областей, хотя это всегда происходило. Распадалась на составные части и протополитария, которая была ядром державы. Это наглядно можно было видеть на примере Египта.

Кризис охватывал и такие общества, которым, по существу, и распасться было не на что. Это можно видеть на примере государств майя классического периода. Видимо, все же не существовало единой державы майя, которая бы охватывала всю центральную область их расселения. Были отдельные небольшие государства. Но упадок все же наступил. Он вытекал из особенностей

развития протополитарных и политарных социально-экономических отношений.

Наступивший после расцвета политархии упадок мог иметь различную глубину. В одних случаях он приводил к тому, что классовое общество разрушалось. Исчезали все признаки цивилизации. На развалинах бывшего классового общества возникали общества предклассовые. Имение такие случаи имеет в виду, когда говорят о гибели цивилизации.

Выше уже были приведены материалы, относящиеся к такому варианту развития: история государства Конго. Были упомянуты, хотя и не рассмотрены подробно, другие более или менее бесспорные случаи: судьбы цивилизаций Мочика, Тиауанако в Андской области, Теотихуакана в Мезоамерике. Но самые знаменитые примеры относятся к истории Индии и Греции.

Цивилизация Хараппы, возникнув в XXIX-XXVIII вв. до н.э., исчезла в XVII-XVI вв. до н.э. С ее гибелью произошел возврат на стадию предклассового общества. Исчезли монументальное зодчество и письменность. Вновь классовое общество на территории Индии зародилось лишь в начале I тысячелетия до н.э. На территории материковой Греции классовое общество сложилось первоначально в XVII-XVI вв. до н.э. В XII в. до н.э. оно погибло. Прекратилось монументальное строительство, исчезла письменность. Снова классовое общество в Греции, но уже не политарное, а рабовладельческое, возникло лишь около 800 г. до н.э.

Однако не везде упадок был столь глубок. В Египте и во время Первого, Второго и Третьего переходных периодов продолжали сохраняться и монументальное зодчество и письменность. Поэтому можно говорить лишь об упадке, но не гибели цивилизации. Номы, которые до возникновения верхнеегипетского и нижнеегипетского образований были вожествами, после распада общеегипетского государства не превратились снова в протополитархии. Они стали хотя и самостоятельными, но политархиями.

17. Шумеры

Если для Египта был характерен "деревенский" вариант развития, то для другой ранней цивилизации - шумерской - "городской". Египет перешел на стадию классового общества скорее всего после того, когда возникло политическое объединение в масштабах всей долины Вила. Крупная протополитархия превратилась в крупную же политархию.

Иначе обстояло дело в Двуречьи. К моменту перехода на стадию классового общества на этой территории существовало множество небольших протополитарных социально-исторических организмов. Именно они и превратились в столь же небольшие политархии. Большинство исследователей называют эти социально-исторические организмы городами-государствами. И.М.Дьяконов, исходя из того, что на территории такого организма существовал обычно не один город, а несколько, из которых один был главным, предпочитает называть его "номом" или "номовым государством" (Дьяконов, ред., 1983. С.139 и др.). Название это является не очень удачным, ибо египетские номы связаны с "деревенским" вариантом развития, а эволюция шумерских протополитархий, а затем и политархий шло либо по чисто "городскому", либо по близкому к этому пути.

Здесь, как и в случае с майя, возникает два предположения. Первое: перед нами объединение, состоящее из одного главного и нескольких подчиненных городов. Второе: мы имеем дело с политархией, сочетающей в себе особенности и "деревенского" и "городского" путей развития. Какое из них является верным, выяснится в процессе дальнейших исследований.

По мере перехода от предклассовой стадии к классовой все более частым явлением становились войны между данными социально-историческими организмами. Когда этот процесс завершился, войны стали вестись непрерывно (Дьяконов, ред., 1983. С.110, 185).

К концу раннединастического периода (XXVIII - XXIV вв. до н.э.) сложилась определенная организация войска. Существовали отряды колесничих. Основную ударную силу составляла тяжело-вооруженная пехота с хорошей строевой подготовкой. У всех этих воинов было одинаковое вооружение, которое они получали со складов. Оно состояло из медного шлема, длинного копья и длинного войлочного плаща с нашитыми на нем медными бляхами. В последующем эти плащи были заменены огромными обитыми медью щитами. Сражалась тяжелая пехота в сомкнутом строю. Третьим видом войска была легковооруженная пехота. Она была снабжена короткими дротиками или медными топорами на длинной рукояти. Все воины имели также медные кинжалы. (Дьяконов, ред., 1983. С.184-186).

Одной из самых известных является война между Лагашем, правителем которого был Эанатум, и Уммой, где правил Уш (XXIV в. до н.э.). Победа Лагаша была увековечена на знаменитой "Стеле коршунов". На ней изображено шествие лагашского войска во главе с правителем и трупы поверженных врагов, терзаемые

коршунами. Надпись сообщает, что в битве было убито 3600 nepřательских воинов. (Дьяконов, ред., 1983. С.195-196; Кузищин, ред., 1988. С.115).

Целью войны был не только грабеж. Почти каждый правитель политархии стремился установить свою власть над остальными государствами. В результате войн возникали как военные союзы между политархиями, так и сравнительно небольшие державы. Однако все они были недолговечными. В конце раннединастического периода правитель Уммы Лугальзагеси объединил под своей властью почти весь Шумер. Но он потерпел поражение от правителя Аккада - Саргона (2316 - 2261 гг. до н.э.), который создал могущественную державу, простирающуюся от Персидского залива до Сирии.

В XXII в. до н.э. Аккадское царство вступило в период упадка и рухнуло под ударами кутиев. Вся последующая история Двуречья, как и история Египта, непрерывное чередование периодов подъема и упадка: Царство Шумера и Аккада при III династии Ура и вторжение амореев - Старовавилонское царство и вторжение касситов - Касситское царство и вторжение эламитов - расцвет при Навухоносор I и ассирийское владычество - Нововавилонское царство и персидское завоевание. И все это сопровождалось непрерывными войнами. Войны были органическим моментом истории всех политархических обществ, как ранних, так и поздних.

III

ВОЙНЫ В ПРОЧИХ ПРЕДКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ

1. Вводные замечания

Из пяти вариантов раннего предклассового общества три (геронтократический, преплутарный и вариант с позднейшими чифменами) известны лишь среди охотников, рыболовов и собирателей. У геронтократических тиви Северной Австралии и преплутарных толова и юроков Калифорнии войны по своему характеру мало отличались от тех, что велись в позднем первобытном обществе (Hart and Pilling, 1960. P.83-86; Kroeber, 1925. P.83-86). У эскимосов чутачей, у которых существовали позднейшие чифмены и рабство, войны носили характер грабительских набегов. Пленные становились рабами (Birket-

Smith, 1953. P.102) Вооруженные столкновения у этих и других подобных им народах настолько подробно, насколько позволял фактический материал, описаны в первом томе монографии (2 и 3 подразделы второго раздела первой части).

Оставшиеся два варианта раннего предклассового общества известны как у охотников, рыболовов и собирателей, так у земледельцев. Мы ограничимся одними лишь земледельцами, да и то не всеми. Бигмены, использовавшие доминантный и магнатный образ эксплуатации, существовали у таких, например, земледельческих групп, как энга, чимбу, мелша, капауку гор Новой Гвинеи. Но войны у горных папуасов, одна часть которых уже достигла стадии раннего предклассового общества, а другая продолжали жить в позднем первобытном обществе, были уже в целом детально рассмотрены в первом томе (5 подраздел второго раздела первой части).

Таким образом из всех вариантов раннего предклассового общества остается лишь преполитарный. В принципе вооруженные столкновения в этом обществе должны были бы быть описаны прежде войн в обществе протополитарном, ибо последнее возникло из преполитарного. Однако о войнах в обществах, где были лишь одни преполитарные отношения, почти ничего не известно. Имеются более или менее обстоятельные данные лишь о тех обществах, где преполитарные отношения сосуществовали с рабством и приживальчеством. А такие общества в ряде аспектов были развиты более, чем социально-исторические организмы, в которых существовали одни лишь протополитарные отношения.

2. *Маори*

Примером могут послужить маори Новой Зеландии, у которых преполитаризм сочетался с рабством и приживальчеством. Институт войны у них был более развит, чем у тробрианцев. Вообще маори славились как воины. Воины у маори в большинстве своем представляли кратковременные набеги.

Важнейшей социальной ячейкой у маори была амбилатеральная родственная группа - хапу. Как правило, хапу составляла одну деревню. Иногда в одной деревне жило несколько таких групп. В таком случае каждая хапу занимала особый квартал, отделенный от остальных изгородью. Бывало, что крупная хапу населяла несколько деревень. Несколько родственников хапу составляло племя - иви. Иви не было сколько-нибудь прочным объединением. Хапу одного племени могли сражаться друг с другом.

Хапу была основной единицей в войне. Именно на базе хапу образовывался вооруженный отряд, который мог соединяться с отрядами других хапу. Число воинов в нем - от 100 до 400 человек. Каждый взрослый мужчина, способный носить оружие, был морально обязан присоединиться к отряду. К этому принуждала его сила общественного мнения.

Каждый имел свое оружие. В качестве его выступали деревянные копья, длинные дубины из дерева и короткие из дерева, кости, камни. Применение метательного оружия - метательных копий было ограничено. Щиты отсутствовали. Для защиты тела применялись военные плащи. Мальчиков с детства готовили к деятельности воина. Юношей учили пользоваться оружием.

Вопрос о войне решался на собрании. Когда объявлялась война или приближался враг, то на много километров звучала труба или гонг. К союзникам посылали вестников с просьбой о помощи.

Во главе отряда обычно становился вождь хапу. И в дни мира, и в дни войны вождь был скорее лидером, чем командиром. Он вел за собой, а не командовал. Действовал пример, а не приказ. Военная дисциплина с подчинением приказам отсутствовала. Если в военной экспедиции участвовали несколько хапу, то каждый отряд со своим вождем действовал, как хотел.

Главный расчет делался на внезапность. Прибегали к хитростям и даже прямому вероломству. Бывали случаи, когда людей приглашали на пир и там убивали. Иногда, наоборот, гости набрасывались на хозяев. Но главное, конечно, - внезапные набеги на чужие деревни. Они производились ночью и на рассвете, под прикрытием плохой погоды. Для защиты от нападений деревни укреплялись. Выставлялись часовые. Вооруженные отряды передвигались пешком или на каноэ. При этом старались остаться незамеченными. При приближении к намеченному объекту посылали разведчиков с тем, чтобы обнаружить слабые места. Затем отряд или отряды шли на штурм деревни. Если он был отбит, то нападающие чаще всего удалялись. Но бывало, что деревня осаждалась несколько дней.

И нападающие и обороняющиеся использовали различные приемы. Иногда обороняющиеся покидали крепость, а затем внезапно нападали на врагов, проникших в нее. Нападающие практиковали ложные атаки, а также производили отступление с целью внезапного нападения из засады.

Когда нападавшие одерживали победу, деревня подвергалась грабежу. Захватывали добычи столько, сколько можно было увести с собой. Брали пищу, маты, украшения, рыболовное снаряже-

ние, корзины, сосуды. Все, что не могли унести, разрушали. Деревню сжигали. Пленных частично убивали и съедали, частично превращали в рабов.

Иногда вооруженные отряды сталкивались в открытом сражении, но это было редко.

Причины войн были различными. Чаще всего поводом были обиды, нанесенные членам одной группы членами другой: убийства, использование вредоносной магии, прелюбодеяния. Ответные действия могли быть отложены надолго. Каждая группа имела счеты к другим, которые копились поколениями. При желании всегда можно было найти предлог для набега, который диктовался стремлением к добыче и приобретению рабов. К числу причин относятся споры из-за права на землю и рыболовные места. Чаще всего после успешного набега нападающие стремились поскорее вернуться домой. Но серия побед могла привести к захвату территории. Ее прежние жители истреблялись, захватывались в плен или изгонялись. Изгнанные в свою очередь могли вторгнуться на территорию более слабых групп и побудить их бежать. Развертывалась целая цепная реакция.

А.П.Вайда в одной из своих работ склоняется к тому, что истинной причиной всех войн у маори являлась борьба из-за земли. Все остальное - поводы. По это слишком упрощает картину. Жизнь была сложнее.

В некоторых случаях между враждующими сторонами заключался мир. С просьбой о мире обращалась слабейшая сторона. Условием мира могла быть уступка права на часть территории. Иногда побежденные обязывались давать в определенные сезоны в качестве подарков победителям особые виды пищи (птицу, крыс, утрей). Но подобного рода данничество было редким явлением. Когда "данники" восстанавливали силы, то прекращали уплату. Мирные соглашения никогда не отличались прочностью, даже когда подкреплялись взаимными браками (Vayda, 1970; 1976. С.75-87).

Социально-экономический строй земледельцев маори был очень сходен с тем, что был характерен для индейцев северо-западного побережья Северной Америки, основными занятиями которых были рыболовство и охота. У последних, как и у маори, преполитарные отношения сосуществовали с рабством и приживальчеством. Войны у индейцев северо-западного побережья были детально рассмотрены в первом томе монографии (3 подраздел второго раздела первой части). И нельзя не заметить поразительного сходства между ними и тем, что наблюдалось в этой сфере у маори.

3. Ирокезы

Переходя к поздним предклассовым обществам иным, чем протополитарные, а именно к пракрестьянским, протодоминомагнатным и параполитарно-доминомагнатным, нельзя не обратить внимания на наметившуюся в них тенденцию к возникновению все более крупных социальных образований. И в немалой степени это было связано с войнами.

В условиях постоянных войн возникновение одного объединения общин вызывало образование других, способных ему противостоять. С особой силой тенденции к укрупнению проявлялась тогда, когда рядом с обществами рассматриваемых типов образовывались протополитарные. Вождества, как правило, включали в свой состав несколько общин. Поэтому по численности населения они превосходили общества указанных выше трех типов, пока они оставались однообщинными. Кроме того вождества всегда были лучше организованы. В них существовал формирующийся государственный аппарат, который отсутствовал в обществах указанных трех типов по крайней мере до тех пор, пока они оставались однообщинными.

Особенно угрожающим становилось положение, когда рядом с однообщинными обществами указанных типов, появлялись крупные протополитарии или державы, состоящие из протополитархий, не говоря уже о возникновении подлинных политархий и вообще классовых обществ. Свообразным случаем является колониальная экспансия европейцев.

Если начать с пракрестьянских обществ, то прежде всего следует остановиться на ирокезах. Мы не знаем, когда у них появились надобщинные образования - племена. Несколько больше известно о конфедерации пяти их племен - знаменитой Лиге ирокезов. Одни авторы считают, что она возникла в середине XV в., другие относят ее образование к концу XVI в. (Фентон, 1978. С.114).

Первоначально Лига возникла не для ведения наступательных войн. Суть ее заключалась в прекращении войн между пятью вошедшими в нее племенами. Она была "Лигой мира" (Фентон, 1978. С.123). Прекращение вражды между племенами, вошедшими в Лигу, сделало возможным объединение их усилий для обороны от соседей, а затем и для нападения на них.

Традиционное вооружение ирокезов состояло из лука и стрел, духового ружья, копья с кремневым наконечником, деревянной дубины. В качестве оборонительного оружия использовались деревянные щиты: большие прямоугольные, защищавшие воина с го-

ловы до ног, и меньших размеров, круглые. Но уже в начале XVII в. каменные наконечники были заменены железными. Затем появились топоры и металлические секиры. Позднее ирокезы получили огнестрельное оружие. Значительного развития достигла у ирокезов фортификационная техника. Селения ирокезов XVI в. описаны как окруженные несколькими рядами палисадов (Аверкиева, 1974. С.228-227).

Как и у маори, у ирокезов все боеспособные мужчины были воинами. Но не существовало никакой организации, которая призывала бы участвовать в походах. Участие в войне было делом добровольным. Когда советом Лиги или советом племени объявлялась война против какого-либо народа, то в каждом селении состояние войны возвещалось ударом томагавка по военному столбу. После этого каждый был волен собрать отряд и совершить набег. Впрочем формальное объявление войны не было обязательным. Ирокезы всегда находились в состоянии войны со всеми племенами, которые не состояли с ними в союзе.

Человек, желавший набрать добровольцев и возглавить военную экспедицию, в полном праздничном одеянии проходил по селению, испуская военный клич, после чего подходил к военному столбу и, ударив томагавком по нему, начинал военную пляску. Вокруг него собиралась толпа и, так как пляска возбуждала военный дух, мужчины один за другим присоединялись к нему. Таким образом быстро набирался отряд. Женщины во время пляски готовили воинам еду в дорогу. После пляски воины покидали селение и направлялись в страну врага. Отряды из разных селений могли соединяться, но каждый оставался под командованием собственного вождя (Морган, 1983. С.44-45, 179-180).

В дальнейшем для обеспечения единства действий были установлены должности двух высших военачальников Лиги, избираемых из числа выдающихся воинов племени сенека.

Существуют ориентировочные подсчеты военной силы ирокезов. Иезуит Дж.Лалемант писал, что 1659-1660 гг. в пяти племенах, входивших в лигу насчитывалось 2200 воинов. По племенам они распределялись следующим образом: могауки - около 500 воинов, онейда - 100, оондага - 300, кайюга - 300, сенека - 1000. Иезуит Ф.ДеМуан в 1660-1661 гг. оценивал силы ирокезов в 2000 воинов. В.Гринхалл в 1677 г. в 2150 воинов (300 могауков, 200 онейда, 350 оондага, 300 кайюга и 1000 сенека) (см. Аверкиева, 1974. С.226).

Европейское влияние начало особенно сильно сказываться на ирокезах начиная с XVII в. Мехава торговля европейцев с индейцами началась еще в XVI в. Около 1600 г. в нее были вовлече-

ны гуроны и ирокезы. Вскоре меховая торговля стала для ирокезов жизненной необходимостью.

Пушнина для индейцев была единственным товаром, на который можно было выменивать европейские вещи, очень быстро вошедшие в их быт. Уже в начале XVII в. Л.А.Лаонтан подчеркивал жизненно важное значение пушнины для индейцев. "Ирокезы, - писал он, - без бобровых шкурок, на которые они могли бы выменивать ружья, порох, пули, серпы, умерли бы с голода..." (цит.: Аверкиева, 1974. С.223).

Но уже к 1640 году пушное богатство на территории расселения ирокезов было истощено. Поиски новых охотничьих угодий, новых источников мехов были, как убедительно показал Дж.Хант в работе "Воины ирокезов. История межплеменных торговых отношений" (Hunt, 1940) главной причиной военной экспансии ирокезов. Войны, которые вались ирокезами на протяжении XVII в. в литературе иногда называются "бобровыми войнами". И важнейшим инструментом завоевательных войн ирокезов была Лига.

В 1649 г. объединенное войско сенека и могауков, состоявшее из 1000 воинов, разгромило конфедерацию гуронов. В 1651 г. сенека и могауки частью уничтожили, частью захватили в плен и рассеяли индейцев, входивших в состав конфедерации ирокезоязычных племен, известной под названием "нейтральной". В 1654 г. объединенными силами сенека, онейда, онондага и кайюга были покорены и рассеяны ирокезоязычные эри. В 1656 г. ирокезы начали набеги на оттава, вынудив их оставить свои земли и переселиться на запад. В 1675 г. были разбиты сусквеханноки, часть которых вошла в состав сенека. В 1677 г. начались походы ирокезов на индейцев Мэриленда и Виргинии, Северной и Южной Каролины. В 1684 г. сенека и кайюга напали на иллинойсов.

В результате завоеваний XVII в. ирокезы подчинили себе огромную область включающую территорию современных штатов Нью-Йорк, Делавэр, Нью-Джерси, Пенсильвания, Мэриленд, большую часть Виргинии, Огайо, Кентукки, северную часть Теннесси, часть Иллинойса, Индианы, Мичигана, часть штатов Новой Англии и прилегающие районы юго-восточной Канады (Аверкиева, 1974. С.223-224; Морган, 1983. С.14-16). Впрочем Дж.Хант считает, что реальная власть ирокезов распространялась на гораздо меньшую территорию (Hunt, 1940. С.161).

Для осуществления контроля над завоеванными землями ирокезы основывали на них свои колонии. Для надзора над покоренными племенами выделялись специальные надсмотрщики. Покоренные народы облагались данью. Племена Новой Англии, например, платили дань

вампумом. Сборщиками дани были могауки. Большое число покоренных индейцев ирокезы влили в свой состав, чтобы восполнить военные потери. Часть пленников становились рабами. В целом в ходе завоевательных войн ирокезы сделали шаг по пути от пракрестыанского общества к протодоминиомагнатному.

4. Индейцы центральной полосы степей Северной Америки

У аборигенов Северной Америки встречались и настоящие протодоминиомагнатные общества. К числу их относятся социально-исторические организмы индейцев центральной полосы степей североамериканского материка. Обитатели этой зоны разводили лошадей. Однако отнести их к числу народов с производящим хозяйством было бы неверным. Основным источником их существования была охота на крупных животных, прежде всего бизонов. Лошади использовались в основном для охоты. У этих племен существовали и доминатные (рабство, приживальчество) и магнатно-арендные отношения (Аверкиева, 1970. С.34, 44-55).

Воины у этих народов были обычным явлением. С этим связано существование у них племен как определенных социальных образований и союзов племен. Сами индейцы различали два типа войны: 1) военные походы с целью мести за смерть соплеменника или захвата территории; 2) набеги с целью грабежа. Кайова обозначали их разными терминами (Mishkin, 1940. С.28).

Военные походы с целью мести, получившие название "походов за скальпами", предпринимались большими (от 100 до 1000 человек) отрядами и носили чаще всего общеплеменной характер. Иногда они состояли из воинов целого союза племен. Предводителями были выдающиеся военачальники. Во второй половине XIX в. таких войн почти не было. Сражения велись с солдатами армии США.

Набеги с целью угона лошадей в XIX в. были обычным явлением. Они предпринимались небольшими отрядами в 10-12 человек, формировавшимися в рамках общины по инициативе того или иного опытного воина (Аверкиева, 1970. С.104-109). Дж.Гриннель в работе о чейенах писал, что у них было много "храбрых и удачливых воинов, которые у своих походах избегали близкого контакта с врагами и не стремились их убивать. Такие люди шли в поход с единственной целью увеличить свое богатство путем угона лошадей: это значило, что они занимались войной как ремеслом, ради прибыли" (Grinnell, 1962. V.2. С.2).

Войны способствовали экономической и социальной дифференциации, а тем, где расслоение было в зачатке, давали ему мощный толчок. Последнее особенно наглядно видно там, где покоренное население облагалось данью.

5. Аварцы

Примером может послужить Дагестан. Вольные общества его были не только оборонительными, но и наступательными союзами. В этом отношении особенно выделяется одно из аварских вольных обществ - Джарское, состоявшее из 7 селений с 1500 дворами.

Джарцы и их соседи совершали постоянные набеги на прилегающие области Азербайджана и Грузии. Важнейшей их целью был захват людей. За них требовали выкуп или продавали в рабство. Вплоть до начала XIX в. Джар был одним из самых значительных невольничьих рынков на Кавказе.

Но этим джарцы не ограничивались. Они подчинили своей власти и обложили данью 22 ингилойских (грузинских) и мугальских (тюркских) селения. Формально дань платилась всему вольному обществу, но с течением времени она стала поступать в руки верхушки общества. Наличие такого источника дохода в немалой степени способствовало процессу социального расслоения, которое становится заметным во второй половине XVIII в. Представители правящей верхушки начали использовать труд рабов, часть которых сажалась на землю. Иначе говоря у джарцев стали возникать и магнатные отношения (см. Петрушевский, 1934. С.4-5, 19, 21-28, 33-58).

6. Адыги

Грабительские войны были характерны и для парapolитарно-доминомагнатных обществ. Их, например, постоянно совершали карачаевцы. Главная цель - захват пленных и скота (Студенецкая, 1937. С.54). Но особое развитие такие войны получили у адыгов.

Военный грабеж был основным занятием и одним из главных источников доходов адыгской знати. "Самые знатные из них, - писал о черкесах в конце XVII в. Я.Витсен, - не обрабатывают землю, а стараются набрать небольшую кучку людей и ночью грабят и угоняют скот и похищают людей как у друзей, так и у врагов" (Витсен, 1974. С.89). Положение не изменилось и концу XVIII в. "Весь предмет жизни их, - писал в 1784 г. П.С.Потемкин о кабардинских князьях, - состоит только в грабительстве. Первое правило каждого владельца есть отнять и украсть, что в глаза может

представиться. Сие правило, так сказать, всасывают они с молоком матери" (цит.: Гарданов, 1967. С.169).

Грабительские набеги продолжались и в XIX в. Объектами их были и аулы адыгов, и селения других горских народов, и казачьи станицы, и русские деревни. В XVIII в. и первой половине XIX в. набеги совершались в основном весной и летом (апрель - июнь) и осенью (сентябрь - октябрь). Таким образом шесть месяцев в году адыгская знать занималась систематическим грабежом.

В грабительских экспедициях принимали участие в основном князья (пши) и знатные люди меньшего ранга (уорки). По в них вовлекалась и некоторая часть свободных общинников. В XVIII в. это делалось путем превращения вольного адыга в княжеского уорка самой низшей степени.

Для адыгов были характерны бесконечные междоусобицы. Одни князья и группировки князей постоянно враждовали с другими. Целью при этом была земля. Методы - захват и разорение поданных своих соперников, захват скота и т.п. (Гарданов, 1967. С.169-180).

7. Древние германцы

Сведения об общественном строе германцев эпохи Цезаря и Тацита фрагментарны. Поэтому определить его можно только предположительно.

Самостоятельный социально-исторический организм древних германцев, включавший в свой состав много пракрестыанских общин, принято именовать племенем. Племена могли объединяться в союзы, конфедерации.

В германском обществе существовало три основных слоя. Первый - аристократы, которые были полностью освобождены от физического труда. Второй - рядовые свободные. Они составляли большинство населения. Третий - т.н. сервы - люди, которые сидели на чужой земле, более или менее самостоятельно вели хозяйство и выплачивали хозяевам оброк. Кроме того существовали домашние рабы. У фризов и саксов люди, сидевшие на чужой земле, назывались литами. Они сами могли иметь рабов.

Характерная особенность германского общества заключалась в его военном характере. Аристократия германцев прежде всего была военной знатью. В каждом племени было несколько человек, которые имели собственные вооруженные отряды - дружины. Их обычно именуют вождями или князьями. Они сами по себе не были должностными лицами, хотя могли становиться ими. Дружины были их частным достоянием.

В каждом племени было народное собрание, которое избирало из среды знати должностных лиц, творивших суд по округам и селам. Избирало оно также и короля, который был главным военачальником племени, верховным судьей и руководил народным собранием. В племенах, где не было королевской знати, лидерство могло принадлежать нескольким равноправным могущественным лицам.

В целом развитие древнегерманского общества шло по линии возникновения и утверждения королевской власти. Они возникали из власти особо могущественного князя, избранного военным вождем и стремившегося сохранить свое положение и в мирное время.

Настоящих налогов внутри германского племени не существовало. Однако по крайней мере в некоторых племенах все их рядовые члены по форме добровольно приносили в дар князьям определенное количество крупного рогатого скота и зерна. Скорее всего мы имеем здесь цело с парapolитарной формой эксплуатации.

Но главным источником доходов знати были не подарки членов племени и не труд сервов и рабов, а военная добыча. В обществе германцев огромную роль играла такая форма эксплуатации человека человеком как военный грабеж. Именно с этим связано существование дружины.

Для древних германцев было характерно частное переселение в поисках удобной для обработки земли. Это приводило к вооруженным столкновениям с соседями. Если в набегах участвовали наиболее боеспособные члены общества, то во время переселений в военных столкновениях принимали участие все свободные, способные носить оружие.

Пока переселяющееся германское племя сталкивалось лишь с сородичами - другими германскими племенами, находившимися на том же уровне развития, то влияние войны на их политическую организацию было сравнительно ограниченным. Столкновения германских племен довольно быстро завершались победой той или иной стороны. Картина резко менялась, когда германское племя вторгалось в область, подвластную римлянам. В таких случаях германские племена либо погибали, либо спланивались в грозные военные союзы (Неуськин, 1929; 1956. С.213-214).

Эти социально-исторические организмы или объединения социально-исторических организмов были подвижными, мигрирующими. Вторжение германских племен и союзов племен на территорию Римской империи было составной частью Великого переселения народов, в котором участвовали и другие этнические группы: гунны, сарматы, славяне и т.д.

Пролог Великого переселения народов относится к II-III вв. В конце II - начале III вв. с северо-запада Европы к Черному морю двинулись восточногерманские племена: готы, бургунды, вандалы. Переселившись в причерноморские степи готы вошли в состав обширного союза, объединявшего кроме них местные гето-фракийские и славянские племена. В середине III в. союз начал опустошительные вторжения в восточные провинции Римской империи. Варварами были наводнены Фракия и Македония.

Почти одновременно к границам Римской империи начали передвигаться западногерманские племена. Алеманны переселились на территорию между верхним Рейном и Дунаем и начали совершать частные нападения на Галлию. В 261 г. они захватили римскую провинцию Рецию и, двинувшись в Италию, дошли до Медиолана (Милана). В 258-260 гг. в Галлию вторглись франки.

В IV в. началось собственно Великое переселение народов. Толчком к нему послужило вторжение пришедших из Приуралья кочевых скотоводов - гуннов. Перейдя Дон они в 375 г. разгромили державу Эрманриха, ведущую роль в которой играли остготы, и двинулись дальше на запад, где в конце концов обосновались в Паннонии. В течение многих десятков лет они опустошали Переднюю Азию и Европу, пока не были в 451 г. разбиты на Каталаунских полях (Галлия) объединенными силами римлян, вестготов, франков и бургундов, возглавляемы Аэцием.

Не рассматривая Великое переселение народов в целом, оставимся лишь на передвижениях германских племен.

В конце IV в. теснимые гуннами вестготы перешли Дунай и с разрешения римских властей поселились в Цезии. Первое их восстание против притеснения римлян было в конце концов подавлено. В начале V в. они вновь восстали и двинулись в Италию. В 410 г. ими был взят и разграблен Рим. Затем они дошли до Южной Галлии, где в 418 г. и основали первое на территории Западной Римской империи варварское королевство - Тулузское. В дальнейшем вестготы завоевали Испанию, но при этом утратили почти все свои владения в Галлии.

Вандалы, поселившиеся в начале V в. вместе с аланами в Испании под натиском вестготов в 429 г. переправились в Северную Африку и основали там свое королевство. Алеманны, перейдя Рейн, овладели территорией современной Юго-Западной Германии, Эльзаса и большей части Швейцарии. Бургунды, заняв около 457 г. весь бассейн Роны, образовали Бургундское королевство. Франки, продолжая свои завоевания в Галлии, положили в конце V в. начало Франкскому государству. Будучи господствующей эт-

нической группой, франки составляли в Галлии незначительное меньшинство и в дальнейшем были ассимилированы местным галло-римским населением.

В V в. началось переселение англов, саксов и ютов в Британию. Большинство прежних насельников страны - бриттов было истреблено, поработщено или вытеснено в Шотландию, Уэльс и на континент (в Бретань). В результате к концу VI в. на территории Англии образовалось несколько варварских королевств (Уэссекс, Суссекс, Эссекс, Мерсия, Нортумбрия, Восточная Англия, Кент).

В 438-493 гг. остготы, жившие по этому в Паннонии, куда они пришли вместе с гуннами, двинулись в Италию и завоевали ее. Возникло обширное королевство, которое в дальнейшем было уничтожено Византией. В 568 г. в Италию во главе большего племенного союза вторглись лангобарды. Образовалось Лангобардское королевство.

В результате варварских нашествий Западная Римская империя рухнула. В 476 г. она и формально прекратила свое существование - был низложен последний римский император Ромул Августул. Образование на развалинах Западной Римской империи варварских королевств означало переход германцев со стадии предклассового общества на стадию классового. Об этом свидетельствует сохранение монументального зодчества и письменности.

Возникнув, эти государства во многих случаях вели активную завоевательную политику. Примером может послужить история Франкского королевства. При основателе государства - Хлодвиге и его ближайших преемниках были подчинены алеманны, бургунды, тюринги, бавары, отчасти саксы. После временного упадка государства в VII в. наступила эпоха новых успехов. В 752 г. правитель королевства Карл Мартелл разбил в битве при Пуатье арабов и тем самым остановил их продвижение в Западную Европу. При нем и его преемниках была восстановлена власть франков над Аквитанией и Провансом, вновь подчинены Алеманния, Тюрингия и Бавария, завоеваны Саксония, Италия и территория к югу от Пиренеев. Вершины своего могущества франкское государство достигло при Карле Великом, который в 800 г. был коронован в Риме как император.

8. Норманны

Как уже отмечалось, о социально-экономическом строе древних германских племен известно немного. Несколько больше мы знаем о социально-экономических отношениях у северных германцев.

населявших территорию современных Норвегии, Швеции и Дании во время, предшествующее эпохе викингов (конец VIII - вторая половина XI вв.) и в начальный период этой эпохи.

Они были не только и подчас не столько земледельцами, но также скотоводами, охотниками, рыбаками, китобоями. У них существовали все виды доминантных отношений: рабство, приживальничество, кабальничество и наймитство. Развиты были у них и магнатные отношения. Рабам и вольноотпущенникам давались участки земли. Обнищавшие свободные люди арендовали землю у богатых, уплачивая им долю урожая (Гуревич, 1966. С.20, 24; Ковалевский, 1977. С.85-88).

Особое место в скандинавском обществе занимала знать. Она играла ведущую роль в военном деле. Вождь стоял во главе ополчения, состоявшего из всех боеспособных свободных мужчин. Существовало понятие "народное оружие", т.е. такое, которое должен иметь каждый свободный человек. В его состав входили боевой топор или меч, копье, лук со стрелами, щит. Так как войны часто шли на море, то население было обязано на свои средства строить и снаряжать боевые корабли, поставлять провиант и служить на них.

Вождь жил в окружении дружины, в которую входили молодые люди, жаждавшие добычи и славы. Дружинники были привязаны к личности вождя. Власть последнего над ними была чрезвычайно велика. Племя, во главе которого стоял вождь, опиравшийся на дружину, частично содержала его и дружинников на свой счет. Усадьба вождя была местом, куда окрестное население свозило продукты для него самого и его свиты. Эти поборы назывались вейцлой, т.е. кормлением, угощением, пиром. Данную форму эксплуатации нельзя назвать иначе, как паразитарную. Вождь, имевший несколько усадеб, расположенных в разных частях возглавляемой им области, перемещался со своей дружиной из одной в другую и кормился за счет приношений.

Но главным источником доходов знати была не столько эксплуатация местного населения, сколько военная добыча. Поэтому скандинавская знать всегда была необыкновенно мобильной, готовой отправиться в дальние походы для захвата добычи и даже переселения в другие страны. Мобильностью отличалась и часть простого населения. Особое место занимают т.н. "морские конунги". Они не имели земли. Все их подданные входили в дружину и охотно отправлялись в море за добычей (Гуревич, 1966. С.26-35).

Экспедиции северных германцев - викингов - начались с VIII в. Об одной из их целей уже сказано - стремление знати к обогащению. Походы викингов во всех их проявлениях и на всех ступенях

возглавлялись знатью. В результате торговли и других контактов норманны ознакомились с богатством более культурных народов. Другая важная причина походов викингов - нехватка земли. Это приводило в движение значительный слой рядовых свободных общинников. Состояние феодальной раздробленности, характерное в то время почти для всех стран Западной Европы, облегчало и набеги и завоевания.

Экспансия норманнов в VIII-IX вв. происходила в разных формах. Одна из них - пиратство, морской разбой. Другая - сезонные нападения разрозненных дружин на другие страны с целью грабежа. Третья - нападение на другие страны объединенных отрядов с целью захвата добычи и занятия территории для последующего заселения.

В эпоху викингов складывались скандинавские королевства. шел процесс превращения предклассового общества в классовое. Короли Дании, Швеции и Норвегии, пресекая разбой в собственных странах, направляли, а нередко и возглавляли походы на соседние государства. Поэтому четвертой формой экспансии викингов были походы больших армий, возглавляемых нередко скандинавскими государями, на другие страны с целью обложения их данью, колонизации или даже установления над этими странами своего государственного верховенства.

Наряду с этими четырьмя формами А.Я.Гуревич указывает также на мирную колонизацию незаселенных земель, морскую торговлю и наемничество (1966. С.78).

Под ударами викингов находились многие страны Западной Европы. С конца VIII в. викинги обрушились на Британские острова. Норвежцы разграбили, а затем захватили значительные территории юго-западной Шотландии и северной Англии. Первый их набег на Ирландию относится к 795 г. Вскоре разрозненные нападения норвежцев сменяются систематическим переселением в захваченные районы. Ими был основан Дублин. Затем появились датчане. Началась борьба между ими, норвежцами и поработченными ирландцами.

Норманны обрушились также на Германию и Францию. Датские и норвежские викинги вновь и вновь нападали на Руан, Париж, Шатр, грабили, жгли, убивали. В результате западно-франкский король Карл Лысый вынужден был откупаться серебром. Так началось выкачивание предводителями норманнских отрядов "датских денег" из стран Запада (Гуревич, 1966. С.32-33, 88-92).

Со второй половины IX в. наряду с набегами разрозненных отрядов начались походы больших армий. В 851 г. большое датское

войско, состоявшие из отрядов независимых предводителей, вторглось в Англию. К 871 г. большая часть страны оказалась в руках викингов. Сохранил свою независимость лишь Уэссекс. Восточные районы Англии начали заселяться норманнами. Они получили впоследствии название Денло - область датского права.

Началась колонизация скандинавами и некоторых районов Северной Франции. В начале X в. один из предводителей норманнов - Роллон получил от французского короля Карла Простоватого в лен полуостров Котантен. Так возникло герцогство Нормандия. В последующем скандинавы смешались с местным населением.

Во второй половине IX в. викинги разграбили некоторые города Испании и Португалии. Их корабли появились в Средиземном море, где объектами нападения стало побережье Испании, Италии, Марокко (Гуревич, 1966. С.96-101, 107-111). В середине XI в. выходец из Нормандии Роберт Гвискар заложил основы норманнского государства - Сицилийского королевства, которое кроме Сицилии включало в себя Южную Италию.

В конце X в. Англия была объединена под властью королей Уэссекса. Но в 991 г. на ее побережье снова высадилось огромное войско норманнов, которое разгромило армию англосаксов. При заключении мирного договора скандинавы получили огромную сумму - 22 тысячи фунтов золота и серебра. Началось систематическое выкачивание из Англии колоссальных контрибуций - "датских денег".

В последующие годы нашествие викингов продолжалось. В 1016 г. брат датского конунга Харальда - Кнуд взойшел на престол Англии. Вскоре, в 1018 г., он стал королем Дании, а затем в 1028 г. и Норвегии.

Последнее крупное нашествие скандинавов на Англию произошло в 1066 г. В этом году умер английский король - Эдуард Исповедник. Королем Норвегии был Харальд Хардрад - знаменитый викинг, ходивший в 30-е годы походами в Восточную и Южную Европу, воевавший в качестве наемника византийского императора в Италии и Сицилии. Он снарядил огромный флот (по сообщениям саг - 200 кораблей, по словам Адама Бременского - 300) и отплыл к берегам Англии. В экспедиции приняли участие ярлы Оркнейских и Шетландских островов и острова Мен. На сторону Харальда перешло население Нортумбрии.

22 сентября 1099 г. армия Харальда была разбита войсками английского короля Гарольда Годвинссона. Убит был и сам конунг - последний викинг на престоле Норвегии. Остатки норвежского войска покинули берега Англии, причем сын погибшего короля - Олиф дал клятву никогда больше не нападать на эту страну. И

Англия действительно навсегда была избавлена от нападения норвежских викингов.

Но 14 октября 1066 г. в битве при Гастингсе англосаксонское войско было разбито армией герцога Нормандии Вильгельма. Последний стал королем Англии.

Во второй половине XI в. походы викингов прекратились. И на севере Европы на смену предклассовому обществу пришло подлинное классовое. Как свидетельствуют материалы, по крайней мере в Норвегии и Швеции на основе парapolитарных отношений возникли политарные. Наряду с ними получили развитие и магнатные отношения (см.: Ковалевский, 1977; Гуревич, 1977).

IV

ФОРМЫ ВОЙНЫ И ЕЕ РОЛЬ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДКЛАССОВЫХ И РАННИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ

1. Вводные замечания

Война - одна из форм насилия. Сейчас в нашей печати принято осуждать всякое насилие. Но как бы к этому явлению ни относиться, оно в прошлом человечества играло огромную роль, причем совершенно не обязательно только отрицательную.

Были эпохи, когда вооруженное насилие являлось важным фактором прогресса человечества. Это особенно относится к переходным периодам его истории. Важнейшим переломом в развитии сформировавшегося человечества была смена первобытного общества классовым. Это не был кратковременный акт. Существовала длительная эпоха перехода от первобытного общества к классовому - период предклассового общества. Его в нашей литературе когда-то называли периодом военной демократии.

Название не самое удачное, ибо в большинстве предклассовых обществ никакой демократии не существовало. Это прежде всего относится к протополитарным обществам. По если демократия в этих обществах, как правило, отсутствовала, то иначе обстоит дело с войнами. Наличие постоянных войн характерно для многих, если не большинства предклассовых обществ.

2. Грабительские войны

И это отнюдь не случайно. В период предклассового общества шел процесс имущественного и социального расслоения. Он сам по себе не был вызван к жизни войнами. Но последние были важным фактором, ускорившим его течение. Они способствовали накоплению богатств в руках немногих.

Было бы ошибкой видеть в войнах причину возникновения эксплуатации человека человеком. Основные способы и образы эксплуатации возникли независимо от войны. Но были и такие формы эксплуатации, которые были неразрывно связаны с войнами. Это прежде всего военный грабёж и взимание контрибуции. Как результат войн возник такой метод эксплуатации, как данничество. Из образов и способов эксплуатации с войнами всегда было связано рабство. Рабы рекрутировались прежде всего из числа захваченных во время войны пленных. Война была, если не причиной, то во всяком случае необходимым условием существования рабства. Войны и рабство взаимно обуславливали друг друга. Войны вели к увеличению числа рабов и упрочению рабства. В свою очередь рабство создавало могучий стимул для ведения войн.

Война на стадии предклассового общества носила разнообразный характер. На ранних его этапах в обществах, где не существовало рабства, они были очень сходными с теми, что велись на предшествующем этапе. Основная их цель - наказать людей другого социально-исторического организма за действительные или мнимые обиды. Так обстояло, например, на островах Тробриан, где уже складывались протополитарные отношения, но отсутствовало рабство.

Но у маори Новой Зеландии, у которых существовало рабство, различного рода обиды зачастую являлись не столько подлинными причинами, сколько поводами для войн. Реальным же движущим мотивом во многих случаях являлось стремление к грабежу и захвату рабов. И на всем протяжении предклассового общества стремление к обогащению за счет членов других социально-исторических организмов представляло собой важнейшую причину войны.

Многие войны, которые велись на стадии предклассового общества, имели своей основной целью грабёж имущества и захват рабов. Ограбив побежденных, победители с добычей возвращались домой. Такие войны были чисто грабительскими. Они не предполагали захвата и удержания чужих территорий.

3. Завоевательно-переселенческие войны

Но в предклассовом обществе широко были распространены и такие войны, целью которых было завоевание новых земель. Завоевательные войны чаще всего были одновременно и грабительскими, однако они отличались от чисто грабительских.

Простейшей формой завоевательных войн были такие, когда в силу тех или иных причин территория, которую занимал тот или иной социально-исторический организм, переставала его удовлетворять. Основной целью войны был в таком случае захват новой территории для ее хозяйственного использования. Эту территорию освобождали от тех людей, которые на ней раньше жили. Их либо уничтожали, либо изгоняли, а чаще всего - частично уничтожали, частично изгоняли. При этом могло захватываться имущество прежних обитателей, их могли обращать в рабов, но все это не было главной целью войны. Захват новой территории, сопровождаемый изгнанием ее прежних обитателей не является специфическим для предклассового общества. Он мог иметь место и на стадии первобытного общества.

Завоеванная таким образом территория могла быть присоединена к той, которой уже раньше располагал социально-исторический организм. Происходило расширение территории, на которой он обитал. Другой вариант состоял в том, что на вновь завоеванную территорию переселялась часть членов социально-исторического организма, которые со временем образовывали новый социум.

И, наконец, весь социально-исторический организм мог переселиться на завоеванную территорию, покинув старую. Это вполне могло произойти, ибо многие предклассовые общества были не гео-социальными, а демосоциальными организмами. Они могли, не теряя своей целостности и идентичности, передвигаться с места на место. Проще всего это происходило тогда, когда была свободная, незаселенная земля. Если таких земель не было, то прежних обитателей занимаемой территории уничтожали или изгоняли.

На стадии предклассового общества, наряду с войнами, направленными на захват исключительно лишь территории, появились войны и иного типа. Для части таких войн захват новых территорий для их хозяйственного использования продолжал оставаться одной из главных целей. Но коренное население при этом не уничтожалось и не изгонялось (или уничтожалось и изгонялось лишь частично). Пришедшие извне победители, которые представляли собой либо целостный демосоциальный организм, либо оторвавшуюся от своего социально-исторического организма значитель-

ную группу людей, включающую в себя представителей социальных низов, поселялись среди побежденных. В конечном счете они оказывались в составе одного единого социально-исторического организма, включавшего в себя как пришельцев, так и автохтонов.

Результаты взаимодействия пришельцев и коренных жителей зависели от уровня социального разбития, образа жизни, численности тех и других. Различия между пришельцами и автохтонами могли очень долгое время сохраняться, но могли сравнительно быстро исчезнуть. Могли взять верх язык и культура пришельцев, однако могло произойти и обратное: пришельцы могли раствориться в массе автохтонного населения.

4. Завоевательно-покорительные войны

Кроме завоевательно-переселенческих войн существовали и такие, главной целью которых было завоевание не просто территории, а населенной территории, покорение населения тех или иных земель. В результате этих войн один социально-исторический организм подчинял себе другие социоры. Это в особенности характерно для протополитарных и политарных обществ.

В одних случаях победивший и побежденные социально-исторические организмы сливались воедино, образуя новый, более крупный, чем исходные, социально-исторический организм. В других случаях покоренные общества продолжали оставаться социально-историческими организмами. Их зависимость от победителя ограничивалась в основном лишь выплатой дани. Возникали державы, состоящие из господствующего и нескольких вассальных социально-исторических организмов.

Но чаще всего наблюдалось сочетание того и другого вариантов. Одни побежденные социоры сливались с победившими в один социально-исторический организм, являвшийся ядром державы, а другие сохранялись как социально-исторические организмы, становясь при этом периферийными частями державы.

В период подъема ядро державы обычно расширялось за счет периферии. Все новые и новые социально-исторические организмы переставали быть таковыми, вливались в единый социально-исторический организм, являвшийся ядром державы. В период упадка наблюдалась картина прямо противоположная.

Важнейшей причиной завоевательно-покорительных войн между протополитархиями было стремление их правящего слоя к богатству и могуществу. Чем крупнее была протополитархия, тем большим был доход протополитарха, тем обеспеченнее было суще-

ствование всех протополитаристов. Чем крупнее была держава, тем большим было богатство, которое поступало в форме дани в распоряжение правящего слоя державной протополитархии. Кроме того, чем крупнее была протополитархия, тем больше она была гарантирована от внешней опасности, в частности от угрозы быть покоренной другими социально-историческими организмами.

Стремление к расширению пределов власти существовало во всех протополитархиях. Но чтобы оно реализовалось, нужны были определенные условия. В любой системе протополитархий обычно существовало определенное равновесие сил. Конечно, одни протополитархии могли быть крупнее других. Но это обстоятельство нередко уравнивалось готовностью одних протополитархий прийти на помощь другим. Чтобы начался процесс завоевания, нужно было возникновение хотя бы легкого перевеса сил на стороне одной из протополитархий. Этот перевес мог происходить из разных причин, включая личные достоинства главы той или иной протополитархии. Но стоило только одной из протополитархий покорить другую, как начинал действовать эффект снежного кома, который выше уже достаточно подробно рассматривался.

Равновесие могло быть нарушено вмешательством со стороны. В одном случае это был приход кочующей протополитархии, в других - просто отряда вооруженных людей, причем не обязательно очень крупного. Все это было выше продемонстрировано на примере протополитарных обществ. Но подобная картина наблюдалась и в предклассовых обществах иных типов.

Трудно сказать, какими именно были по своему типу социально-исторические организмы восточных славян в эпоху до образования Древней Руси. Как известно, возникновение этого вначале прагосударства, а затем и государства связывают нередко с приходом варягов - легендарного Рюрика и вполне реального Олега. Одно из возражений против подобного взгляда состоит в том, что возникновение государства не может быть связано с именем одного или даже двух человек. Становление государства есть процесс, длившийся беками.

При этом смешиваются воедино два разных вопроса. Сам термин "государство" имеет по меньшей мере два разных, хотя и тесно связанных значения. Первое из них - государство как определенный общественный институт, как машина организованного насилия, при помощи которой один класс держит в повиновении другой. Второе значение - определенная территория с населением, находящаяся под властью одной из таких конкретных машин. Именно второй смысл вкладывается в термин "государство", когда

называют государствами Великобританию, Францию, Венгрию, Бразилию и т.п.

Процесс становления государства в первом смысле действительно длился много веков. Он завершился с переходом к классовому обществу. В применении к классовому обществу говорить о возникновении государства в первом значении этого слова не имеет смысла. В классовом обществе государство не возникает и не исчезает. Оно в нем существует и развивается. Что же касается государства во втором смысле слова, то такие государства возникали и исчезали на всем протяжении истории классового общества.

В применении к предклассовому обществу нужно говорить о прагосударстве и прагосударствах. Конкретные прагосударства тоже возникали и исчезали. И возникновение многих таких прагосударств связано с именами определенных людей. С именем Чаки связано возникновение крупного прагосударства зулусов. Он был создателем этого прагосударства. Конечно, оно возникло не ни пустом месте. Оно было создано в результате объединения под властью одного правителя множества мелких прагосударств.

Мизиликази, перейдя во главе небольшого кочующего вождества на территорию населенную другими народами, создал державу матебеле. Точно также Соншангаан создал державу Газа (Шангаан), Нтину Вене, вторгнувшийся извне во главе вооруженного отряда и область, где существовало несколько небольших протополитархий, объединил их в огромное прагосударство Конго. Точно так же и варяг Олег вполне мог стать создателем Древней Руси, которая возникнув как прагосударство, в дальнейшем превратилась в подлинное государство.

Различия между разными типами войн носит во многом условный характер. Трудно провести жесткую грань между завоевательно-переселенческими и завоевательно-покорительными войнами. Войны, имевшие основной целью покорение других социально-исторических организмов, почти всегда были одновременно и грабительскими.

Наряду с грабежом, захватом территории, покорением других социально-исторических организмов, в определенных регионах, особенно тех, что находились в контакте с цивилизациями, важной целью войн было установление контроля над торговыми путями, по которым шел поток богатства, и областями, которые были основными источниками туземных ценностей.

5. Роль войны в становлении классового общества

Война была важным средством укрупнения социально-исторических организмов. Именно в результате войн возникали все более

и более крупные социально-исторические организмы. Но война могла быть не только средством, но и причиной возникновения все более крупных социальных образований. Потребности в защите от нападений побуждала социально-исторические организмы объединяться. Объединялись в союзы социально-исторические организмы разных типов; общины, племена, протополитархии. Возникшие для обороны союзы могли в дальнейшем использоваться и для ведения наступательных войн. А некоторые союзы и сразу создавались как инструменты агрессии.

Укрупнение социально-исторических организмов было важным условием прогресса общества. Чтобы произошел переход к классовому обществу, возникла цивилизация, размеры социально-исторических организмов должны были превысить определенную меру. Этот предел был различным для разных вариантов развития. Он был меньшим для протополитарных социально-исторических организмов, развивавшихся по "городскому" пути. Для перехода к цивилизации протополитарных социоров, развивавшихся по "деревенскому" пути, этот предел был большим.

Таким образом, войны во всех отношениях были важнейшим фактором становления классового общества. Без них переход к цивилизации был невозможен.

Войны продолжались и в классовом обществе. В раннем политарном и других раннеклассовых обществах они велись ради грабежа и покорения соседних народов. В результате завоевательно-покорительных войн возникали крупные политархии и державы, состоявшие из господствующей и вассальных политархий. Все это имело своим следствием рост богатства и могущества господствующего класса. Часть полученных средств использовалась для развития духовной и материальной культуры правящего слоя общества. Но в целом для эпохи раннеклассового общества отрицательные последствия войн перевешивали положительные.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдиев В.И. 1948. Военная история Древнего Египта. Т.1. М.
Авдиев В.И. 1959. Военная история Древнего Египта. Т.2. М.
Аверкиева Ю.П. 1961. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-западного побережья Северной Америки // ТИЭ. Т.70. М.
Аверкиева Ю.П. 1970. Индейское кочевое общество XVIII-XIX вв. М.
Аверкиева Ю.П. 1974. Индейцы Северной Америки. М.
Азларов М.А. 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII - начале XIX вв. М.
Алиев Б.Г. 1972. Кабо - Дарго в XVIII - XIX вв. Махачкала.
Башилов В.А. 1972. Древние цивилизации Перу и Боливии. М.
Березкин Ю.Е. 1983. Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I-VII вв. Л.
Березкин Ю.Е., 1986. Послесловие // Стингл М. Государство инков. Слава и смерть "сыновей солнца". М.
Березкин Ю.Е. 1991. Инки. Исторический опыт империи. Л.
Брюханов А.П. 1947. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в I-ой четверти XIX в. // Сборник трудов Пятигорского гос. пед. ин-та. Вып.1. Ставрополь.
Вайян Дж. 1949. История ацтеков. М.
Васильев Л.О. 1961. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М.
Вега Инка Гарсиласо де ла. 1974. История государства инков. Л.
Витсен Н. 1974. Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик.
Гаджиев В.Г. 1981. Союзы сельских общин Дагестана (проблемы, история изучения, перспективы) // ОСССОД
Галленкамп Ч. 1966. Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. М.
Годинер Э.С. 1982. Возникновение и эволюция государства в Бутанде. М.
Гуляев В.И. 1972. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М.
Гуляев В.И. 1979. Города-государства майя (структура и функция города в раннеклассовом обществе). М.
Гуляев В.И. 1982. Город и общество в Центральной Мексике накануне конкисты // Археология Старого и Нового Света. М.
Гуляев В.И. 1983. Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. М.
Гуляев В.И. 1984. Забытые города майя. Проблемы искусства и архитектуры. М.
Гуляев В.И. 1991. Второе открытие цивилизации майя // ВДИ. № 2.
Гуревич А.Я. 1986. Походы викингов. М.
Гуревич А.Я. 1977. Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М.
Давидсон В. 1962. Новое открытие древней Африки. М.

- Джонс Р. 1937а. Опыт о распределении богатства и об источниках налогов // Экономические сочинения. М.
- Джонс Р. 1937б. Политическая экономия народов // Экономические сочинения. М.
- Дьяконов И.М. 1949. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л.
- Дьяконов И.М. 1952. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // ВДИ. № 1.
- Дьяконов И.М. 1952. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. № 3.
- Дьяконов И.М. 1962. Некоторые данные о социально-экономическом устройстве Урарту // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.-Л.
- Дьяконов И.М. 1983. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч.1. Месопотамия. М.
- Итс Р.Ф. 1982. Об общественном устройстве ляншаньских и (ицзу) // Страны и народы Востока. Вып.23. М.
- Итс Р.Ф., Яковлев А.Г. 1967. К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народа и // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.
- Кобищанов Ю.М. 1966. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в истории развития стран Востока. М.
- Ковалевский С.Д. 1977. Образование классового общества и государства в Швеции. М.
- Кочакова Я.Б. 1968. Города-государства йорубов. М.
- Кочакова Я.Б. 1986. Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Беннин, Дагомея. М.
- Крюков М.В. 1967. Формы социальной организации древних китайцев. М.
- Крюков М.В. 1968. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.
- Куббель Л.Е. 1963. Из истории древнего Мали // ТИЭ. Т. 76. М.-Л.
- Куббель Л.Е. 1974. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М.
- Кузищин В.И. (ред.) 1988. История Древнего Востока. М.
- Кучмезова М. 1972. Имущественное и наследственное право балкарцев // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Вып.6. Нальчик.
- Магомедов Д.М. 1981. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV-XVIII вв. // ОСССОД.
- Лурье И.М. 1955. Рабы - держатели храмовой земли (по материалам Нового царства) // ВДИ. № 1.
- Магомедов Р.М. 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX веков. Махачкала.
- Маркс К. 1957. Военный вопрос. - Парламентские дела. - Индия // К.Маркс и Ф.Энгельс Соч., изд.2. Т.9. М.
- Маркс К. 1959 К критике политической экономии // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд.2 Т.13. М.

- Маркс К. 1960. Капитал. Т.1 // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд.2. Т.23. М.
- Маркс К. 1961. Капитал. Т.3. Кн.3. Ч.1 // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд.2. Т.25. Ч.1. М.
- Маркс К. 1982. Капитал. Т.3. Кн.3. Ч.2. М. // К.Маркс и Ф.Энгельс Соч., изд.2. Т.25. Ч.2. М.
- Маркс К. 1980. Экономическая рукопись 1861-1863 годов // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд.2. Т.48. М.
- Меликишвили Г.А. 1951. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту // ВДИ. № 4.
- Морган Л.Г. 1983. Лига ходенсауни, или ирокезов. М.
- Невская В. 1960. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). Черкесск.
- Неусыхин А. 1929. Общественный строй древних германцев. М.
- Неусыхин А.И. 1956. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI-VIII веков. М.
- Орлова А. С. 1908. История государства Конго (XVI-XVIII вв.). М.
- Орлова А.С., Львова Э.С. 1978. Страницы истории великой саванны. М.
- Перепелкин О.Я. 1988. Древний Египет // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч.2. Передняя Азия. Египет. М.
- Периц А.И. 1973. Данничество. М.
- Петрушевский И. 1934. Джаро-Белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия // АН СССР. Закавказский филиал. Труды научно-исследовательского института кавказоведения. Т.1. Тифлис.
- Покровский М. 1958. Адыгские племена в конце XVIII - первой половине XIX века // ТИЭ. Т.46. М.
- Попов В.А. 1990. Этносоциальная история аканов в XVI-XIX веках. М.
- Потехин И.И. 1951. Военная демократия матабеле // ТИЭ. Т.14. М.
- Риттер Э.А. 1989. Зулус Чака. Возвышение зулусской империи. М.
- Семенов Ю.И. 1976. Первобытная коммуна и крестьянская соседская община // Становление классов и государства. М.
- Семенов Ю.И. 1982а. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. № 2.
- Семенов Ю.И. 1982б. Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономической формации. М.
- Семенов Ю.И. 1985. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // Философские науки. № 1.
- Семенов Ю.И. 1992. Возникновение классового общества: вариативность и инвариантность // Исследования по первобытной истории. М.
- Семенов Ю.И. 1993а. Экономическая этнология. Первобытное и ранне предклассовое общество. Ч.1-3. М.
- Семенов Ю.И. 1993б. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. № 1 и №2.
- Стингл М. 1986. Государство инков. Слава и смерть "сыновей солнца". М.
- Струве В.В., Редер Д. Г. 1963. Хрестоматия по истории Древнего Востока. М.

- Студенецкая Н. 1937. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае // СЭ. № 2-3.
- Стучевский И.А. 1960. О специфических формах рабства в Древнем Египте в эпоху Нового царства // ВДИ. № 1.
- Тер-Акопян Н.Б. 1973. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М.
- Токарев С.А. 1933. Родовой строй в Меланезии // СЭ. № 5-6.
- Токарев С.А. 1945. Общественный строй якутов в XVII-XVIII вв. Якутск.
- Томановская О.С. 1980. Лоанго, Каконго и Нгойо. Историко-этнографический очерк. М.
- Тюменев А.И. 1957. Передний Восток и античность // Вопросы истории. № 6.
- Уилли Г.Р. 1991. Политическая жизнь древних майя // ВДИ. № 2.
- Фентон У.Н. 1978. Ирокезы в истории // Североамериканские индейцы. М.
- Хашаев Х.М. 1961. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.
- Энгельс Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд.2. Т.21. М.
- Ancient Hawaiian civilization.* 1933. Honolulu.
- Ardner E.* 1956. Coastal Bantu of the Cameroons. London.
- Barton R.F.* 1919. Ifugao Law // UCPAAE. V. 15. № 1. Berkeley.
- Barton R.F.* 1922. Ifugao Economics // UCPAAE. V. 15. № 5. Berkley.
- Birket-Smith K.* 1953. The Chugach Eskimo. Kobenhavn.
- Bohannan P. and L.* 1968. Tiv Economy. Evanston.
- Borah W., Cook S.F.* 1963. The Aboriginal Population of Central Mexico on the Eve of the Spanish Conquest // Ibero-Americana. V. 45.
- Brown P.* 1970. Chimbu Transactions // Man. V. 5. № 1.
- Bryant A.T.* 1929. Olden Times in Zululand and Natal Containing earlier Political History of the Eastern-Nguni Clans. London etc.
- Butter J.* 1969. Rough Notes on Angami Nagas // NNC.
- Conrad G.W. and Demarest A.A.* 1984. Religion and Empire. The Dinamics of Aztek and Inka. Expansionism. Cambridge. etc.
- Cook S.F.* 1946. Human Sacrifice and Warfare as Factrs in the Demography of Pre-Colonial Mexico // Human Biology. V. 18. № 2.
- Draucker Ph.* 1937. The Tolowa and their Southwest Oregon Kin // UCPAAE. V. 36. № 4. Berkeley.
- Evans-Pritchard E.E.* 1971. The Azande. History and Political Institutions London.
- Fallers L.A.* 1956. Bantu Bureaucracy. A Stady of Integration and Conflict in the Political Institutions of East African People Cambridge.
- Ferguson A.* 1767. An Essay on the History of Civil Society Edinburgh.
- Firth R.* 1929. Primitive Economi ecs of New Zealand Maori London.
- Firth R.* 1939. Primitive Polynesian Economy. London.
- Forbes H.O.* 1884. On some of the Tribes of the Island of Timor // JAL V. 13. № 4.
- Forde D. and Kaberry P.M., eds.* 1971 West African Kingdoms in the Nineteenth Century. London

- Fortes M.** 1969. The Political System of the Tallensi of the Northern Territories of the Gold Coast // APS.
- Fürer-Haimendorf Ch.von.** 1962. The Apa Tanis and their Neighbours. A Primitive Civilization of the Eastern Himalayas. London, New York.
- Fürer-Haimendorf Ch. von.** 1969. The Konyak Nagas. New York.
- Gluckman M.** 1969. The Kingdom of the Zulu of South Africa // APS.
- Goldman I.** 1970. Ancient Polynesian Society. Chicago.
- Gould R.A.** 1966. The Wealth Quest among Tolowa Indians of Northwestern California // Proceedings of the American Philosophical society. V. 110. № 1.
- Grinnell G.B.** 1962. The Cheyenne Indians. Their History and Ways of Life. Vol. 2. New York.
- Hammond-Tooke W.D. ed.** 1974. The Bantu-Speaking Peoples of Southern Africa. London and Boston.
- Hart C.M.W. and Pilling A.R.** 1960. The Tiwi of North Australia. New York.
- Hguen Tu Chi.** 1972. A Muong Sketch // Vietnamise Studies. № 32. Hanoi.
- Hicks F.** 1974. Dependent Labor in Prehispanic Mexico // Estud. Cult. Nahuatl. V.11.
- Hodson T.C.** 1911. The Naga Tribes of Manipur. London.
- Hunt G.T.** 1940. The Wars of the Iroquois. A Study in Intertribal Trade Relations. Madison.
- Johnson S.** 1966. The History of Yorubas. From Earliest Time to the Beginning of the British Protectorate. London (1 ed - 1921).
- Karen R.** 1975. Kingdom of Sun. The Inca: Empire Builders of the Americas. New York.
- Krige E.J.** 1965. The Social System of the Zulus. Pietermaritzburg (1 ed. - 1936).
- Kroeber A.L.** 1925. Handbook of the Indians of California // SIBAEB. 79.
- Kroeber A.L.** 1946. The Chibcha // HSAI V. 2. Andlan Civilizations. SIBAEB. 143.
- Kurtz D.V.** 1978. The Legitimation of the Aztek State // ES
- Laguna F. de and MacClellan C.** 1981. Ahtna // Handbook of North American Indians. V.5. Subarctic. Washington.
- Leach E.R.** 1964. Political Systems of Highland Burma. London (1 ed. - 1954).
- Lloyd P.** 1960. Sacred Kingship and Government among Yoruba // Africa. V. 30. № 3.
- Malinowski B.** 1920. War and Weapon among Natives of the Trobriand Islands // Man. V.20. №1, №5.
- Mason J.A.** 1961. The Ancient Civilizations of Peru. Harmondsworth.
- Meggitt M.J.** 1974. "Pigs are Our Hearts!" The Te Exchange Cycle among the Mae Enga // Oceania. V. 44. № 3.
- Mishkin B.** 1940. Rank and Warfare among the Plains Indians // MAES. V.3
- Moffat-Milles A.J.** 1959. Report on the Province Assam // NNC.
- Morgan L.H.** 1877. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. New York
- Oberg K.** 1969. The Kingdom of Ankole in Uganda // APS.
- Oliver D.L.** 1955. Solomon Island Society. Kinship and Leadership among the Siuai of Bougainville. Cambridge, Mass.
- Oliver D.L.** 1970. Ancient Tahitian Society. V. 2.

- Pospisil L.* 1963. Kapauku Papuan Economy // YUPA. № 67.
- Richards A.I.* 1939. Land, Labor and Diet in North Rhodesia. An Economic Study of Bemba Tribe. London.
- Richards A., ed.* 1960. East African Chiefs. A Study of Political Development in some Uganda and Tanganyika Tribes. London.
- Roscoe J.* 1911. The Baganda. The Account of Their Native Customs and Beliefs. London.
- Roscoe J.* 1923. The Banyankole. Cambridge.
- Rouse L.* 1948. The Arawak // HSAI. V. 4. The Circum-Caribbean Tribes. SIBAEB. 143.
- Rowe J.H.* 1946. Inca Culture at the Time of the Spanish Conquest // HSAI. V. 2. Andean civilization. SIBAE. 143.
- Sahlins M.D.* 1950. Social Stratification in Polynesia. Seattle.
- Schaedel R.P.* 1978. Early State of the Incas // ES.
- Schapera I., ed.* 1937. Bantu-Speaking Tribes of South Africa. London.
- Schapera I.* 1956. Government and Politics in Tribal Society. London.
- Smith R.S.* 1969. Kingdoms of the Yoruba // Studies in African History. 2. London.
- Stevenson H.N.C.* 1944. The Economies of the Central Chin Tribes. Bombay.
- Steward J.H., Faron L.C.* 1959. Native Peoples of South America. New York.
- Stites S.H.* 1905. Economics of Iroquois // Bryn Mawr College Monographs, Monographs Series. V. 1. № 3. Lancaster.
- Strathern A.* 1971. The Rope of Moka. Big-Men and Ceremonial Exchange in Mount Hagen, New Guinea // Cambridge Studies in Social Anthropology. № 4. Cambridge.
- Tait D.* 1958. The Territorial Pattern and Lineage System of Konkomba // TWR.
- Swanton J.R.* 1911. Indian Tribes of the Lower Mississippi Valley and Adjacent Coast of the Gulf of Mexico // SIBAEB. 43.
- Swanton J.R.* 1946. The Indians of Southwestern United States. New York.
- Tooker E.* 1964. An Ethnography of the Huron Indians. 1615-1649 // SIBAEB. 190.
- Trigger B.G.* 1969. The Huron Farmers of North. New York etc.
- Vayda A.P.* 1970. Maori Warfare // Polynesian Society Monographs. № 2. Wellington (1 ed - 1960).
- Vayda A.P.* 1976. War in Ecological Perspective. Persistence, Change, and Adaptive Processes in Three Oceanian Societies. New York, London.
- Volkman T.A.* 1985. Feasts of Honor. Ritual and Change in the Toraja Highlands // Illinois Studies in Anthropology. № 16. Chicago.
- Wayner G.* 1969. The Political Organisation of the Bantu of Kavirondo // APS.
- Watt G.* 1969. Aboriginal Tribes of Manipur // NNC.
- Willey G.R. and Bullard W.R.* 1965. Prehistoric Settlement Patterns in the Maya Lowlands // Handbook of Middle American Indians V. 2. Austin.
- Winter E.H.* 1955. Bwamba Economy. Kampala.
- Winter E.N.* 1958. The Aboriginal Political Structure of Bwamba // TWR.
- Wiser W.H. and Wiser Ch.V.* 1951. Behind Mud Walls. New York.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ОСССОД	— Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII - нач. XIX в. Махачкала, 1981.
СЭ	— Советская этнография
ТИЭ	— Труды Института этнографии, новая серия
APS	— African Political Systems. Ed. by M.Fortes and E.E.Evans - Pritchard. L., 1969 (1 ed - 1940)
ES	— The Early State. Ed. by H.J.M.Claessen and P.Skalnik. The Hague etc., 1978.
HSAI	— Handbook of South American Indians. Washington.
JAI	— The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. L.
NNC	— The Nagas in Nineteenth Century. Ed. by V.Elwin. Oxford, 1969.
SIBAEB	— Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology Bulletin. Washington.
TWR	— Tribes Without Rulers. Ed. by J.Middleton and D.Tait. L., 1958.
UPCAAE	— University of California Publications in American Archaeology and Ethnology.
YUPA	— Yale University Publications in Anthropology. New Haven.

Часть третья

А.И.Першиц

**ВОЙНА И МИР
НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ.
КОЧЕВЫЕ СКОТОВОДЫ**

I

ВВЕДЕНИЕ

Самостоятельный интерес представляют война и мир в предклассовых и раннеклассовых обществах кочевых скотоводов. Выделившись в эпоху классовообразования в процессе одного из крупных общественных разделений труда, главным образом из общей массы земледельцев-скотоводов, они составили во многом своеобразные группы населения, обладающие, в частности, особым военным потенциалом.

Уже древние авторы приписывали кочевникам исключительную воинственность и непобедимость. Вспомним сентенцию Геродота о скифах: "Все они конные лучники и промышленны не земледелием, а скотоводством; их жилища - в кибитках. Как же такому народу не быть непобедимым и неприступным?" (Her. IV. 46). Или же отзыв Овидия о сарматах: "Враг, сильный конем и далеко летящей стрелой" (Ovid. Trist. 111.10). Или еще предостережение одного из китайских министров против войны с хунну: они - "легкие, быстрые и яростные воины. Они возникают, как ураган, и исчезают, как молния... На них лучше не нападать" (Jagchid, Symons, 1989, С.60). Да и намного позднее такие ученые, как А.Смит, не сомневались в том, что частые завоевания кочевников "достаточно показывают превосходство ополчения варваров над ополчениями цивилизованных народов" (Смит, 1935, Ч.1. С.246).

Разделяется это мнение и многими современными исследованиями, объясняющими особую воинственность кочевников экстенсивной природой их скотоводческого хозяйства и легкостью насильственного перераспределения его продукции, а их военное превосходство - динамизмом, привычкой к контролю за обширны-

ми территориями, отношением к вооруженным столкновениям как к постоянному состоянию общества и т.д. "Кочевники всегда побеждают", - пишет французский этнолог Ж.-П.Дигар (1989, С.47), напоминая о монгольских, тюркских, арабских завоеваниях и ссылаясь на другие кочевниковедческие авторитеты.

Разумеется, эту точку зрения не следует абсолютизировать, но она не лишена серьезных оснований. Как бы то ни было, общеизвестные миграции и завоевания кочевников, их военные или мирные, но по большей части своеобразные контакты с оседлыми соседями, их специфический, в значительной степени военизированный образ жизни, - все это требует особого рассмотрения в плане раскрытия нашей темы.

Кого мы называем кочевыми скотоводами или, короче, кочевниками, номадами? За истекшее столетие создан не один десяток очень различных классификаций, охватывающий весь спектр хозяйственной деятельности скотоводов от "чистого" номадизма до стойлового содержания скота. В основу их положены самые различные критерии: соотношение подвижного скотоводства и земледелия, состав стада, амплитуда перекочевов, направление миграций, образ жизни и особенности материальной культуры, иерархическое соподчинение всех этих аспектов кочевничества и т.д. (Bernar, Lacroix, 1906; Patai, 1951; Bacon, 1954; Руденко, 1961; Rudenko, 1969; Barth, 1962; Johnson, 1969; Симаков, 1978; Калиновская, Марков, 1983; Khazanov, 1984, и др.). Изложить их здесь сколько-нибудь подробно значило бы предпринять самостоятельное историографическое исследование. Ограничимся тем, что отнесем читателя к последним по времени содержательным сводкам данных (Digar, 1983; Андрианов, 1984). В то же время отметим, что большинству современных классификаций свойственно выделение двух основных таксонов: 1) кочевого (или кочевого и полукочевого) скотоводства как преимущественно скотоводческой ориентации в хозяйстве в соединении с особым образом жизни - передвижением всего населения со стадами и 2) пастушества, предполагающего передвижение со стадами только пастухов, в то время как основная масса скотоводов-земледельцев живет оседло.

При таком подходе не имеет большого значения различие между собственно кочевничеством, при котором скотоводство сочетается только с караванным извозом, торговлей и т.п., и полукочевничеством, допускающим также ограниченное по масштабам земледелие (в обоих случаях возможно к тому же вспомогательное присваивающее хозяйство). Эта же генерализация (не исключающая выделения в случае надобности более низких таксонов - "чистого"

кочевничества и полукочевничества) лежит в основе сравнительно недавно сформулированного А.М.Хазановым в своей превосходной книге развернутого определения кочевого скотоводства. В нем выделены пять признаков:

1) преобладание данной формы хозяйственной деятельности; 2) круглогодичный выпас скота; 3) периодический характер подвижности на определенных пастбищных территориях; 4) передвижение со скотом всего населения; 5) ориентация производства на непосредственные потребности в противоположность капиталистическому хозяйству (Khazanov. 1984. С.16). Среди этих признаков определяющими нам представляются первый и четвертый, остальные же - скорее производными или уточняющими, но с этой оговоркой приведенная классификация соответствует современному состоянию разработки проблемы и принята нами в дальнейшем изложении.

Понимаемое таким образом кочевое скотоводство было в прошлом очень широко распространено в Старом Свете. Исследователи выделяют значительный ряд более или менее крупных регионов его бытования, каждый со своей спецификой номадизма. Это главным образом Северная Евразия с ее преимущественно тундровым оленеводством, практикуемым многими народами от Лапландки до Чукотки. Это, далее, засушливая зона Евразии, простирающаяся от венгерских степей до северных границ Китая, где получили преобладающее развитие овцеводство и коневодство. Южнее, на азиатских высокогорьях у тибетцев и в прошлом у киргизов главным направлением кочевого скотоводства стало разведение яков, дополнительным - мелкого рогатого скота с применением для транспортных целей яков и местами овец, а для военных - лошадей. На Среднем Востоке, в засушливых областях Ирана, Афганистана и Индостана, распространились овцеводство и козоводство с использованием и качестве транспортных животных верблюдов и лошадей. Крупнейшим, наряду с засушливым поясом Евразии, регионом номадизма стали степи, полупустыни и пустыни Передней Азии, которые с такими же аридными зонами Северо-восточной и Северной Африки, включая Сахару, нередко объединяют в один - Ближневосточный регион. Для него характерен диапазон от верблюдоводческой моноспециализации у одних, "чисто" кочевых племен до разведения главным образом мелкого рогатого скота, а верблюдов и лошадей - только для транспортных целей у других, полукочевых, племен. Еще одним регионом номадизма исследователи (хотя и не единодушно) считают Африку южнее Сахары, где объектом скотоводства стал в основном круп-

ный и в меньшей степени мелкий рогатый скот, а транспортным средством, да и то не везде, - быки или ослы.

Новому Свету кочевое скотоводство, видимо, осталось неизвестным. Бывает правда, что к нему относят ставшее возможным в послеколумбово время коневодство индейцев прерий (см., например: Mishkin, 1940. С.9; Аверкиева, 1970. С.14 сл.). Но оно легло и основу не столько кочевого скотоводства, сколько конной охоты. Разведение лам и альпак в Андах, по-видимому, имело не кочевнический, а пастушеский характер (Webster, 1973; Шнирельман, 1980. С.171).

Не все перечисленные регионы нomaдизма представляют интерес для нашей темы. Оленеводы Северной Евразии вообще не достигли заметно выраженной предклассовой ступени исторического развития. Кочевые скотоводы других регионов этой ступени в своем подавляющем большинстве достигли, но часть их не приобрела той специфики, из-за которой целесообразно рассматривать их отдельно от оседлых и полuosедлых земледельцев. Эту специфику мы видим в двух взаимосвязанных чертах: кочевании на большое или менее значительные расстояния (обычно от нескольких сотен до нескольких тысяч километров) и в использовании в качестве транспортных, и прежде всего, верховых, таких животных, применительно к которым можно говорить о всадничестве, т.е. лошади и верблюда. Стало быть многие кочевники Африки с их сравнительно небольшой амплитудой передвижений и использованием быка или осла в качестве верхового животного едва ли представляют для нас интерес. Ограниченный интерес представляют и тибетцы с их обычно небольшим количеством лошадей, но они все же могут быть приняты во внимание.

Другое дело кочевые скотоводы степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса Евразии и жаркого пояса Среднего и Ближнего Востока. Овцы и козы в отличие от крупного рогатого скота достаточно подвижны, а лошади и верблюды не только очень мобильны, но и делают таковыми самих скотоводов. Именно коневодство (преимущественно в степях) и верблюдоводство (преимущественно в полупустынях и пустынях) позволилиномадам стать всадниками. Большие массы нomaдов-всадников, которые передвигались на значительные расстояния, имея в походе подножный корм, и к тому же из-за широкой практики угона скота находились в состоянии постоянной боевой готовности, получили возможность легко настигать пешего врага и легко от него ускользать. Значение массового всадничества у определенных групп нomaдов и его существенных военных преимуществ по сравнению с другими группами

номадов, а до появления огнестрельного оружия - и с некочевым населением мира уже нашло отражение в ряде этнологических работ (Першиц, 1961. С.133; Першиц, 1976. С.289; Плетнева, 1967. С.180; Jetmar, 1966; S.1 ff.; Bonte, 1977. С.42; Khazanov, 1984. С.222). Именно такого рода номады-всадники в их военных и мирных отношениях между собой и с оседлыми соседями будут рассмотрены в этой главе.

II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ

1. Хозяйство

Характеризуясь в общем виде экстенсивным скотоводством в соединении с кочеванием всего населения, хозяйство номадов все же заметно варьировалось в различных регионах в зависимости главным образом от их природных условий. Экология определяла и состав стад, и характер кочевания, и особенности разделения труда как между самими номадами, так и между ними и другими группами населения, и формы сочетания основного и дополнительных хозяйственных занятий.

Наиболее выраженным было кочевое скотоводческое хозяйство на Ближнем Востоке. Этот регион особенно богат пустынями: величайшая пустыня в мире Сахара, крупнейшая пустыня Аравии Руб-эль-Хали ("пустая четверть" мира), севернее - Большой и Малый Нефуды, переходящие в Сирийскую пустыню. Нет здесь недостатка также в полупустынных и степных районах. В соответствии с этой природной средой на Ближнем Востоке сложились два типа кочевого скотоводства - "чисто" кочевой, или бедуинский в собственном смысле слова, и полукочевой, который в литературе также называют бедуинским, однако лишь в более широком значении.

Бедуины (арабск. бадавийун - обитатели пустыни) разводили исключительно или хотя бы преимущественно верблюдов. Отсюда их второе арабское название - ахль аль джамаль (люди верблюда). Верблюд меньше всех других домашних животных нуждается в водопоях: зимой - раз в 3-4 недели, а то и реже, весной - раз в неделю и только летом и в начале осени - почти ежедневно. По-

этому верблюдоводство позволяет осваивать аридные зоны, не доступные при других видах кочевого скотоводства, и совершать зимой и весной большие по своей протяженности перекочевки.

Будучи едва ли не самым универсальным из всех домашних животных, верблюд находил у бедуинов самое разнообразное применение. Его молоко, мясо и сало шли в пищу, шерсть - на изготовление тканей, кожа - для выделки бурдюков и обуви, навоз - на топливо и т.д. Не менее важно то, что в песчаных и каменистых пустынях верблюд был единственно пригодным средством передвижения: самцы использовались под вьюк, самки (реже кастрированные самцы) - как верховые животные, особые породы - как животные беговые, покрывающие до 15, а на короткие расстояния - до 20 км в час.

Обеспеченность бедуинской семьи верблюдами варьировала по племенам и по имущественному состоянию. В начале XIX в. в одном из процветавших племен Северной Аравии - руала состоятельный кочевник имел 30-40 верблюдов (Burckhardt, 1831. С. 56). У кабаиш Судана считалось достаточным для обеспечения существования иметь 25-30 верблюдов (Asad, 1970. С.52), у туарегов Сахары ахагары обходились приблизительно 15-20 животными (Benhazera, 1908. С.133 ss.; Lhot, 1951. С.9). По подсчетам кочевниковедов (Dahl, Hjort, 1976. С.266), семье для безбедной жизни требовалось примерно 30 верблюдов, и те кочевники, которые не располагали таким стадом, в той или иной степени совмещали верблюдоводство с другими занятиями. К числу последних относились караванный извоз, посредническая торговля и т.п. Другие виды скота верблюдоводы, как правило, не разводили, так как не могли брать с собой в глубину пустынь овец и коз, которые даже в зимнее время каждые 3-4 дня нуждаются в водопоях. Исключение делалось только для немногочисленных лошадей, которых богатые люди держали для престижных и военных целей, поя их при отсутствии водных источников верблюжьим молоком. Бывало, что состоятельные верблюдоводы обзаводились мелким рогатым скотом, но тогда его отдавали на выпас полукочевникам. Тем более это относилось к земледелию: если "чистые" номады владели землей, то ее обрабатывали вольноотпущенники, пришлые крестьяне и т.п.

Полукочевники Ближнего Востока разводили преимущественно овец или коз, откуда их арабское название ахль аль-ганам (люди мелкого рогатого скота), туарегское - кель улли (люди коз) и т.п. Они занимали экологическую нишу между пустынными владениями "чистых" номадов и районами земледельческой оседлости. Поздней осенью, зимой и весной они кочевали в степях и полу-

пустынях, держась у дождевых луж или колодцев, лето всегда заставляло их в хорошо обводненных местах - на берегах рек или на границах оазисов, у принадлежавших им обрабатываемых земель. Обычно перекочевки полуномадов занимали до полугода и совершались не более, чем километров на 200-300. Транспортными животными им служили те же верблюды, реже - лошади, которых они держали в большем, чем у "чистых" номадов, количестве, хотя и худшего качества, и только уже на стадии деградации полукочевничества и перехода к полuosедлому хозяйству - ослы или мулы.

Овца или коза играли в жизни полукочевника почти такую же роль, как верблюд в жизни бедуина. Они давали молоко и молочные продукты, мясо, сало, шерсть, кожи и навоз. Количество овец и (или) коз в хозяйстве обычной семьи варьировало от 50, составлявших прожиточный минимум, до 100, обеспечивавших безбедное существование (Asad, 1970; С.52 о кабабиш; Silberman, 1959. С.569; Lewis, 1961. С.58 о сомалийцах). Это последнее число и рассматривается как вполне достаточное для семьи состоятельного полукочевника (Dahl, Hjort, 1976. С.266). Но при этом учитывается и вторая составляющая полукочевое хозяйство - земледелие. Правда, земледельческое хозяйство полукочевников всегда было невелико: в одних случаях финиковые пальмы, в других - зерновые, редко - и то, и другое вместе. Как правило, оно было неполивным, что в условиях большинства областей Ближнего Востока давало лишь мизерные и ненадежные урожаи. Соответственно полуномады прочно сохраняли кочевые традиции и, в частности, даже в районах своей земледельческой оседлости, продолжали жить в бедуинских шатрах.

Кочевое и полукочевое хозяйство на Ближнем Востоке могло как совпадать, так и не совпадать с племенным делением номадов. Это зависело от характера принадлежавших племенам земель. Так, например, крупнейшая арабская соплеменность аназа до своего переселения из внутренней Аравии в Сирийскую пустыню в массе занималась верблюдоводством, а после переселения разделилась на верблюдоводческие и овцеводческие племена и внутриплеменные подразделения (Oppenheim, 1939. Bd. I. С.125. Musil, 1928. С.44-45; Raswan, 1930. С.497). Сходным образом обстояло дело у других номадов Передней Азии и Северной Африки.

Предпринятое рассмотрение ближневосточного региона кочевого скотоводства во многом облегчает характеристику соседнего очага - средневосточного. Пустыни и полупустыни (Деште-Лут и Деште-Кевир в Иране, Дашти-Маркох и Регистан в Афганистане, Тар в Индостане) здесь не так велики, как на Ближнем Востоке,

но часто еще более безводны, и соответственно "чистый" номадизм практически отсутствовал. Только немногие племена, как, например, афганцы акахель, были известны в качестве преимущественно верблюдоводов. Зато в обширных горных массивах Среднего Востока издавна сложилось полукочевое скотоводство значительной части населения этого региона - кашкайцев и других племен Фарса, курдов, луров и бахтиаров, патанов Афганистана и пуштунов Пакистана, белуджей и брагуев, а также некоторых тюркских групп на севере Ирана и Афганистана. Преобладало скотоводство горного или близкого к нему типа с проведением летнего выпаса на яйлажных пастбищах, а зимнего - в горных долинах или в приморских низинах. Дальность перекочевок обычно ограничивалась сотней - другой и только у некоторых патанов и пуштунов достигала 1-1,5 тыс. км (Рейснер, 1954. С.41-42).

В составе стада у полукочевников Среднего Востока основное место занимали овцы и козы, но местами довольно заметную долю стад составляли также лошади (например, у племен Фарса и курдов) или верблюды (например, у патанов, пуштунов, белуджей и брагуев). Обеспеченность мелким рогатым скотом здесь меньше, чем на Ближнем Востоке: скажем, на небогатую семью у бахтиаров зафиксировано 50 голов (Digard, 1973. С.37), у племен Фарса - 60 голов (Barth, 1964. С.16-17). Соответственно большее значение в хозяйстве имело земледелие, а местами и отхожие промыслы. В этой связи интересна мысль, развиваемая вслед за Ф.Бартом А.М.Хазановым. Ни в одном другом регионе кочевого скотоводства не было такого его тесного переплетения с земледельческим хозяйством. Оно объясняется тем, что большинство номадов проникло сюда только в средние века, частью заняв, а частью искусственно создав (нередко путем разрушения ирригационных систем) экологические ниши, перемежающиеся с нишами оседлых земледельцев (Khazanov, 1984. С.62).

Очень своеобразно хозяйство номадов центральноазиатских высокогорий - кочевых тибетцев, а в прошлом также и части киргизов Памира. Кочевое скотоводство в Тибете получило развитие там, где уже невозможно земледелие - преимущественно в северных областях массива на высоте свыше 3 км. Здесь имелись как "чистые" кочевники, так и полукочевники. Первые разводили яков и овец, вторые - также коров; и у тех и у других, кроме того, в составе стада заметное место занимали более кроткие, чем як, цзо - помесь яка и коровы и цзумо - помесь ячихи и быка. Яки, цзо, цзумо и овцы были не только продуктивными, но и транспортными животными: яков использовали под вьюк, более смиренных цзо -

под верховую езду, овец (главным образом в Западном Тибете) - также под выюк. Лошадей тибетские номады, как и "настоящие" бедуины, обычно держали в небольшом количестве и только в престижных или военных целях. Однако кочевники Восточного Тибета в имели хозяйстве не только от 20 до 50 яков и от 100 до 300 овец, но и по 3-4 лошади (Рерих, 1967. С.41). Кочевание носило вертикальный характер, подчиняясь, хотя и не особенно строго, определенным сезонным циклам. Полукочевники, не имевшие возможности подниматься со своими коровами высоко в горы, занимались также и земледелием. Заметное место в хозяйстве тибетских номадов занимала охота на диких яков, горных баранов, антилоп, медведей и т.д. (Потанин, 1950. С.308; Кычанов и Савицкий, 1975. С.122 сл.; Downs, Ekvall, 1965. С.176 ff.).

В последнем из рассматриваемых нами ареалов кочевого скотоводства - засушливой зоне Евразии, не уступающем по размерам ближневосточному ареалу, "чистые" кочевники по численности оставались далеко позади полукочевников. Правда, здесь также имеется широкий пояс пустынь и полупустынь (наиболее аридные Гоби, Кызылкумы и Каракумы), но намного обширней массив степей, и у скотоводов, как правило, не возникало необходимости в экстремальных формах номадизма. Возможно, впрочем, что в данном случае дело не сводится к одной только экологии. Высказано мнение, что в древности в средние века соотношение кочевников и полукочевников по политическим причинам могло быть иным, особенно в периоды массовых кочевнических миграций и завоеваний. Но одно дело - обычная хозяйственная жизнь, а другое - чрезвычайные ситуации, и сам автор этой идеи признает, что проблема еще требует дальнейшего изучения (Хазанов, 1975. С.11; Khazanov, 1984. С.45; ср. Марков, 1976. С.282).

В новое время "чистыми" кочевниками была значительная часть монголов (преимущественно во внешней Монголии), казахов (в частности, на Мангышлаке и в пустынях центрального Казахстана) и туркмен (более всего в Прибалханье). Но они отличались от ближневосточных номадов тем, что природные условия обычно позволяли им совмещать верблюдоводство с коневодством и разведением мелкого рогатого скота, особенно овец, которые и преобладали в их стадах (Пржевальский, 1875. Т.1. С.39 сл.; Бланкеннагель, 1858. С.92; Оразов, 1964. С.2 сл.). Вернее местные природные условия, заставлявшие опасаться не только засух, но и снежных заносов и гололедиц, ориентировали на разведение не столько верблюда, сколько животных, умеющих тебеньковать, т.е. лошадей и в меньшей степени овец. В то же время имеются сведения, что

еще лет 100-200 навал у туркмен верблюдоводство преобладало над овцеводством (Марков, 1958. С.171). То же относится к амплитуде перекочетов, которая у туркмен в прошлом была несравненно шире. Но это, вероятно, говорит лишь об отличии верблюдоводов-туркмен тропических Каракумов от основной массы других "настоящих" кочевников засушливой зоны Евразии.

У кочевых казахов во владении средней семьи находилось 15-20 верблюдов, 4-5 лошадей и 100-150 голов мелкого рогатого скота (Толыбеков, 1959. С.131). Протяженность перекочетов у них составляла от 1 до 1,5 тыс. км (Народы Средней Азии и Казахстана, 1963. Т.2. С.354). Как уже отмечалось в литературе, такого рода смешанный состав стада делал границу между кочевниками и полукочевниками более размытой, чем на Ближнем Востоке (Сооп, 1976. С.224). Не эта граница все же существовала. У полукочевников в состав стада обычно входил еще и крупный рогатый скот и, следовательно, амплитуда кочевания была меньше. Состав и размер стада их средней семьи определялся, например у калмыков, примерно в десятках лошадей и в такое же количество голов крупного рогатого скота (Паллас, 1773. Т.1. С.226), у казахов в 15 лошадей, 2 верблюда, 50 овец и 6 голов крупного рогатого скота (Народы Средней Азии и Казахстана, 1963. Т.2. С.330), у монголов в 14 лошадей, 3 верблюда, 90 голов мелкого и 13 - крупного рогатого скота (Майский, 1959. С.140). Соответственно и перекочевки у здешних полукочевников совершались в диапазоне от 20 до 200 км (Оразов, 1975. С.216 сл.; Lattimor, 1967. С.73). Однако еще в большей степени, как и повсюду, полукочевников отличало от кочевников ограниченное по масштабам примитивное земледелие. У западных монголов, по наблюдениям В.Я. Владимирцова (1911. С.335-336), оно было, хотя и побочным, но все же немаловажным занятием значительной части населения; оно не изменило кочевой жизни и не создало оседлых поселений, но ограничивало кочевание. У казахов земледелие как побочное занятие получило известное распространение на южных границах степей, по Сырдарье и ее притокам (Извлечение... 1816. С.112, 115). У туркмен разные их группы занимались земледелием в различной степени, но у полукочевников, например в Прикаспии, оно неизменно присутствовало как вспомогательное хозяйственное занятие (Оразов, 1962. С.286).

Таким образом, в разных регионах распространения кочевого скотоводства последнее обладало различной степенью выраженности. Но при этом нигде оно не было единственным и самодостаточным занятием населения. "Чистые" кочевники в той или иной мере совмещали его с отхожими промыслами, охотой и т.п., полукоч-

чевники, главным образом, с ограниченным земледелием. Хозяйство кочевников не было автаркичным еще и потому, что они в той или иной степени нуждались в сельскохозяйственной продукции, а также в таких городских изделиях, получение которых не могло быть обеспечено их собственными домашними промыслами.

Правда, в литературе встречается противопоставление верблюдоводческой и даже овцеводческой моноспециализации значительной части кочевников Ближнего Востока самообеспечивающему скотоводческо-земледельческому хозяйству кочевников Средней и Центральной Азии (Myres, 1941; Patai, 1951; Bacon, 1954). Но оно верно лишь в том отношении, что в первом из этих регионов "чистых" кочевников было больше, чем во втором. Соответственно можно говорить о разной степени хозяйственной несамодостаточности, но не о ее наличии или отсутствии в целом. На торговом обмене между кочевниками и оседлыми, равно как и на его военной альтернативе, мы остановимся дальше.

2. Социальная организация

В литературе (более всего в советской и постсоветской, но не только в ней) вот уже более полувека идет все еще не оконченный спор об общественном строе кочевых скотоводов. Достигали ли они в своем самостоятельном развитии уровня классового общества? Каким оно могло быть: только раннеклассовым или также сложившимся классовым? Что лежало в основе отношений эксплуатации: собственность на скот или также собственность на пастбища? Если кочевники в своем самостоятельном развитии не шли дальше предклассового строя, то что было социальной основой их государств? По всем этим вопросам высказаны как крайние, так и промежуточные точки зрения (см. обзоры: Першиц, 1971. С.3 сл.; Першиц, 1976. С.280 сл.; Федоров-Давыдов, 1973. С.4 сл.; Хазанов, 1975. С.32 сл.; Khazanov, 1984. С.123; Дигар, 1989. С.34-35; Крадин, 1990б). В свое время мы также приняли участие в разработке этой проблемы, придя к трактовке общественного строя кочевников только в широком контексте их связей с социальной макросредой, но, видимо, переоценив уровень их собственного развития. В последние годы развитие науки сделало возможными дальнейшие уточнения. Коротко остановимся на этом вопросе, имеющем непосредственное отношение к нашей теме.

Можно считать установленным, то во всех кочевых обществах существовала индивидуальная или семейная частная собственность на скот, причем всем им было свойственно резкое неравен-

ство в скотовладении. У бедуинов-аназа в начале XIX в. некоторые шейхи имели до 300 верблюдов, богатые кочевники - до 60, состоятельные - 30-40, бедняки - порядка 10 (Burckhardt, 1831. С.56). У кочевых казахов Казалинского и Перовского уездов в начале XX в. у крупных баев насчитывалось не меньше 400 верблюдов и лошадей и от 2000 голов мелкого рогатого скота, у баев средней руки - соответственно 150 и 1000, у мелких баев - 100 и 500, у средних кочевников - 20-25 и 100-150 (Толыбеков, 1971. С.157-158). У тибетцев богатым считался тот, кто имел 100 яков, 3000 овец и 20 лошадей, бедным - имевший 6 яков, 50 овец и 1 лошадь (Casinelli, Ekvall, 1969. С.266). Бывали и совсем малоскотные кочевники, например, туареги, "жившие лишь молоком нескольких тощих коз" (Foureau, 1905. С.839).

Менее бесспорен характер собственности на племенные территории с их пастбищами, водоемами, охотничьими угодьями, караванными путями, а подчас и обрабатываемыми землями. Известны разные формы такой собственности: абсолютно преобладавшая общеплеменная; формально провозглашенная собственность вождей (например, у туарегов Сахары) или государств (во владениях Сельджукидов, Джунгарии, Саудовском королевстве и т.д.); установленная государством собственность глав племен (в каджарском или пехлевийском Иране, хашимитской Иордании). Однако при всех обстоятельствах кочевые племена или их подразделения владели и пользовались большей частью своей территории и прежде всего пастбищами сообща. Поэтому сторонники той точки зрения, что собственность кочевников на пастбища в действительности не была коллективной, аргументируют ее не юридическим, а фактическим положением дела.

Не без оснований указывают, что те, у кого было больше скота, использовали и большие пространства пастбищ. Важное значение придают многочисленным сообщениям о том, что верхушка номадов, организуя кочевание, фактически распределяла пастбища (Владимирцов, 1934. С.160-161 о монголах; Зиманов, 1058. С.143 сл. о казахах; Иванов, 1961. С.82-83 о племенах Фарса; Пикулин, 1959. С.25 о белуджах; Першиц, 1961. С.22 о бедуинах Аравии; и др.). При этом, естественно, самой кочевнической верхушке доставались земли получше, а тем, кто оказывался неугоден, - похуже. Так, исследовательница кашкайцев Уллэнс де Шоотен описала случай, когда один из их ханов на год лишил непослушное подразделение хороших пастбищ, приказав выделить им худшие (Ullens de Schooten, 1956. С.90, 101-102). Больше того, нередко кочевническая верхушка захватывала самые лучшие пастбища в по-

стоянное пользование, превращала их в заповедные для других номадов места - курук и хориг у тюрков и монголов (Бартольд, 1963. С.29, 34; Владимирцов, 1934. С.112, 160), хадр , или хима , у арабов (Philby, 1922. V.2. App. 2; Dickson, 1951. С.51, 394; Негря, 1981. С.94 сл.). Можно спорить о том, насколько во всем этом выражена тенденция к становлению раннеклассовой (раннефеодальной?) собственности на пастбищные земли, однако очевидно, что здесь перед нами всего лишь тенденция.

Сходным образом обстоит дело с водными источниками. Естественные водоемы, как правило, были собственностью крупных пастбищных коллективов, искусственные принадлежали тем, кем (или чьими предками) они были сооружены. Первые распределялись вместе с пастбищами, вторые находились в групповой или индивидуальной частной собственности обычно сильных родов или могущественных семей (см., например: Burckhardt, 1831. С.185; о бедуинах; Марков, 1976. С.226 о туркменах).

В собственности номадов, в том числе и "чистых" кочевников, нередко находились пригодные для обработки земли. Полукочевники могли обрабатывать такие земли и сами, но "настоящие" кочевники делали это очень редко, лишь став, по образному определению одного из бытописателей аравийских бедуинов, "банкротами пустыни" (Doughty, 1888. V.2. С.115). Обычно они сажали на землю своих вольноотпущенников или передавали ее другим арендаторам (Capot-Rey, 1953. С.168, 226; Lhote, 1955. С.207 о туарагах Сахары; Doughty, 1888. V.2. С.234, 344, 346; Musil, 1908. С.23; Jaussen, 1908. С.243244 о бедуинах Аравии и Сирии. Рейснер, 1954. С.110 сл.; Ferdinand, 1969. С.144 об афганцах; и др.). Такая обрабатываемая земля могла считаться собственностью целой кочевой группы, а доход с нее даже поровну делиться между всеми владельцами, как это отмечено, например, у неждских шаммаров (Huber, 1891. С.671, 674; Montagne, 1932. С.71 ss.). Но так бывало лишь тогда, когда она была только недавно освоена или завоевана. Как правило, это была собственность кочевнической верхушки. Множество сообщений об этом имеется применительно к бедуинам Аравии, Сирии и Ирака (Першиц, 1961. С.137-138; Васильев, 1982. С.49-50), племенам Фарса (Иванов, 1961. С.83 сл.), казахам (Зиманов, 1958. С.46-47), туркменам (Марков, 1976. С.231-232). Такое же положение наблюдалось при превращении кочевников в полукочевников. "С конца XVIII - начала XIX в., когда началось оседание казахов, каждый род занимал известную территорию, причем полуфеодалы-родоправители сильных родов захватывали лучшие места, а более слабые - что похуже", - отмечал С.В.Толыбеков (1971. С.424).

Через территории кочевых племен часто проходили караванные пути, связывавшие между собой разделенные этими территориями земледельческие области и торгово-ремесленные центры. Через арабские земли, помимо того, проходили пути паломничества мусульман в священные города Хиджаза - Мекку и Медину. За свободный проход по таким путям взималась пошлина. Кроме того, контроль над этими путями создавалномадам и другие источники дохода: сдачу внаем транспортных животных, сопровождение и охрану караванов, собственную посредническую торговлю. Соотношение этих источников дохода у разных групп номадов варьировалось в значительном диапазоне. Окажем, в Аравии и Сирии сильные бедуинские племена ограничивались получением путевой пошлины, предоставив обслуживание караванов особой корпорации верблюдопоторговцев и караванщиков, члены которой с конца средневековья рекрутировались в основном из племени укайль (Rousseau, 1809. В.5, 40, ss; Grant, 1937. С.137 ff.). Так же обстояло дело у туарегов Сахары, у которых ахаггарские племена взимали путевую пошлину, а племена профессиональных караванщиков исеккемарен и ифорас специализировались на обслуживании караванной торговли (Richardson, 1848. V.2. С.112113; Duveyrier, 1864. С.359, ss.; Benhazera, 1908. С.67 ss.). Белуджи в основном только контролировали караванные пути (Coon, 1976. С.195), а соседние афганцы сами занялись посреднической торговлей, уже в XIII в. выдвинув из своей среды группы профессионалов-повинда (Рейснер, 1954. С.50, 65, 68; Азимджанова, 1971. С.44).

Хотя караванные пути располагались на территории, считавшейся достоянием всего племени, путевую пошлину или ее львиную долю забирала себе кочевническая верхушка. Например, у туарегов пошлина поступала главам вожеств - аменукалам (Benhazera, 1908. С.53; Briggs, 1960. С.136), у казахов - правителям орд (Левшин, 1832. Ч.3. С.232).

Существовавшие у кочевников формы эксплуатации могут быть подразделены на внутренние (эндэкссплуатация) и внешние (экзоэкссплуатация) .

Эндоэкссплуатация была связана прежде всего с неравенством во владении скотом. Богачи передавали обедневшим кочевникам скот "на подой", "в настриг", "под съезд" либо безвозмездно, но с обязательством отдачи, если сам богач оскудеет, либо на условиях издольщины. Даже безвозмездное наделение скотом позволяло крупным собственникам рассредоточить свой скот и создать как бы страховой фонд, пользуясь даровой рабочей силой. Более откровенной эксплуатацией была издольщина. Такие отношения, из-

вестные у монголов как сурук, у казахов как саун, у киргизов как саан, у племен Фарса как дендани и тераз, у арабов как вадия, у туарегов как маниха и т.д., получили в отечественной этнологии название саунных. Их долго рассматривали в качестве феодальных или полуфеодальных, но затем было показано, что здесь перед нами не специфическая для какого-либо способа производства, а межформационная кабальная эксплуатация (Потапов, 1954. С.85; Семенов, С.250 сл.; Першиц, 1973а. С.106 сл.). Однако сколько-нибудь значительного распространения саунная эксплуатация не имела.

Другой вид эндоэксплуатации был связан с организационно-управленческой деятельностью кочевнической верхушки. Рядовые кочевники делали ей различные внешне добровольные приношения, связанные с издержками по приему гостей, дорогой покупкой, утратой из-за каких-либо бедствий скота и т.п. Здесь также существовал значительный диапазон от более или менее sporadических "даров" и возмещения за медиаторский суд, как у бедуинов Аравии или Сирии (Burckhardt, 1931. С. 198, 255; Jaussen, 1908. С.143) до фиксированных податей и судебных штрафов, как у племен фарса (Lambton, 1977. С.288, 351) или у туарегов Сахары (Першиц, 1968. С.339 сл.). Однако не только "дары", но и подати были невелики. Достаточно указать, что даже в монгольской державе при Угедее, по данным китайских источников, "монголы ежегодно платили со ста лошадей одну кобылицу, с рогатого скота и овец со ста по одной голове" (Владимирцов, 1934. С.114; ср. Мункуев, 1965. С.137-138).

Экзоэксплуатация существовала в самых различных формах. Простейшими из них были военный грабеж или заменявшая его единовременная контрибуция, более упорядоченной - данническая эксплуатация кочевниками полукочевников, теми и другими - оседлого и подоседлого населения. Под данничеством здесь понимается межформационная форма эксплуатации, состоящая в регулярном насильственном отчуждении продукта победителями у побежденных, но в основном не утративших прежней экономической и социально-политической организации коллективов (подробнее см.: Першиц, 1978б). К военному грабежу, контрибуциям и данничеству мы еще вернемся дальше. Экзоэксплуатацией были также уже рассмотренные нами путевая пошлина и рента с обрабатываемых земель.

Промежуточное положение между эндо- и экзоэксплуатацией занимает рабовладение, но у кочевников оно ближе к экзоэксплуатации, так как рабы у них, как правило, были иноплеменниками. По

вопросу о рабовладении у кочевников имеются существенно различные взгляды, однако с середины 1950-х годов стало высказываться и теперь, пожалуй, возобладает мнение что рабовладение у кочевников как выраженная форма эксплуатации невозможно. При этом справедливо указывается, что кочевое скотоводство не требовало больших трудовых затрат, что потребность в рабочих руках могла быть относительно легко восполнена за счет внутренних ресурсов, что в степи нелегко было предотвратить бегство рабов и т.п. Это, разумеется, не означает, что в кочевом скотоводстве вообще не было места для рабского труда - он находил применение и отчасти в выпасе стад, и в устройстве водоемов, и в тяжелых домашних работах. Все же, как правило, рабство, во-первых, не было производственным, а во-вторых, даже в качестве домашнего, не получало широкого развития (см. в особенности: Семенюк, 1959. С.164 сл.; Семенюк, 1969. С.266 сл.; Лашук, 1967. С.108; Хазанов, 1976). Может быть, единственное исключение из этого правила - рабство у туарегов Сахары, у которых оно было очень развито, во-первых, из-за высокоаридных условий Сахары, не позволявших социальной верхушке туарегов - верблюдоводам-ахагг-амам - кочевать вместе с зависимыми от них козоводами-амгидами и, во-вторых, из-за активнейшего участия сахарских туарегов в ближневосточной торговле рабами-неграми (Першиц, 1968. С.352).

Доходы от экзоплуатации в своей большей части (при набегах и взимании дани) или почти целиком (при получении земельной ренты и использовании рабского труда) поступали кочевнической верхушке. И эти доходы имели для нее первостепенное значение, нередко далеко превосходя доходы от эндоплуатации (Петрушевский, 1960. С.30; Першиц, 1968. С.343-344; Першиц, 1973а; С.300 сл.; Хазанов, 1975. С.163). В результате возникали две противоположные тенденции. С одной стороны, внешние доходы усиливали кочевническую верхушку, что облегчало ей эксплуатацию соплеменников. С другой стороны, для успешной внешнеэксплуататорской деятельности этой верхушке необходимо было иметь надежную опору в соплеменниках, что затрудняло и ограничивало их эксплуатацию. Более того, чтобы приобрести или сохранить социальную опору, приходилось вуалировать отношения эндоплуатации, а главное, делить с соплеменниками значительную часть плодов экзоплуатации, оказывать широкое гостеприимство, устраивать престижные пиры и одаривания (Толыбеков, 1971. С.121 сл. о казахах; Douglas, 1952. С.142 о кашкайцах; Рейснер - 1954. С.343 о пуштунах; Dickson, 1951. С.53 о бедуинах Аравии; и др.). Все это замедляло процессы классообразования в коче-

вом племени, поддерживало его относительную сплоченность и солидарную заинтересованность во внешнеэксплуататорской деятельности. При этом кочевническая верхушка выступала как бы в двух ипостасях. По отношению к соплеменникам она практиковала лишь очень ограниченную эксплуатацию кабального (саунные отношения) типа, но за пределами племени эксплуатация была несравненно более жесткой - в диапазоне от дани до настоящей земельной ренты.

Одним из последствий замедленности классовобразования в кочевнических обществах было устойчивое сохранение в них генеалогических и отчасти сопряженных с ними общинных структур.

Обычно их система насчитывала значительное количество звеньев. Семьи (у кочевников преимущественно малые, у полукочевников часто большие) объединялись в патрилиниджи (у туарегов матрилиниджи), по большей части включавшие родственников четвертой-шестой степени родства, те - в более широкие родственные образования, из которых составлялись подплемена, племена и объединения племен. В основных звеньях этой иерархии существовала определенная общность, проявлявшаяся в совместном выпасе стад, в материальной взаимопомощи и физической взаимозащите, в экзогамных или эндогамных порядках, в наличии родовых глав и племенных вождей, в реальных или фиктивных родословиях, тамгах, военных кличах и т.п. При этом в низших звеньях иерархии была хорошо выражена экономическая общность, что придавало им также и общинный характер, в высших же преобладала общность военно-политическая (Абрамзон, 1951; Krader, 1968; Агаджанов, 1969 о тюрке-монгольских кочевниках; Першиц, 1961; Першиц, 1968 о бедуинах Аравии и туарегах Сахары; Марков, 1971; Першиц, Хазанов, 1979 в более широком плане).

Социальная стратификация у кочевников имела несколько форм, которые могли существовать самостоятельно, хотя чаще соединялись вместе. Простейшей из них была имущественная дифференциация, представленная, например, расслоением тюркских кочевников Средней Азии и Казахстана на зажиточных или богатых баев и других - рядовых или недостаточных - скотоводов. Другая форма социальной стратификации может быть определена как функциональная: это разделение кочевников на управителей, или должностных лиц, и управляемых. Среди первых дифференцировались управители высшего, среднего и низшего рангов (скажем, ага манапы, орта манапы и чала манапы у киргизов, ханы, бии и старшины у казахов, ильхани, калантары и кеджуда у кашкайцев и т.д.). Еще одна форма была связана с наследственными

статусами, предполагавшими принадлежность к определенным слоям. У монгольских и тюркских кочевников существовало деление на "белую кость" — потомков Чингис-хана и всех остальных, по которому даже аристократы-нечингисиды попадали в категорию "простого", "черного" народа и поэтому не могли быть избраны ханами (Владимирцов, 1934. С.153; Зиманов, 1958. С.183 сл.). Неравными считались статусы членов сильных племен, облагавших своих соседей данью, и членов племен или других групп населения, обложенных данью (Марков, 1978. С.233 о туркменах; Першиц, 1961. С.135 сл.; Иванов, 1965. С.192 об арабах Юго-западной Азии и Северной Африки). Повсеместно различались своими статусами свободорожденные и несвободорожденные, так же как и их потомки. На Ближнем Востоке, где социальная стратификация нередко была связана также и с хозяйственной специализацией, она имела полусословные-полукастовые черты. Так, у арабских кочевников помимо основного деления на благородных шейхов и неблагородных пастухов, существовала и такая иерархия статусов всех членов племен: благородные верблюдоводческие племена, неблагородные племена овцеводов и козоводов, податные полуоседлые племена, низшие племена малоскотных скотоводов, охотников и бродячих ремесленников (Першиц, 1961. С.145 сл.).

Социальная стратификация была закреплена особыми обычно — правовыми нормами. В разных слоях общества придерживались разных брачно-регулирующих правил, платили разный брачный выкуп и разную пеню за кровь, социальная верхушка часто обзаводилась особыми, отличными от общеплеменных генеалогиями (Зиманов, 1958. С.187 сл.; Иванов, 1961. С.88 сл.; Першиц, 1961. С.147 сл.; и др.).

Можно ли рассматривать эти слои кочевого общества в качестве классов? Внутри только кочевого общества, учитывая все сказанное раньше, едва ли. Но там, где кочевники устанавливали господство над некочевым населением, кочевническая верхушка, по-видимому, нередко складывалась в особый класс, широко и открыто присваивавший прибавочный продукт, производимый соседями (наряду с собственным господствующим классом последних, в результате чего складывалась как бы "двойная элита" — см. в особенности: Barth, 1964. С.80; Ahmed, 1973; Salzman, 1978. С.137 ff). В могущественных государствах кочевников, каким, например, была монгольская держава, в виде исключения мог складываться и собственный класс непосредственных производителей (см. дальше). Здесь, однако, надо учесть, что одно дело классы в развитых

и другое - в ранних, или архаических, классовых обществах, где еще сильно наследие первобытности и грань между общественными слоями вообще и общественными классами в частности пока еще остается недостаточной четкой.

3. Политическое устройство

То же в значительной мере относится к политическому устройству кочевников. Провести четкую грань между племенем и вожжеством и особенно между вожжеством и ранним государством не всегда проще, чем между слоем и классом в архаическом обществе. Имеющиеся на этот счет взгляды значительно варьируют, и только с известной долей упрощения можно отметить, что специфику вожества как промежуточной политической структуры чаще всего видят в таких признаках, как наследственная стратификация общества, редистрибуция общественного продукта, сохранение родственного принципа организации, централизованный, хотя и не всегда сильный и обеспеченный аппаратом принуждения, характер власти. В числе признаков государства называют такие, как наличие классов или регулярного прибавочного продукта, необходимого для поддержания политической организации, взимание фиксированных налогов, существование централизованного, сильного и специализированного государственного аппарата, замена родственной организации территориальной и другие менее существенные (Service, 1975. С.15, 81; Claessen, Skalnik, 1978. С.21; Cohen, 1975. С.55 ; Khazanov, 1984. С.164 сл; и др.). Заметим, что сюда, как правило, входят и признаки, сформулированные Энгельсом: территориальная организация, отделенная от народа публичная власть и взимание налогов. Однако у кочевников в этом отношении существовали свои особенности.

Распространено мнение, что кочевым обществам в большей степени свойственна сегментарная, или ацефальная, организация, под которой чаще всего понимают совокупность иерархически соподчиненных родственных и (или) общинных структур; на каждом из своих уровней они выполняют одинаковые функции и равноправны ("симметричны", сбалансированы" и т.п.) (Evans-Pritchard, 1949; Lewis, 1961; Cole, 1975, Дигар, 1990; и др.). Основанием для этого, видимо, послужили разветвленность у кочевников таких структур и относительная демократичность принятых у них порядков. Но "симметричными" или "сбалансированными" все сегменты общественной, в том числе родственной, организации кочевников все же не были. Напротив, для них было очень харак-

терно наличие доминирующего рода наследственных правителей. А.М.Хазанов (Khazanov. 1984. С.145), отмечая вслед за рядом других исследователей это обстоятельство, предлагает называть такую организацию стратифицированной сегментарной системой. Однако при данном уточнении не вполне ясно, зачем нужно само понятие сегментарной организации.

Кочевое племя управлялось вождем, как правило, происходившим из такого наследственно правившего аристократического рода, но среди членов этого рода нередко выборного. В одних племенах функции управления были дифференцированы, в других слитны. Так, у арабских бедуинов почти всегда существовали шейхи для мирного времени, акыды для военных действий и ариффы для отправления медиаторского суда. Напротив, белуджам или туарегам Сахары известны были только вожди вообще (соответственно сардары и амгары), совмещавшие роли организаторов хозяйственной жизни, военных предводителей и судей. Можно думать, что, во-первых, второй порядок старше первого, а во-вторых, у кочевников вожди племен, в отличие от глав родов и внутриродовых подразделений, первоначально были по преимуществу военными предводителями. У тех же арабских бедуинов в древности во главе племен стояли только военные предводители - сейиды (Негря, 1981. С.67, 103 и др.). В.Я.Владимирцов (1934. С.80) считает, что вожди древнемонгольских племен - хааны ставились главным образом на время войны. Преобладает мнение, что киргизские вожди - би и туркменские вожди - ханы также выросли из военачальников - батыров (Ильясов, 1963. С.353-354; Марков, 1978. С.232). Да и там, где, как у бедуинов, существовало разделение функций, нередко случалось, что удачливые военачальники сперва отодвигали на задний план других вождей, а затем и занимали их место (Musil, 1928. С.201; Bräunlich, 1933. С.110).

Главы племен регулировали сезонные перекочевки, организовывали торговые и военные экспедиции, распределяли добычу и другие доходы извне племени, следили за соблюдением порядка и обычаев. Их судебные функции варьировали от посредничества до разбора дел по собственной инициативе с последующим установлением пени потерпевшим или штрафа в свою пользу. Там, где в племени не было особых служителей культа (как, например, шаманов - беки у монголов), вожди выполняли и эту роль. В отличие от власти глав родовых подразделений власть вождя племени обычно имела принудительный характер. Опираясь на дружину, состоявшую из ближайшей родни, свободных сподвижников и зависимых вольноотпущенников, а подчас и рабов, вожди племен

заставляли соплеменников считаться со своей волей. Так, у бедуинов бывало, что шейхи отбирали у соплеменников награбленное теми имущество и подвергали их своего рода заключению в гостевом отделении собственного шатра; у туарегов не только налагали штрафы в свою пользу, но и держали в колодках и даже подвергали битью палками (Musil, 1903. С. 336-337; Guarmani 1938. С.114; Nicolaisen, 1963. С.396); у бассери также практиковали телесные наказания (Barth, 1964. С.80). В то же время власть главы племени обычно была ограничена советом родовых глав, отсутствием твердо установленных правил наследования статуса и более всего той относительной легкостью, с которой недовольные подразделения могли откочевать, объявив себя независимыми или примкнув к другому племени. Пример - отложение от Чингиса Джамуги, в котором В.В. Бартольд усмотрел демократические тенденции, а В.Я. Владимирцов - просто соперничество двух предводителей (Владимирцов, 1934. С.84-65).

С добровольным или чаще насильственным объединением нескольких племен вокруг самого сильного из них могло возникнуть кочевое вожжество. Такими вождествами были, например, казахские Орды-жузы и туркменские ханства до начала и туарегские теджехе до конца XIX в., а некоторые бедуинские шейхства еще в первой четверти XX в. Имеется мнение, что кочевым вождествам, как и вождествам вообще, свойственна ограниченность функций и слабость власти правителя, отсутствие у него аппарата принуждения (Khazanov, 1984. С.165). Такие сведения действительно есть, например, о казахских ханах, но едва ли следует придавать им универсальный характер. Главы туарегских вождеств - аменукалы, не будучи единовластными правителями, тем не менее представляли свои вождества во всех внешних сношениях, предводительствовали на войне, утверждали вновь избранных глав племен и вершили высший суд. Имелся у них и зачаточный политический аппарат: ближайшие помощники, считавшиеся советниками и чрезвычайными представителями на местах, и младшие служащие - писцы, вестники, телохранители и даже исполнители экзекуций (Першиц, 1968. С.349-350). Последний из правителей созданного племенем руала западноаназского вождества Шааланов, не считаясь ни с какими адатами, забирал себе любое понравившееся ему имущество, применял телесные наказания и деспотически распоряжался не только в своем, но и в других племенах вождества. "Все боялись его и подчинялись ему", - писал хорошо знавший его знаменитый разведчик Т.Лоуренс (Lawrence, 1935. С.174). Четвертый по значению "князь пустыни" (после шерифа

Мекки и эмиров Неджда и Джебель-Шаммара), он в 1912 г. перестал довольствоваться наследственным званием шейха шейхов и провозгласил себя эмиром.

О сложении у кочевников пусть раннего, но все же настоящего государства можно говорить лишь с определенной долей условности - только имея в виду не кочевнические общества, взятые отдельно, а оседло-кочевническую систему в целом. Подобно тому, как общественные классы у номадов, как правило, были представлены только господствующим классом, которым становилась их верхушка по отношению к эксплуатируемому, преимущественно оседлому, населению, государство у них возникало лишь в результате завоевания оседлых областей и образования такой системы (Першиц, 1961. С.166; Першиц, 1968. С.351; Rosenfeld, 1965. Pt.2. С.190; Irons, 1979. С.362). Исходя, хотя и не без оговорок, из такого понимания генезиса кочевнических государств, А.М.Хазанов (Khazanov, 1984. С. 228 ff), а за ним В.Я.Крадин (1990а) даже классифицируют их в основном по степени интеграции кочевого и оседлого компонентов. Но при этом в разряд кочевнических государств попадают и такие, в которых преобладают оседлые земледельцы и даже правители которых в основном перешли к оседлому образу жизни. Поэтому государствами кочевников мы будем считать: 1) целиком или почти целиком кочевнические политические образования, правящая верхушка которых держит в даннической зависимости оседло-земледельческое население, и 2) политические образования, в составе населения которых преобладают номады, а правящая верхушка которых хотя бы частично сохраняет кочевой образ жизни и использует кочевые племена в качестве своей основной военной силы.

Один из наиболее характерных примеров государств первого типа - Монгольская держава при Чингис-хане и его непосредственных преемниках, обязанная своим возникновением ограблению и даннической либо феодальной эксплуатации как кочевых, так и в особенности оседлых соседей. Но надо учесть и то, что активная внешнеэксплуататорская деятельность позволила колоссально усилившимся монгольским ханам упорядочить поборы также и с самих монголов, обязанных теперь не только военной службой и долей военной добычи, но и различными натуральными повинностями. Возможно, что в результате этого слой пастухов и воинов - аратов начал перерастать в класс непосредственных производителей. Для нас в данном случае не имеет значения, какой облик при этом стало принимать Монгольское государство - феодальный как

считают В.Я.Владимирцов (1934) и Л.Крэйдер (1978) или "азиатского" типа, как, по-видимому, считает А.М.Хазанов (1984. С.240).

Примером государств второго типа может служить аравийский эмират Джебель-Шаммар приблизительно до середины XIX в, когда преобладающей частью его населения были кочевые шаммары и они же составляли военную опору эмиров. С их помощью последние покорили ряд соседних оазисов и нешаммарских кочевых племен и установили контроль за торгово-пелигримским путем из Ирака в Хиджаз. С оседлого населения взималась установленная шариатом подать - закят, а со значительной его части также и земельная рента, с кочевников - только закят, который они, однако, платили неохотно и нерегулярно. Вообще, установить прочную власть над бедуинами, в особенности над присоединенными нешаммарскими племенами, не удавалось, и, считаясь с этим, эмиры старались поменьше вмешиваться в их внутренние дела. Последние эмиры Джебеля уже стали опираться главным образом на ополчение осевших шаммаров, обуздывая с их помощью кочевых соплеменников и других бедуинов. Однако и тогда они продолжали подчеркивать свое кочевническое происхождение, одеваясь по-бедуински, проводя несколько месяцев в году не во дворце, а в бедуинском шатре в пустыне и титулуясь не только эмирами, но и шейхами шейхов (Першиц, 1961. С.178 сл.; Rosenfeld, 1965. Pt.2, С.174 ff; ср.: Montagne, 1947. С.142).

Кочевые государства располагали сравнительно развитым, хотя и сохранявшим ряд архаичных черт, аппаратом управления и принуждения. Об этом можно судить даже по такому небольшому государству, каким был тот же Джебель-Шаммар. Ядро его государственного аппарата составляла эмирская дружина из вольноотпущенников и чужаков, в которой различались простые воины и "мужи шейха шейхов". Воины охраняли эмира, сопровождали караваны и сборщиков податей, несли гарнизонную службу; из их среды выходили тюремщики и палачи. Среди "мужей" отмечены офицеры, старшие служащие домена и дворца, конюший, заведующий верблюдами, главный пастух, главный надсмотрщик за рабами, заведующий гостевыми помещениями и руководители таких ведомств, как канцелярия и казначейство. Управление оазисами и племенами, как правило, оставалось в руках местных шейхов. Важным признаком развития государственности было постепенное вытеснение бедуинских адатов шариатом, который олицетворялся мусульманским кади, восседавшим рядом с эмиром в его суде (подробнее см.: Першиц, 1961. С.175 сл.). Сходным по уровню развития был аппарат других кочевнических политий (Владимирцов, 1934. С.90 сл., 140 сл.; Ахмедов, 1965. С.98 сл.)

4. Военное дело

Боевая конница, известная уже в древних цивилизациях (середине II тыс. в Закавказье, начало I тыс. до н.э. в Ассирии – Ковалевская, 1975. С.33, 66) старше всадничества даже в древнейших из собственно кочевых обществ. Соответственно многие черты военной техники и тактики кочевников общи у них с конницей древних, а затем и средневековых цивилизаций. В то же время и сами кочевники внесли немалый вклад в военную технику и тактику регулярной конницы. Детальное рассмотрение всех этих вопросов – тема особого исследования. Здесь мы в основном постараемся показать то, что наиболее специфично для военного дела у самих кочевников.

Главными элементами экипировки верховых животных являются приспособление для управления ими и седло. И то, и другое появилось задолго до возникновения кочевничества. Для управления лошадью были изобретены недоуздки с особым ремнем, давящим на чувствительный край носового хряща, а затем узды с сырмятными, позднее металлическими удилами. Верблюдом управляли с помощью того же недоуздка или продетого через носовую хрящ кольца. Кочевники-всадники усвоили эти приспособления, но воспитываемое у них с раннего детства искусство верховой езды позволило им дольше, чем оседлым народам, обходиться менее строгой уздой, а то и одним недоуздкой. Еще проще обстояло дело у ливийских кочевников Северной Африки, управлявших лошадью с помощью ошейника и небольшой палки (Lhote, 1953. С.1215 ss). Что касается верблюда, то устройство его зубов вообще не допускает взнуздывания.

Конское седло у древних кочевников, как и у еще более древних кавалеристов, было мягким (чепрак, кожаная подушка) и без стремян. Лишь в середине I тыс. н.э. появилось седло на жесткой основе с двумя стремянами, прототипом которых явилось только одно стремя, служившее в качестве подножки. Жесткое седло со стремянами позволяло дольше оставаться на коне и тем самым увеличивало дальность походов; кроме того, оно создавало лучший упор для тела при применении оружия. Изобретателями такого седла были сами кочевники, по-видимому, древние турки (Вайнштейн, Крюков, 1984). Седло со стремянами широко распространилось в Старом Свете, и лишь немногие кочевники, как, например, арабские бедуины, не приняли этого усовершенствования. Верблюжье седло также сначала было мягким, располагавшимся сперва позади, а затем поверх горба, и только к концу I тыс. до н.э., когда появилось перекрывавшее горб жесткое так называемое

североаравийское седло, дромедар стал более пригодным для военных действий. Это, как считают, даже сыграло известную роль в арабских завоеваниях (Bulliet, 1975; Hill, 1975).

Правда, как боевое животное лошадь намного удобнее - быстрее и маневреннее - верблюда. Там, где это допускалось природными условиями и если для этого имелись материальные возможности, бывало, что воины отправлялись сражаться верхом на верблюдах, ведя в поводу лошадей, на которых и пересаживались перед боем. Недаром своего рода культ коня, который многие авторы связывают с расцветом всадничества, существовал не только у тюрко-монгольских степняков Центральной и Средней Азии, но и у бедуинов-верблюжатников Ближнего Востока (Липец, 1984. С.124 сл.; Першиц, 1961. С.32). Однако в песках таких пустынь, как Сахара или Руб-эль-Хали, лошадь бесполезна. Поэтому даже европейская колониальная администрация Северной Африки использовала в Сахаре верблюжью "кавалерию"- мехаристов. Кроме того, пусть и уступая лошади как боевое животное, верблюд при всех обстоятельствах обеспечивал задействование крупных всаднических масс.

Основным оружием верховых кочевников был лук со стрелами, которым они пользовались для дальнего боя до распространения ручного огнестрельного оружия и даже позже, так как последнее было дорого и поначалу (до появления ударных замков) недостаточно эффективно. Уже кочевники древности применяли в основном сложные, например, так называемые скифский и гуннский луки с основой из нескольких видов дерева, роговыми и костяными накладками и обмоткой из сухожилий. В принципе не отличались от них и луки средневековых кочевников, скажем, так называемый монгольский. Различия состояли главным образом в том, что вначале сила натяжения достигалась за счет увеличения общих размеров лука, а затем за счет увеличения размеров его гибких частей при уменьшении этих общих размеров. Длина "скифского" лука достигала 80, "гуннского" - 160, "монгольского" - 140 см. Во при этом по своей мощности "монгольские" луки не уступали "гуннским", равно как и знаменитым длинным лукам английских стрелков, показательно, что они даже вытеснили в Китае арбалеты. В то же время они были удобнее для стрельбы с коня или верблюда (Хазанов, 1971. С.29 сл.; Ермолов, 1987. С.151; Chambers, 1979. С.57; Morgan, 1986. С.91). Не исключено, что возможность применения таких луков - меньших по длине, но мощных - достигалась благодаря не только увеличению размеров гибких частей лука, но и наличию упора для стрелка в жестком седле со стременами.

Мощные сложные луки с тяжелыми стрелами получили очень широкое распространение в связи с тем, что на рубеже нашей эры также и у кочевников стали применяться защитные доспехи. Но такие луки изготавливались годами, стоили недешево, а панцирным было далеко не все воинство как оседлых, так и кочевых обществ. Поэтому наряду со сложными луками оставались в ходу и простые луки с легкими стрелами, а также дротики, например, у кара-киданей или бедуинов Аравии (Пиков, 1983. С.108; Morgan, 1897. С.131 ff., Hess, 1938. С.104).

Оружием среднего боя были пики, применявшиеся всеми кочевниками - от скифов в древности до арабских бедуинов и туарегов Сахары в конце XIX в. Деревянные пики всадников достигали в длину трех - четырех, а бамбуковые - даже пяти метров. Они, как например, у сарматов могли крепиться цепочками к конской шее, чтобы в удар вкладывалась вся сила движения коня со всадником. Это оружие было настолько эффективно, что даже вытеснило в римской кавалерии ее первоначальные короткие копья. Другим, специфически кочевническим оружием среднего боя были арканы, которыми опутывали и опрокидывали врага (Гумилев, 1960. С.247; Хазанов, 1971. С.50-51).

В ближнем бою верховые или спешенные кочевники первоначально пользовались мечами, которые с развитием всадничества претерпели эволюцию от коротких (до 70 см) к более длинным (свыше 70 см) и от двулезвийных собственно мечей к однолезвийным палашам. Дальнейшее развитие этого оружия, в основном совпадающее с появлением жесткого седла и стремян, повело к превращению палаша в изогнутую саблю с рукоятью, несколько наклонной к линии клинка; удар ею, усиленный тяжестью воина на мчащемся коне, давал больший эффект при меньшей затрате сил (Плетнева, 1958. С.118; Федоров-Давыдов, 1966. С.24; Савинов, 1989. С.310-311). Сохранявшиеся мечи или палаши также часто делались с рукоятью, наклонной к линии клинка, хотя были и исключения (например, у туарегов). Реже применялись кинжалы, палицы, боевые топоры или секиры (Пиков, 1983. С.108; Абрамзон, 1944. С.170; Федоров-Давыдов, 1966. С.24, 32; Гаудио. 1985. С.40; Doughty, 1888. V.2. С.35-36; и др.).

В раннеклассовых, а подчас и предклассовых обществах кочевников существовали также и осадные орудия, заимствованные у оседлых цивилизаций. В частности, половцы использовали катапульты, а монголы наряду с ними туры и стенобитные орудия китайского изготовления (Федоров-Давыдов, 1966. С.36; Morgan, 1986 С.91). Что касается огнестрельного оружия, то мушкеты проника-

ли к кочевникам на протяжении всего позднего средневековья и в более заметном количестве появились у них в новое время, пушки же по понятным причинам даже в новое время встречались только в укрепленных центрах государств, основанных кочевниками. Так, в конце XIX в. эмиры Джебель-Шаммара могли вооружить старинными ружьями значительную часть своего войска, но располагали лишь несколькими пушками, доставшимися им от египтян (Першиц, 1961. С.181).

Известно было защитное оружие: во всех кочевых обществах - щиты, почти во всех - также панцири и шлемы. Наиболее доступными и распространенными были неметаллические панцири, сделанные из мягких материалов - толстой кожи, войлока, ткани, обычно в несколько слоев и простеганные шерстью или ватой, либо из таких жестких материалов, как сыромятная кожа, склеенная смолой в несколько слоев, роговые или костяные пластинки, чешуйки и т.п. Дорогие металлические панцири и кольчуги, как правило, были достоянием лишь кочевой аристократии и ее окружения. Существовали и панцири промежуточного типа: к мягкой основе пришивались элементы металлического бронирования. Шлемы, забрала, бармицы также бывали неметаллическими и металлическими; то же относится к таким деталям доспеха, как поножи, в то время как наручи и зеркала делались только из металла. Материал и конструкция щитов варьировали в очень широком диапазоне: кожаные, кожаные на деревянном или металлическом каркасе, плетенные из прутьев или бамбука с металлическим умбоном и нередко также оковкой по краю, целиком металлические. Особенность кочевнического, как и вообще всаднического, щита - его небольшие размеры, так как верховому воину большой щит только бы мешал. Но в некоторых кочевнических обществах, например в туарегском, существовали щиты побольше для пешего боя мечами, а у монголов также большие станковые щиты, применявшиеся при осаде городов и создании полевых укреплений.

На вооружении имелись и конские доспехи. Как и воинские доспехи, они могли быть мягкими и жесткими, неметаллическими и металлическими. Использовались они, по-видимому, реже, чем воинские, но все же довольно часто. Применение уже древними кочевниками воинских и конских доспехов повело к появлению у них двух видов кавалерии - легкой, ориентированной преимущественно на дальний бой, и тяжелой, обычно игравшей решающую роль в среднем и ближнем бою. Как правило, к первой принадлежала основная масса кочевников, ко второй - кочевническая верхушка с ее непосредственным окружением (Горелик, 1957. С.163

сл.; Федоров-Давыдов, 1966. С.32 сл.; Ковалевская, 1977. С.114; Jacob, 1897. С.135-136; Dickson, 1951. С.63 ff.).

Можно говорить о некоторых особенностях военной тактики кочевников, связанных прежде всего с широким использованием ими легкой кавалерии лучников. Последние на всем скаку забрасывали неприятеля тучей стрел, чтобы расстроить его ряды, а если это не помогало, то применяли знаменитую тактику, получившую название "скифской". Они притворно отступали, что опять-таки позволяло расстроить неприятельские ряды, а затем поворачивались и атаковали. К этому близок другой прием ложного бегства, при котором конные лучники скакали назад, но, поворачиваясь корпусом в седле, забрасывали неприятеля стрелами. Многое в военной тактике номадов связано со спецификой кочевого скотоводства: поход рассеянным строем, чтобы хватало корма животным, возвращение всегда другими путями, чтобы не передвигаться по уже стравленным пастбищам. Еще больше, по-видимому, связано с приемами облавных охот: наступление рассыпным строем, окружение с помощью двух крыльев или двух крыльев и центра, а позднее крыльев и арьергарда при намеренно ослабленном авангарде, широкое использование засад, стремление любыми средствами запугать врага, парализовать его волю. Не раз высказывалось мнение, что, например, Чингис-хан часто устраивал во время походов облавные охоты не только чтобы пополнить запасы провианта, но и чтобы провести маневры (Кун, 1947. С.27 сл.; Блаватский, 1954. С.22; Пиков, 1983. С.110; Morgan, 1986. С.91). Некоторые эффективные приемы военной тактики кочевников были заимствованы земледельческими цивилизациями, например, печенежские хитрости - византийцами (Сокращенное сказание ..., 1859. С.24, 30 сл.).

Однако появление в войнах с оседлым земледельческим населением тяжеловооруженной конницы уже в скифское время вызвало к жизни и другие тактические приемы: ближний или средний бой защищенных доспехами воинов иногда в самом начале схватки или после того, как легковооруженная конница расстраивала ряды противника. Такая тактика боя стала особенно широко использоваться сарматами и подчас даже называется "сарматской". И "скифская", и "сарматская" тактика имела свои преимущества и свои недостатки. Поэтому атака сплошной лавой постепенно сменялась координированными действиями отдельных крупных отрядов, в том числе и одновременными действиями отрядов легкой и тяжелой конницы, решавших самостоятельные тактические задачи. Получили распространение военные значки таких отрядов - стяги, бунчуки или наверхия на шестах, внушавшие

страх и позволявшие лучше ориентироваться на поле боя (Федоров-Давыдов, 1966. С.35; Хазанов, 1971. С.89; Липец, 1984. С.83-84).

В принципе военная тактика кочевников была рассчитана на сражения в открытых местах, с разведкой и авангардными и арьергардными боями. Их традиционные защитные приемы не шли дальше выставления дозоров и устройства круговых лагерей, например, монгольских куреней, сооружаемых из юрт и телег-кибиток (Владимирцов, 1934. С.37), или арабских дуаров из шатров с далеко вытянутыми веревками-растяжками, служившими препятствием для верховых врагов (Dickson, 1951. С.51). В осаде настоящих укреплений, в частности городских стен, кочевники были несильны (см., например: Бартольд, 1963. Т.I. С. 401, 421). Но такие могущественные кочевые государства, как монгольское, уже без особого труда справлялись и с этой задачей. Как уже упоминалось, применялись различные осадные орудия: для опасных осадных работ использовались пленные; велся непрерывный штурм сменными пехотными (обычно спешенными) отрядами - у монголов китайскими или другими, а, скажем, у древних киргизов, как считает С.М.Абрамзон вслед за А.В.Бернштамом, своими собственными (Абрамзон, 1944. С.170).

Основу военной организации составляли дружина предводителя, в раннеклассовом государстве превращавшаяся в лейб-гвардию правителя, и племенное ополчение, перераставшее в ополчение всех вошедших в состав такого государства племен.

Дружина, которой мы уже отчасти касались раньше, в разных кочевнических обществах не была однотипна. У монголов ее особенность состояла в том, что дружинники-нукеры служили вождам других, хотя порой и родственных, родов, причем не за вознаграждение, а только за военную добычу. У киргизов в состав традиционных сорока дружинников-чоро могли входить также и близкие родичи предводителя, и служба их была не безвозмездной. У арабских бедуинов дружинниками - "людьми", или "всадниками", предводителя были и все его многочисленные родичи, и верные рабы или вольноотпущенники, и вольнонаемные слуги-телохранители, как правило, хотя и не всегда, из других племен (Владимирцов, 1934. С.87; Абрамзон, 1944. С.172; Першиц, 1961. С.155-156). Таким образом, при всех различиях дружины обладали одной общей чертой: они если не целиком, то частично состояли из чужаков, на которых можно было опереться не только за пределами, но и внутри племени. В случае нужды для крупных военных действий собиралось общеплеменное ополчение, отдельные подразделения которого возглавлялись своими предводителями. В

него входили все боеспособные мужчины, составлявшие, как это видно на многочисленных примерах от хунну древности до афганцев нового времени, пятую часть соплеменников (Таскин, 1973. С.5; Huffman, 1951. С.43).

Подчас уже в предклассовых, но главным образом в раннеклассовых обществах военная организация кочевников принимала более упорядоченный и эффективный характер. Это, в частности, относится к тюрко-монгольским кочевникам Центральной и Средней Азии, в военной организации которых сочетались кочевнические черты с чертами, заимствованными у древних цивилизаций Китая и Передней Азии (см. в особенности: Allsen, 1987. С.7 ff.). Войско не только разделено на центр и крылья - правое и левое, или не только на крылья, но и построено по десятичному принципу. У монголов это тюмены (десятки тысяч), мингтаны (тысячи), ягуны (сотни) и арбаны (десятки) во главе с темниками, тысячниками, сотниками и десятниками. Принцип подсчета здесь был приближительным, и десятичные подразделения более или менее совпадали с родоплеменными, особенно тогда, когда они составлялись из членов родственных или дружественных племен (Владимирцов, 1934. С.102 сл.; Марков, 1976. С.76-77). В то же время ясно, что потребность в таком членении могла возникнуть только при условии участия в военных действиях больших масс воинов, когда все боеспособные мужчины считались военнообязанными. Например, у тех же монголов при завоевании Хорезма в армии насчитывалось 700-800 тыс. воинов (Morgan, 1986. С.87). Всадники должны были являться с запасными (заводными и вьючными) животными - от двух у кара-киданей до пяти-шести у монголов, а также с собственным вооружением, хотя несостоятельным воинам могло выдаваться оружие из ханских, эмирских и т.п. arsenалов и, вообще, оказываться помощь. Последняя выделялась у монголов из специальной военной подати - кубчура, у арабских бедуинов после распространения у них ислама из налога для бедных - закята и т.д. Провиант для похода также должны были припасать сами воины. В случае необходимости пускали в пищу запасных животных, а монгольским кочевникам был известен и такой прием, как питье крови из проколотой вены коня.

В раннеклассовых обществах кочевнические правители уже практиковали регулярные смотры войск и в первую очередь их ядра - собственной гвардии, проводили состязания и учения (Ахмедов, 1975. С.104; Пиков, 1933. С.109).

В составе войска кочевников выделялись не только крупные и мелкие предводители, которыми могли быть как традиционные

родоплеменные главы или особые военачальники, так и посаженные на их места старшие дружинники. Существовали, например у киргизов, представители особьх, говоря современным языком, служб, такие, как вестники и проводники, кузнецы и оружейники, знатоки верховых животных и знахари, предсказатели и служители культа (Абрамзон, 1944. С.171). О том, какое им придавалось значение, можно судить на примере службы связи. Если в таком догосударственном обществе, как казахское, обходились традиционными институтами хабарласу (обмен информацией) и узун-кулак (передача информации на расстояние), то в монгольской державе была введена регулярная почтовая повинность (Толыбеков, 1971. С.129 сл., Morgan, 1986. С.100).

5. Военизированность быта: некоторые черты психологии и идеологии

Как бы ни часты были у кочевников военные действия, они не были непрерывными. Но и паузы между ними нельзя назвать вполне мирными, так как они почти всегда использовались для подготовки к новым военным столкновениям. Постоянная угроза встречи с кровниками, повседневная необходимость защиты собственных стад и частое участие в грабительских набегах на чужаков или в вооруженных конфликтах из-за пастбищ и водоемов, - все это заставляло кочевников чувствовать себя воинами и быть готовыми к сражению всегда и везде. Можно сказать, что весь быт кочевника был военизирован, причем начиналось это а самом детстве и продолжалось до глубокой старости.

Одна из немногих дошедших до нас статей "Великой Ясы" Чингис-хана предписывала армейским бекам "хорошо обучать мальчиков стрельанию из лука и верховой езде и упражнять их в этом искусстве и делать их смелыми и храбрыми" (Гурлянд, 1904. С.68). И такие порядки существовали не только в военно-кочевых империях. Так, у киргизов уже 6-7-летние мальчики учились ездить верхом сперва на баранах, а затем на жеребятках, для чего существовали специальные детские седла, позволявшие самостоятельно учиться верховой езде. Из детских луков стреляли птиц, позднее начинали охотиться на мелких зверьков, одновременно закаляясь ночевками в горах, вдали от селения. В системе воспитания подростков очень много внимания уделялось владению оружием, воинскому умению и мужеству. Достигнув лет в 14-15 совершеннолетия, киргизский юноша уже считался обычным всадником и воином (Абрамзон, 1944. С.179). Кочевья свои киргизы

еще в середине XIX в. располагали так, чтобы можно было в короткое время подготовить целое войско к нападению или защите; у каждой юрты были воткнуты в землю пики (Radloff. 1893.C.527).

О соседних тибетских кочевниках их исследователь Р.Б.Эквалл даже написал специальную работу, в которой он характеризует весь их образ жизни как подготовку к войне. Он выделяет в их быту следующие компоненты милитаризованности. Разведка - непрерывные поиски информации о возможной опасности или поживе путем личных наблюдений, опроса встречных и использования платных осведомителей. Мобилизованность - постоянно поддерживаемая готовность к бою лошади, сбруи и оружия, натренированность самого кочевника в применении сабли, пики и ружья, разбивке и снятии лагеря, а при возникновении военного конфликта мгновенное появление на месте сбора. Дозорная деятельность - окарауливание территории, каждодневное, но особенно тщательное при перекочевках на новые пастбища, когда оно ведется и на уровне племени, и на уровне лагеря, и на уровне каждой семьи. Другие приемы обеспечения безопасности - в частности, выбор наименее уязвимого места для стоянки, ночное окарауливание загнанного внутрь кругового лагеря скота, осторожность в разговорах с посторонними, которые могут оказаться осведомителями неприятеля и т.п. Мобильность - быстрота в сборах, передвижении, прогоне стад, выборе безопасного пути. Умеренность и неприхотливость в пище - привычка обходиться только самым необходимым и даже в холодном виде. Корпоративный дух - развитое чувство солидарности и долга, предполагающее дисциплинированность, надлежащие волевые и нравственные качества и безукоризненное знание своих товарищей по лагерю, их способностей и навыков, их лошадей и оружия, что также является одним из важнейших компонентов подготовки к предстоящей войне (Ekvall, 1961).

Есть немало других сообщений о значении, придаваемом военной подготовке и общей военизированной быта кочевников. У племен Фарса не только мужчины, но и женщины постоянно практиковались в верховой езде и умении владеть оружием; много внимания уделялось охоте, которая рассматривалась как репетиция боевых действий. "Человек, не искусный в этих занятиях, не пользуется уважением, и к нему относятся свысока" (Иванов, 1961. С.96). Арабские бедуины при выпасе стад выставляли вооруженные дозоры, а при перекочевках разбивали лагеря так, чтобы поместить скот внутри лагеря; старались не расставаться с оружием и совершенствовались во владении им во время частей спортивных игр и состязаний; всегда были начеку, опасаясь

встречи с кровниками или грабителями. Даже и теперь из-за угрозы кровной мести бедуин "невероятно подозрителен и замкнут", и "уже детям внушают, что надо скрывать свое имя и название своего племени" (Штайн, 1981. С.125).

Значение в жизни кочевников войны и общая военизированность их быта не могли не сказаться на их психологии и идеологии. Уже у скифов, как сообщает Геродот, удачливым воинам оказывался особый почет. "Раз в год каждый правитель в своем округе приготавливает сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом" (Нер. IV. 66). Близкий к этому обычай существовал у хунну (Таскин, 1968б. С.41). Такое отношение к воинской доблести и разбойной удаче сохранилось до нового времени. "Разбой, - писал М.С.Иванов о кашкайцах, - обычно считается не преступлением, а проявлением удалства и племенной доблести. Набеги совершались не только с целью получения добычи, но также и для того, чтобы доказать свою храбрость". Он же приводит свидетельство иранского исследователя племен Фарса М.Бахманбеги, по словам которого у них ограбление "посторонних даже поощряется как искусство и доблесть" (Иванов, 1961. С.96). У аравийских бедуинов и по данным фольклора, и по наблюдениям путешественников XIX в. участвовать в военных набегах, быть харами (разбойником) считалось завидным и почетным (Burckhardt, 1831. С.127; Hess, 1938. С.98). Для туарегов в этом отношении показательна народная этимология названия высшего сословия - ахаггаров: от ахег - грабитель (Duveyrier, 1864. С.318; Foucauld. V.2. С.665). Престиж кочевника был настолько связан с его участием в военных предприятиях, и это участие настолько часто определялось одними только соображениями престижа, что некоторые авторы даже стали рассматривать бедуинские или туарегские грабительские набеги как подобие "спорта" или национального "развлечения" кочевников (Rodd, 1926. С.187, 193; Montagne, 1947. С.89; Rutter, 1930. С.513, 515; Hitti, 1956. С.33). На наш взгляд, вопрос здесь несколько упрощен. Набеги все же имели в основе социально-экономические мотивы, но, видимо, было бы одинаково неверно как сводить их только к этим мотивам, так и абсолютизировать значение спортивно-развлекательных побуждений.

Сходные тенденции отмечены в области идеологии. Все народы, кочевавшие к северу от Великой Китайской стены, гордились сво-

ей подвижностью и свободой и с презрением смотрели на тех, кто "трудится на коленях" (Jagchid, Symons, 1989. С.175-176). О казахах В.К.Мейендорф (1975. С.38) писал, что по их древним представлениям они "потеряют свою свободу с того времени, как поселятся в домах и предадутся земледелию". У арабов воинственные и независимые кочевники-бедуины с молоком матери впитывали презрительное отношение к полукочевникам, не говоря уже о полуоседлом и оседлом населении, которое они высокомерно называли райя (быдло). Себя они именовали ашраф, или асилин (благородные), и считали недопустимыми браки с райя, а коль скоро такие браки случались, детей от них называли ублюдками (Musil, 1928. С.60. 136-137; Dickson, 1951. С.111). Издавна распространившееся среди бедуинов представление о превосходстве и благородстве настоящих кочевников вместе с кочевой знатью даже проникло в среду средневекового городского патрициата, приписывалось самому пророку Мухаммеду (Ibn Khaldun, 1863. V.I. С.297) и отразилось в таких арабских поговорках, как "с оседлостью - конец славе". Сходное положение имело место у сомалийцев, у которых северные верблюдоводы с пренебрежением относились к саб-южным земледельцам и коровопасам, смешавшимся с автохтонным населением Африки. Первые считались знатью, вторые - чернью и даже были ущемлены в некоторых правах (Lewis, 1955. С.16, 67; Калиновская, 1989. С.147-148). У туарегов Сахары верблюжатники-ахагары, считавшие себя по преимуществу профессиональными воинами, свысока смотрели на козоводов-амгидов, традиционно рассматривавшихся как основные труженики в туарегском обществе и также ущемленных в некоторых правах (Lhote. 1955. С.199, 373-374), Тем более презирали кочевые туареги оседлых земледельцев (Rodd, 1926. С.127, 134, 173, 360).

В кочевниковедческой литературе на раз обращалось внимание на воинственность, даже агрессивность кочевников и то особое место, которое занимала в их системе ценностей воинская доблесть. Эти черты кочевнической психологии получили различные объяснения уже в работах ученых конца прошлого и начала нашего века. Так, Л.Кржевицкий (1896. С.123) связывал их с военизированным из-за постоянной охраны скота образом жизни, Ф.Ратцель (1902. Т.1. С.27) - с подвижностью и повышенной способностью к массовым действиям, немецкий географ Ф.фон Рихтхофен (Richthofen, 1908. С.137) - с постоянной жаждой добыть то, чего кочевники не могли произвести сами. Эти объяснения, как и более современные (легкость захвата скота, недостаточная дискретность пастбищных земель - см., например: Cohen, 1968. С.235 ff.; Goldschmidt, 1968.

С.240) не исключают друг друга и каждое из них не лишено резонанса. Однако исторический подход к вопросу требует также учета того, что были кочевники и кочевники. Одно дело кочевнические общества более или менее независимые и даже господствовавшие в своем регионе и совсем другое - уже давно вошедшие в состав сильных централизованных государств. Говоря о военизированной быта, воинственной психологии и идеологии, мы имеем в виду первые из этих обществ. В замиренной среде исчезла необходимость в повседневной милитаризованности быта и как следствие постепенно менялась психология. Так обстояло дело, например, с кочевниками Центральной Азии, Нижнего Поволжья или Средней Азии после того, как они длительное время входили в состав Китая, Российской империи или среднеазиатских ханств. Вот почему во второй половине XIX в. монголы характеризуются как "мирные" и "боязливые" (Потанин, 1985. Вып. 4. С.659; Позднеев, 1894. С.158-159; Роборовский, 1898. С.39-40, 43), калмыки - как "миролюбивое племя людей, чрезвычайно по существу добродушных" (Воробьев, 1903. С.6), кара-калпаки - как "миролюбивые" (Семенов, 1865. С.496), туркмены - как "безобидные" (Шевченко-Красногорский, 1910. С.173) и т.д. И поэтому же в старой кочевниковедческой литературе даже можно встретить такие неправомерные обобщения: "пастушеский быт располагает к лени... вызывает инертность, отсутствие предприимчивости и воинственности... Как обитаемая кочевниками безграничная ровная степь, монотонна и однообразна их жизнь, лишенная жажды и привычки к военным приключениям" (Тутковский, 1915. С.8-9).

Соответственно менялась система идеологических представлений. В государствах, в которых кочевники не занимали главенствующего положения и отодвигались на вторые роли, они уже не рассматривали себя как цвет общества, а окружающие видели в них маргинальные группы населения, часто "дикарей" и "варваров" (Pastner, 1971. С.173 ff.; Дигар, 1989. С.52-53). Классический и многократно приводившийся пример - эволюция значения слова *тюрк* в основанных тюркскими кочевниками государствах Малой Азии: из обозначения завоевателя оно в результате антикочевнической политики сельджукских и османских султанов превратилось в обозначение деревенщины, увальня, неуча.

Непреодолимая военизированность быта и специфические черты психологии кочевников там, где их общество не эволюционировало в замиренной среде сильных оседло-земледельческих государств, заставляет сдержанно отнестись к выдвинутой Г.В. Марковым идее двух перемежающихся состояний общественной орга-

низации кочевых общин и ослаблению племенных институтов власти, т.е. "общинной-кочевому" состоянию; в годы же войн и больших переселений хозяйственные интересы отеснялись на второй план военными интересами, укреплялись высшие звенья племенной структуры, усиливалась власть вождей и вся организация переходила в "военно-кочевое" состояние (Марков, 1976. С.311-312). Разумеется, мирная и военная ситуации не могли не иметь своих особенностей хозяйственного быта, порядка кочевания, организации власти и т.п., и эти лежащие на поверхности особенности уже отмечались в литературе (см., например: Гумилев, 1961. С.20-21). Но в том то и дело, что в кочевом обществе всякий мир был относительно и недолговременным: ежедневно приходилось ожидать если не большой войны, то заурядного военного набега. Номады всегда ощущали себя воинами и жили, хотя и с различной интенсивностью, военно-кочевой жизнью. Это очень удачно сформулировал уже А.Смит: "выступают ли они в поход как армия, кочуют ли они как пастухи, образ жизни их одинаков, хотя поставленные перед ними цели весьма различны" (Смит, 1935. Ч.2. С.246).

III

ФАКТОРЫ ВОЙНЫ И МИРА

1. Предварительные замечания

В этнологической литературе уже привлекалось внимание к тем или иным факторам войны (значительно реже - мира) в скотоводческом кочевье. Имеются и отдельные классификации таких факторов. Одна из последних и наиболее полных принадлежит английскому монголисту Дж.Флетчеру, который выделяет следующие причины военной деятельности кочевников: 1) алчность и хищническая природа номадов, 2) высыхание степи, 3) перенаселение, 4) разрыв торговых связей с оседлыми земледельцами, 5) потребность номадов в пополнении своих скудных жизненных ресурсов земледельческой продукцией, 6) стремление кочевой верхушки к созданию надплеменных политических образований и 7) престижные и идеологические соображения (Fletcher, 1986). Как мы увидим дальше, многие из перечисленных здесь факторов

обоснованны, но в целом этот перечень представляется недостаточно систематизированным. В частности, алчность или идеологические соображения всегда сопрягались с другими, более глубокими мотивами, а разрыв торговых связей и потребность в недостающей продукции - едва ли не одно и то же.

Мы здесь будем исходить из другой классификации, в основу которой положен предмет военных или мирных отношений как между самими кочевниками, так и между ними и их оседлыми соседями.

2. Личная и групповая безопасность

Как и во всяком другом обществе, в обществе кочевников человек не был избавлен от посягательств на его личность, честь и собственность. Сюда относились убийство и причинение увечий, соблазнение, изнасилование и похищение женщин, порча и кража имущества. Разумеется, уже в предклассовых кочевнических обществах существовали отработанные механизмы обычно-правового регулирования последствий подобных действий, и речь о них будет дальше. Кочевническая специфика состояла в том, что в условиях рассредоточения кочевников на широких пространствах степей и пустынь и замедленного складывания политической организации приходилось больше рассчитывать на собственные силы и солидарность близких. Соответственно на этой почве постоянно возникали вооруженные конфликты, из индивидуальных часто перераставшие в коллективные. Наиболее острые из них принимали характер кровной, или родовой, мести, на правомерности включения которой в рамки нашей темы мы остановимся при характеристике видов войны.

Вооруженные конфликты чаще всего возникали из-за убийств и причинения увечий, которые в рассматриваемых обществах были, можно сказать, обычным делом. Многие из них были непредумышленными и являлись прямым следствием общей военизированной быта: наличия большого количества оружия, поголовной вооруженности мужчин, военных игр детей и состязаний взрослых, частых облавных охот, грабительских набегов и т.п. (см., например: Иванов, 1961. С.112). Но и умышленные преступления такого рода были достаточно часты, что А.Я. Гуревич применительно к варварским обществам вообще, видимо, правильно связывает со своеволием личности в переходном обществе, где рвутся и перестраиваются социальные связи (Гуревич, 1970. С.119-120, 122-123).

Сравнительно более редкими были конфликты из-за соблазнения, изнасилования или похищения женщин, что во многих обще-

ствах номадов, если дело не улаживалось полюбовно, приравнивалось к убийству и влекло за собой кровную месть. Столкновения возникали в результате нарушения брачных правил - как экзогамных (например, у ногайцев - Гаджиева, 1979. С.60), так и эндогамных (например, у арабских кочевников - Burton, 1893. V.2. С.84; Daghestani. 1932. С.21; и др.), вследствие похищения невесты у ее родни по соглашению с ней самой или настоящего насильственного умыкания, которое нередко сопровождалось изнасилованием. Случались изнасилования и при грабительских набегах, в частности, в туарегских вожествах, где это, вопреки запрету рыцарственных ахагтаров, позволяли себе простолюдины-амтиды (Rodd, 1926. С.187).

Имущественные конфликты по большей части возникали из-за кражи чужого скота, и если стороны не приходили к соглашению, могли иметь далеко идущие последствия. Например, обиженная сторона прибегала к особому обычно-правовому институту, называвшемуся у казахов и киргизов барымта, широко практиковавшемуся и у других тюркских народов (и не только у них - у калмыков, народов Кавказа, племен Южного Ирана и т.д.) и известному в русской литературе как баранта, или барантование. Баранта заключалась в демонстративном захвате стада, реже другого имущества, как бы аресте этого имущества, чтобы принудить обидчиков выполнить положенное, включая сюда решение медиаторского суда (Небольсин, 1852. С.129; Левшин, 1832. Т.III. С.170 сл.; Зиманов, 1958. С.133-134; Иванов, 1961. С.100). Она требовала соблюдения определенных правил, например должна была происходить, по одним данным, только в дневное время, по другим - с обязательным объявлением о содеянном. В то же время баранта могла сопровождаться насилиями (скажем у казахов пастухов привязывали к деревьям, бросали в воду и т.д.), повлечь за собой ответную баранту и тогда она принимала новые формы, мало чем отличаясь от войны (Гродеков, 1689. Т.I. С.171; Толыбеков, 1971. С.360).

По общему правилу эти и им подобные конфликтные ситуации по-разному складывались внутри и за пределами политий, во внутригрупповой и межгрупповой среде. Правда, даже внутри определенной политии, в условиях сегментарной организации дифференцировать внутригрупповые и межгрупповые отношения не всегда просто. Групповая солидарность часто могла определяться только *ad hoc*. Скажем, если конфликт происходил в максимальном линидже, то выступали друг против друга большие линиджи, если в большом линидже, то малые линиджи и т.д. При этом чем уже был родственный или общинный коллектив, тем больше он был заинтересован во внутреннем мире. В самых узких коллекти-

вах - минимальных линиджах даже по большей части не существовало кровной мести или композиций, и главным фактором мира была сама солидарность. В коллективах пошире личная и групповая безопасность в той или иной мере обеспечивались либо кровной местью и композициями, либо с возникновением на стадии вождеств более или менее сильной публичной власти, штрафами и другими наказаниями. Менее всего личная и групповая безопасность могла быть обеспечена за пределами своей политики, хотя и в этом случае действовали такие сдерживающие факторы, как кровная месть или наличие могущественного покровителя.

3. Движимое имущество

Чаще всего объектом военных столкновений у кочевых скотоводов было их основное имущество - скот. Скот отчуждается настолько легко, а причины поправить свои дела за счет чужих стад настолько многочисленны, что взаимный грабеж скота у кочевников считался самым обычным и естественным делом. "Скот принадлежит лютому бурану и сильному врагу", - гласила казахская поговорка (Толыбеков, 1955. С.82).

Захват чужих стад предпринимался теми, кто терял свои собственные в результате засух, налетов саранчи, гололедов, снежных заносов (джутов), эпизоотий. Чужой скот воровали или грабили и тогда, когда не хватало своего, чтобы уплатить пеню за кровь, выкуп за невесту, устроить праздник по случаю обрезания сына и т.п. Сегодня одна группа кочевников поправляет свои дела за счет другой, завтра они нередко меняются местами. С этой точки зрения можно говорить о своего рода постоянном обмене скотом, однако не "вредном", как определяли его некоторые кочевники, в частности, казахских или арабских кочевников (Левшин, 1832. Ч.1. С.85; Doughty, I. С.345), а скорее необходимым, обусловленным экологически, нередко также и социально.

Подчас противопоставляют грабеж только скота, образец чего видят в арабском газу или в казахской либо киргизской барымте, другим грабежам, не столь избирательным и целенаправленным (Khazanov, 1984. С.156). Конструкция эта представляется бесспорной. Во время газу бедуинов на бедуинов грабили главным образом скот, но не только скот: не брезговали и оружием, утварью, съестными припасами, рабами (Васильев, 1982. С.39). Что касается барымты, то не следует смешивать уже известный вам обычно-правовой институт захвата в залог скота с грабительским набегом преимущественно (но также не исключительно) за скотом, хотя

они и обозначались одним и тем же термином. Во время барымты как грабительского набега, как и во время газу, захватывали все, что представляло ценность и могло быть захвачено (Рычков, 1772. С. 26; Паллас, 1773. Т.I. С.579-580; Валиханов, 1904. С.173; Вяткин, 1947. С.129; Абрамсон, 1971. С.163).

Предметом грабежей могли быть также полоняники, хотя, как правило, в меньшей степени, чем скот. Здесь, правда, у различных групп номадов не было единообразия, но у большинства их, в соответствии с ролью рабского труда в кочевом скотоводческом хозяйстве, дело обстояло именно так. Недаром имеется немало сообщений о том, что захваченных в плен, в особенности мужчин, кочевники убивали или адоптировали, т.е. поступали с ними так же, как это делалось в классической первобытности (Сокращенное сказание..., 1859. Ч.1. С.334; Куник, Розен, 1878. Ч.1. С.60; Путешествия в восточные страны..., 1957. С.32-33), или в скором времени превращали в вольноотпущенников (Аннинский, 1940. С.91; Вяткин, 1947. С.134-135; Першиц, 1961. С.102 сл.), или же, чаще всего, отпускали за выкуп либо продавали в земледельческие области (Федоров-Давыдов, 1966. С.221-222; Першиц, 1968. С.326; Агаджанов, 1973. С.120). Вероятно, играла свою роль степень социально-политического развития кочевых обществ, варьирувавшая от небольших вожеств до кочевых империй, и как производное от нее - количество захватываемых полоняников. В частности, очень широко практиковали захват полоняников монголы со времен Чингис-хана специально для того, чтобы отпустить их за выкуп (Jagchid, Symons, 1989. С.185). Тем более в кочевнических политических имелись достаточно веские причины если не устраивать специальные набеги за полоняниками, то захватывать их во время набегов вообще. Характерно такое приводимое Б.А. Ахмедовым свидетельство летописца Шайбини-хана - Рузбехана о том, что во время междоусобных походов среднеазиатских кочевых правителей не только захватывали скот и другое имущество, но и продавали в рабство полоняников. "Если кто отвергает (подобное), говоря: "Зачем же ты продаешь(в рабство) свой собственный народ?" - то на это удивляются и говорят: "Да этот человек на самом деле сумасшедший! Он брезгует военной добычей" (Ахмедов, 1965. С.86).

Известны примеры того, что в качестве основной добычи грабительских набегов рассматривались именно полоняники. Таковы были туркменские аламань на соседнее как кочевое, так и оседлое население, важнейшим объектом захвата в которых "были пленники (особенно пленницы) и скот" (Росляков, 1955. С.44). Еще более характерны в этом отношении рейды сахарских туарегов за

черными невольниками в Судан, где полоняники в большом количестве захватывались как для собственных нужд, так и собственнo для перепродажи. Напротив, при набегах туарегов на другие туарегские, тибусские и арабские пленена полоняников брали не всегда, а если брали, то скорее погуптно. По-видимому, грабежи специально для захвата полона были связаны с организацией крупномасштабной работорговли. Известно, что этим широко занимались туркменские ханы. Что касается туарегов, то, как мы уже знаем, они играли крупную роль в доставке суданских рабов на побережье Средиземного моря.

Если скот захватывали преимущественно в других кочевых племенах, а полоняников - как у других кочевников, так и у оседлого населения, то такое движимое имущество, как продукция земледелия и ремесла, добывалось главным образом у оседлых соседей. Практика подобных грабежей имела самое широкое распространение. Это и понятно: если кочевье не страдало от стихийных бедствий, то ему больше всего не хватало именно нескотоводческой продукции. Например, древние монголам, по Б.Я.Владимирцову, с первую голову не доставало "муки и оружия", а кроме того, всяких "предметов роскоши" и прежде всего тканей (Владимирцов, 1934. С.43). Прямые сообщения о военных набегах с целью захвата такого рода продукции имеются применительно к монгольским (Владимирцов, 1934. С.129), тибетским (Ekvall 1968. С.52-53), белуджским (Пикулин, 1959. С.29; Spooner, 1975. С.177), арабским (Burckhardt, 1831. С.234 ff.), туарегским (Lhotl, 1955. С.224) и другим кочевникам.

Захват скота и людей по существу не было сколько-нибудь прочной мирной альтернативы: даже уплата дани не гарантировала от грабежей. Иначе обстояло дело с насильственным отчуждением земледельческой и ремесленной продукции, которое заметно сокращалось там, где получал развитие мирный торговый обмен. Обменные связи между степью и оазисом, основанные на общественном разделении труда, завязались уже вместе с возникновением кочевого скотоводства и имели место на протяжении всей древности, средневековья и нового времени. Причем особенно нужны они были именно кочевникам, так как оседлое население в принципе могло довольствоваться своими собственными средствами к жизни.

У Великой Китайской стены где на протяжении двух тысячелетий кочевой мир соприкасался с Поднебесной империей, как правило, сами номады добывались пограничной торговли. Китайцы в зависимости от внешней политики тех или иных династий и им-

ператоров поощряли или запрещали эту торговлю, что вместе с некоторыми другими обстоятельствами в значительной степени влекло за собой войну или мир на границе (Jagchid, Symons, 1989. С.36). Так же обстояло дело в других областях оседло-кочевнических контактов. В.В.Бартольд даже высказал мысль, что монгольское завоевание Малой Азии было ускорено действиями хорезмшаха Мухаммеда, который перекрыл торговые пути из степей в Мавераннахр (Бартольд, 1963. Т.I. Ч.I. С.467-468). Когда в начале XVI в., по словам летописца, со стороны Шейбани-хана "временами следовали августейшие указы, чтобы жители Туркестана не общались с казахскими купцами, между ними и жителями тех городов не было взаимных посещений и не производились торговые сделки", кочевники учащали грабежи (Ахмедов, 1965. С.110). На Среднем и Ближнем Востоке, где кочевники были еще больше заинтересованы в обмене продукцией, их торговые связи в еще большей степени были фактором поддержания мира. Это показано применительно к кашкайцам (Garrod, 1946a. С.294), туарегам (Benhazera, 1908. С.68) и особенно детально - арабским кочевникам. У бедуинов ежегодное появление у городов и селений с целью обмена продукцией называлось мусабилла и считалось величайшим делом всего года. Рынки обменных операций были строго разграничены, из-за них могла вестись борьба, недостаточная покладистость оседлых партнеров также могла послужить причиной вооруженных столкновений. Так, Кувейт считался торговой вотчиной мутайр, недждских субаа, хавазим, северных аджман, восточных харб и части шаммаров. Большая часть шаммаров вела обманный торг в оазисах Джебель Шаммара, а после падения этого эмирата и своей эмиграции в Ирак - в городах и селениях по среднему течению Евфрата. Здесь же собирались летом зафир и амарат, в то время как руала вначале приходили к Аль-Джауфу, а позднее - к Дамаску. Вельд Али и фукара являлись в Хейбар, атайба - в Аназу, субаи - в Хурму и т.д. и т.п. (Doughty, 1888. V.1. С.529; Guarmani, 1938. С.42; Philby, 1922. V.1. С.170; Dickson, 1951. С.49; Dickson, 1956. С.226 ff.).

Торговый обмен способствовал поддержанию мира, но гарантий мира он не был. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен дальше.

4. Земельные владения

Как мы видели, земельными владениями кочевников были пастбища с расположенными на них водными источниками, а нередко также обрабатываемые земли и караванные пути. Все это могло

быть объектом как военных действий, так и мирных контактов кочевых племен между собой и с их оседлыми соседями.

Свидетельства о порядках, относящихся к использованию номадами пастбищ и водоемов, очень разноречивы. С известной долей огрубления они подразделяются на три группы: пастбища - "ничья" земля, находящаяся в распоряжении всех кочевников; пастбища строго разграничены между определенными объединениями кочевников; пастбища - как общие, так и разграниченные владения. То же по большей части относится к расположенным на пастбищах водным источникам.

Вот несколько выразительных свидетельств первой группы. В конце прошлого века русский чиновник И.И.Гейер писал о казахах Сырдарьинской области: "... свободный сын степи, казах, не может еще усвоить себе священного значения межи. Он привык, что трава, вырастающая в степи, составляет общее достояние всех, имеющих скот" (Гейер, 1804. С.70). По данным Г.Е.Маркова, тогда же у хивинских туркмен "при обширности пастбищ и редком населении землепользование скотоводов в степи никем не регулировалось, и каждая кочевая группа пасла свой скот в тех местах, где было удобнее" (Марков, 1976. С.22 -226). Наконец, у бедуинов северо-западной Аравии, по свидетельству их бытописателя А.Жоссана, в начале нашего века "пастбища принадлежали всемномадам", хотя и с "преобладающим правом для племени, на территории которого они находились" (Jaussen, 1908. С.240; ср.; Stein, 1967.С.130).

Намного многочисленнее свидетельства второй группы. У тех же казахов и в тот же самый период, как утверждал другой современник, малейшее уклонение племени от пути, которым ходили его предки, уже "считается достаточным предлогом для войны" (Мак-Гахан, 1975. С.42). У бедуинов Северной Аравии каждая область "в ходе веков перешла в более или менее исключительную собственность того или иного племени, во владения которого без особого на то разрешения не рискнет вступить ни одно другое племя" (Wallin, 1854. С.122; ср. Tanisier, 1840. С.256). Аналогичные сообщения имеются по белуджам (Pehrson, 1966. С.8), арабским кочевникам Судана (Asad, 1970. С.13), северным сомалийцам (Lewis, 1955. С.331-332) и т.д.

Наконец, в третьей и, пожалуй, самой многочисленной группе свидетельств пастбища предстают как общее владение племени, более или менее постоянно разграниченное между его подразделениями. Это относится к монголам (Владимирцов, 1934 С.47, 56), опять-таки к казахам, у которых никто " не рискнет переступить отведенной для его рода межи" (Завадский-Краснопольский, 1874.

С.15), кашкайцам, пастбища которых ежегодно перераспределялись по внутриплеменным группам (Ullens de Schooten, 1956. С.90, 101, 102), бахтиарам, кочевавшим на земле, выделенной их родам (Трубецкой, 1963. С.167), большинству бедуинских племен Аравии и сопредельных арабских стран (Першиц, 1961. С.72), а также к ряду других кочевых обществ.

Противоречивость этих свидетельств может иметь под собой различные основания. В одних случаях не исключена неадекватность в воспроизведении полевой информации, в других могло сказываться неоднобразие принятых у разных групп кочевников обычно-правовых норм, что, в свою очередь, зависело от общей обеспеченности пастбищами, их состояния в разные годы и сезоны, размера племен и родов и т.п. Однако как бы ни характеризовалось пользование пастбищными землями в тех или иных сообществах, очень многие из последних сопровождаются упоминаниями о раздорах и столкновениях из-за этих земель.

Сведения об этом восходят уже к древности. У Сыма Цяня есть, вероятно, несколько гиперболизированный рассказ о том, как относился к земле первый шаньюй хунну Модэ (Маодунь). Соседние кочевники дунху, узнав о междоусобице у хунну и желая ею воспользоваться, потребовали себе у них лучшего коня. Старейшины хунну стали протестовать, но Модэ сказал: "Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него одного коня?" и отдал. Затем дунху потребовали одну из шаньюйских жен. Старейшины снова возмутились, но Модэ сказал: "Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него одну женщину?" и отдал. Тогда дунху потребовали себе полюсу брошенной пограничной земли. На это некоторое из старейшин сказали: "Это брошенная земля, ее можно отдать и можно не отдавать". Но Модэ возразил: "Земля - основа государства, разве можно отдавать ее!" и приказал всем, проявившим такое равнодушие, отрубить головы (Таскин, 1984. С.296). Подобным же образом обстояло дело у средневековых кочевников Евразии: так, по летописным данным, у печенегов и половцев шла острая борьба за передел пастбищ (Иванов, 1936. С.14). У кочевых узбеков самовольное пользование чужими пастбищами нередко вело к войне (Ахмедов, 1965. С.91). В новое время у киргизов "война происходила больше всего из-за пастбищных мест" (Семенов, 1911. С.21), а у казахов из-за пастбищ "никогда не было мира" (Павлов, 1910. С.5). Борьба за лучшие пастбища шла и у туркменских племен (Марков, 1978. С.224). На Ближнем Востоке арабским бедуинам уже в древности приходилось защищать хорошие пастбища, а в новое время из-за них про-

исходили постоянные конфликты и велись войны. Нарушить границы чужой пастбищной территории, по абсолютно преобладающим сообщениям, можно было только с разрешения ее владельцев, которое обычно давалось лишь дружественным племенам, в определенные сезоны или в случае стихийных бедствий, а также там, кто просил покровительства или платил за выпас особую компенсацию (Jacob, 1897. С.211-212, Burckhardt, 1831. С.118, Raswan, 1930. С.494, Braaunlich, 1933. С.104, El-Aref, 1938. С.123).

На отгонные пастбища и поля своих оседлых соседей номады, как правило, не протанцевали, хотя почти повсеместно пользовались ими, прикочевывая к селениям и городам для торговых операций. Здесь имел место своего рода обмен деятельностью. Кочевники выпасали скот на стерне, или на полях, оставленных под паром, которые зато обильно удабривались навозом. Подчас это даже способствовало смягчению напряженности и установлению добрососедских отношений между кочевым и оседлым населением (Першиц, 1961. С.31; Дигар, 1989. С.40).

Так же, как и с пастбищами, обстояло дело с расположенными на них водоемами - и теми, что находились в коллективном, и теми, что были в частном владении. Право пользования ими в зависимости от обстоятельств могло быть преимущественным или исключительным, но, как правило, оно строго фиксировалось, в том числе тамгами владельцев. Нарушение этих прав вопреки существовавшим обычаям, например, у кочевников Аравии, Сирии, Киренаики, Мавритании, влекло за собой те же последствия, что и нарушение прав на пастбищные территории (Burckhardt, 1831. С.185; Cole, 1975. С.30; Evans-Pritchard, 1949. С.36; Stewart, 1973. С.382).

Мотивом для военных столкновений могли быть также посягательства на принадлежавшие номадам обрабатываемые земли. Такие столкновения не всегда были ожесточенными, например, если они возникали из-за нерегулярных богарных посевов, практиковавшихся сахарскими туарегами в увлажненных руслах дождевых потоков, казахами на зимниках и т.п. Но они могли принимать характер кровопролитных войн, если дело касалось ценных, в особенности орошаемых, земель в оазисах, что имело место, например, у тех же туарегов, арабских бедуинов или пуштунов (Duveyrier, 1864. С.372; Philby, 1922. V.2. С.164; Рейснер, 1954. С.92).

Там, где через земли кочевников проходили караванные пути, именно они могли стать главным яблоком раздора между племенами или между кочевыми и оседлыми правителями. Показательно в этом отношении положение в Северной Аравии и Сирийской пустыне, где шла борьба за путевую пошлину не только с торгов-

цев, но и с многочисленных паломников. На протяжении XVIII и XIX веков турецкие власти не раз пытались прекратить уплату кочевникам этой пошлыны, но все их попытки оставались безуспешными. Так, например, когда в 1756 г. дамасский паша обезглавил явившихся к нему за пошлыной шейхов хиджазского племени харб, через короткое время 80-тысячное ополчение бедуинов разбило охрану очередного каравана и принудило турок возобновить выплату денег. Когда в 1897 г. те же харбские шейхи не получили своей пошлыны, они блокировали Медину и вызвали в ней жестокий голод (Niebuhr, 1780. V.2. С.179; Volney, 1796. V.2. С.134 ss.; Давлетшин, 1890. С.22). Сахарские туареги соперничали между собой и с тиббу за контроль за путями работорговли и торговали солью между Суданом и Северной Африкой (Капо-Рей, 1958. С.267). Существует мнение, что в Северной Африке, где караванные артерии играли не меньшую роль, чем в Юго-Западной Азии, борьба за них была истинной причиной многих войн, завоеваний и даже возникновения некоторых кочевнических государств (Khazanov, 1984. С.210).

5. Политическая гегемония

Одним из важнейших факторов войны или мира почти всегда была политическая гегемония в регионе. Кочевники боролись за нее как с другими кочевниками, так и с оседлым населением; позднее, в свою очередь, стремилось подчинить себе кочевников.

Борьба за политическую гегемонию между номадами принимала самые различные формы. Это было и соперничество из-за ключевых экономических ресурсов или стратегических позиций, и стремление увеличить размеры и мощь своих политических образований, и подчинение более слабых племен. Такая борьба велась во всех регионах кочевого скотоводства на всем протяжении их истории, имея своим результатом в одних случаях частично истребление или изгнание, частично же - инкорпорацию или ассимиляцию, в других - установление отношений господства-подчинения.

Держава хунну распространила свою власть на огромную территорию благодаря тому, что первый шаньюй Модэ "на востоке разбил дунху, на севере покорил динлинов и предков современных киргизов, а на западе прогнал юэчжи" (Таскин, 1973. С.5). Скифы в Северном Причерноморье одну часть киммерийцев вытеснили, другую же часть инкорпорировали в свой состав (Хазанов, 1975. С.207). В средние века в южнорусских степях печенеги уступили гегемонию теркам, торки - половцам (кипчакам), половцы - монголам. Даже в XIX в. в Казахстане до утверждения здесь русской

администрации правители-султаны захватывали чужие владения, расширяя сферу своей власти (Зиманов, 1958. С.190). И т.д. и т.п.

Не менее общеизвестны примеры установления между кочевыми племенами отношений господства-подчинения. Поэтому остановимся только на очень специфичной ситуации, когда возникновение таких отношений было связано с определенными формами разделения труда между различными группами скотоводов. Эта ситуация отчетливее всего выражена у арабских, сомалийских, туарегских кочевников.

У арабских бедуинов, как мы знаем, собственно кочевники-верблюдоводы в военном отношении были намного сильнее полукочевников-овцеводов. И если набеги первых из них друг на друга в принципе не давали им долговременных преимуществ, то их набеги на полукочевников, как правило, не грозили ответными набегами. Поэтому за беспрепятственную пастбу скота и защиту от грабежей со стороны других племен полуномадам приходилось платить постоянную дань номадам. Как писал один из наиболее компетентных полевых исследователей, "вплоть до конца первой мировой войны это еще относилось к большинству окраинных племен Сирийской и Месопотамской степи" (Oppenheim, 1939. С.23). И дело не всегда сводилось к одной дани. Доминирующие в данном районе племена получали "дополнительные подарки", "щедрое угощение" и всякого рода "помощь" (Burckhardt, 1831. С.157; Wallin, 1854. С.122). Местами, как, например, в Северо-восточной Аравии, зависимые племена были обязаны своим суверенам военной службой (Dickson, 1951. С.434, 444, 582). Понятно, что за таких зависимых данников между бедуинами шла борьба, в ходе которой сферы властвования отчасти менялись.

Так же обстояло дело у сомалийцев, у которых северные верблюдоводы подчинили себе южных полукочевников-саб, и во всей Северной Африке, где арабские верблюдоводческие племена в результате междоусобной борьбы установили гегемонию над определенными племенами арабских и берберских полукочевников, а туареги-ахаггары - над туарегами-амгидами. У последних ахаггеры в любое время могли получить от амгидов в безвозмездное временное пользование пастбища и скот, продовольствие во время совместных кочевек, ежегодную дань, долю от добычи в грабительских набегах и т.д. (Benhazera, 1908. С.139; Lhote, 1955. С.194; Nicolaisen, 1963 С.404).

Не меньшее, если не большее, распространение имела борьба за политическую гегемонию над оседлыми и полuosедлыми соседями. Претензии на нее, и часто не безуспешные, объяснялись

уже не - раз упоминавшимся военным превосходством номадов и соответственно трудностью (хотя отнюдь не невозможностью) ответных карательных экспедиций. Не случайно оседлые цивилизации, граничившие с крупными кочевническими массивами, обычно предпочитали оборонительную тактику, свидетельствами которой стали такие сооружения, как Великая Китайская стена или римский Пограничный вал в Северной Африка, Дербентская стена в Дагестане или линия валов и засек на границе со степью на Руси. Однако эти сооружения помогали далеко не всегда и не полностью. Северный Китай периодически в той или иной мере грабили все его кочевые соседи. То же можно сказать о русских, польских и литовских землях, оазисах Средней Азии, земледельческих областях Афганистана, Ирана, Арабского Востока и субсахарской Африки. Особенно долго продержалась подобная практика на Ближнем Востоке - в ряде стран до 1920-х годов, когда местные государства или европейская администрация, часто только с помощью авиации, установили эффективный контроль за такими аридными зонами, как Большой Нефуд или Сирийская пустыня (см., например: Montagne, 1932. С72; Oppenheim, 1952. С23).

Как всегда, слабейшая сторона или сторона, более заинтересованная в поддержании мира, чтобы избавиться от нападений и грабежей, соглашалась на уплату дани.

Дань с оседлых селений, оазисов и городов взималась самыми различными кочевническими политическими образованиями - от племен до империй. В Аравии даже одно из самых слабых бедуинских племен - фукара получало ежегодную дань с полуоседлого племени джухайна и с жителей городков Тайма и Аль-Ала, а более сильное племя хувайтат ибн джази - с полуоседлых племен шарарат, хамайда и джанабра, с селений Шубак, Наимат, Лиятна и Гур, с городков Маан, аль-Джауф и Тайма. Бедуинские племена боролись между собой за право взимания дани с полуоседлого и оседлого населения, устраивая настоящие сражения, деля между собой гегемонию и даже устанавливая нечто вроде кондоминиумов (Huber, 1891. С.485; Oppenheim, 1900. С.211, Sykes. 1907. С. 250, Musil, 1908. С.52 ff.; Jaussen, Savingnac, 1914. С.8,48). В Сахаре главы туарегских племен и вождей взимали дань с таких городов, как Гат, Гадамес, Ин-Салах, заставляя дорого платить за безопасность земледелия, ремесленной деятельности и особенно торговли. При этом одни вожества, как Кель Аджер, установили протекторат над Гатом и Гадамесом, а другие, как Кель Ахаггар, - над Ин-Салахом (Duveyrier, 1864. С.266, 273; Бернар, 1949. С.339). В Средней Азии казахские ханы время от времени облагали да-

ню сырдарьинские города (Левшин. 1832. Ч.2. С.80 сл.; Добромыслов, 1900. С.61-62). В южнорусских степях половцы получали дань с Судака и Тмутаракани, которые поэтому иногда даже назывались "команскими" городами (Федоров-Давыдов, 1973. С.77).

Тем более такие порядки устанавливались крупными древними и средневековыми кочевническими объединениями и государствами. На протяжении почти всей истории Скифского царства кочевые скифы держали в даннической зависимости земледельцев и горожан Северного Причерноморья, получая от них ремесленные изделия, съестные припасы и вспомогательные контингенты войск (Хазанов, 1975. С.154 сл.). Еще более обширные и выразительные сведения имеются о дани, взимавшейся хунну с Китая, Даваня, Хэсу и других земледельческих стран, откупавшихся от кочевых соседей главным образом земледельческой и ремесленной продукцией (Бичурин. 1950. Т.I. С.216, 218; Т.II. С.155, 161, 190 сл, 233; Таскин, 1968а. С.42, 45 сл.; Таскин, 1973. С.22, 64, 126). О положении, сложившемся в результате монгольского нашествия на русские земли, говорить не приходится - оно достаточно хорошо известно. "На Руси власть монголов свелась к сбору дани" (Федоров-Давыдов, 1973. С.26).

Борьба за подчинение оседлых областей могли иметь и намного дальше идущие последствия, нежели получение дани. Под напором соседних племен кочевники вторгались в земледельческие области, не только захватывая отгонные пастбища, но и превращали в пастбища обрабатываемые земли. Так было при монгольском нашествии в Северном Китае и Маньчжурии (Рашид ад-Дин, 1052. С.279; Владимирцов, 1934. С.125), Семиречье (Бартольд, 1963. Т.II. С.153). Ираке (Сюн, 1976. С.148), Кандагаре (Рейснер, 1954. С.31), при арабском завоевании Северной Африки (Julien, 19566. С.145) и т.д. Там, где сохранялись земледелие и земледельческое население, последнее нередко подвергалось феодальной эксплуатации (см., например: Barth, 1962. С.346; Першиц, 1961. С.137 о Передней Азии; Рейснер, 1954. С.110, 146 об Афганистане). При этом арабские шейхи, монгольские нойоны, тюркские ханы зачастую основывали новые правящие династии и воцарялись как над кочевым, так и над оседлым населением (Rosenfeld, 1965; Lattimor, 1951; Fernea, 1970).

Однако было бы неверным считать, что в борьбе за политическую гегемонию кочевники всегда были активной, а оседлое население пассивной стороной. Уже в древности и в эпоху расцвета кочевничества - в средневековые земледельческие цивилизации нередко переходили в контрнаступление и ограничивали свою ко-

чевую периферию в ее грабительских аппетитах или даже подчиняя ее себе совсем. В I в. н.э. в правление китайского императора Гуан-у южные хунну изъявили покорность, а северные прислали просить о мире. Советники императора говорили ему: "Сейчас у варваров люди и скот умирают от болезней, засухи, и саранча оголила землю, болезни и трудности подорвали силу варваров, они стали слабее одного округа в Срединном государстве... Прикажите известным военачальникам выступить к укрепленной линии, объявите о щедрых наградах за переход на Вашу сторону, подучите Гаоцзюйли, ухуней и сяньбийцев напасть на сюнну с Востока, пошлите цянов и хусцев... напасть на них с запада, и если Вы поступите так, не пройдет и нескольких лет, как северные варвары будут уничтожены" (Таскин, 1973. С.149).

Сходная ситуация всегда возникала тогда и там, где баланс сил складывался не в пользу кочевников или был переменным - на границах римских владений в Африке или Восточной Римской империи, сасанидского Ирана или Мавераннахра, России и т.д. Правители оседлых государств стремились подчинить себе кочевые племена, в одних случаях ослабляя их междоусобными войнами или используя одних против других (в частности, расселяя их на своих границах в качестве охранных отрядов), в других - взимая с них дань или включая их земли в свои владения с последующим обложением фиксированными податями. При этом существенное значение играла относительная сила и степень централизации того или иного государства. В древнем и средневековом Китае, в Средней и Малой Азии, в Иране, Афганистане и Индии, в древней Руси в отношении кочевых племен чаще всего применялась политика "разделяй и властвуй" с использованием этих племен в качестве военной силы, пограничных отрядов и т.п. (см.: Jagchid, Symons, 1989. С.56, 115; Бартольд, 1963. Т.I. С.413, 445; Плетнева, 1958. С.218-219; Брегель, 1961. С.179; Рейснер, 1954. С.54-55). Поскольку вожди кочевых племен в этих случаях очень часто превращались в один из слоев господствующего класса (например, в Северной Африке, Иране, Афганистане - Julien, 1956b. С.118; Петрушевский, 1949. С.312 сл.; Рейснер, 1954. С.63), или даже обычной бюрократии (например, в Маньчжурской империи - Ширендыб, 1975. С.230; Козлов, 1947. С.172-173), центральные власти провоцировали также конфликты между кочевым и оседлым населением. Различные стадии и вариации борьбы оседлых и кочевых правителей за политическую гегемонию хорошо видны в одном из последних обширных очагов сосуществования оседлости и номадизма - во внутренней Аравии.

Уже в первом Саудовском государстве, просуществовавшем с середины XVIII по первые десятилетия XIX в., неждские эмиры санкционировали традиционную власть бедуинских шейхов, но стали взимать установленную исламом подать-закят в том числе и с кочевых племен, обязали их воинской службой и запретили грабительские набеги. Однако племенная оппозиция и межплеменные столкновения сохранялись, а во втором Саудовском государстве (вторая половина XIX в.) даже усилились из-за подстрекательства соперничающих ветвей Саудидов. И только в возникшем уже в нашем веке третьем Саудовском государстве такие эффективные меры, как поселение части кочевников в земледельческих колониях, усиленная фундаменталистско-религиозная пропаганда и привлечение на свою сторону ряда сильных бедуинских шейхов, а затем также применение новейшей военной техники, позволили Саудидам превратить непокорных бедуинов в обычных подданных (Першиц, 1961. С.182 сл; Васильев, 1982. С.119 сл, 190 сл, 289 сл.).

В обстановке борьбы за политическую гегемонию мирные отношения как между кочевыми племенами, так и между кочевым и оседлым населением обычно были только временным явлением. Они либо существовали до тех пор, пока сохранялось относительное равновесие сил, либо устанавливались как результат подчинения одной части населения другой на условиях, о которых мы говорили выше. Более или менее длительный мир мог возникнуть также в границах сильных государств, например, кочевых империй, но подлинно прочный - лишь в системе таких централизованных государств нового и новейшего времени, каким была, скажем, Российская империя. Впрочем, здесь уже не было и самой борьбы кочевников за политическую гегемонию. Это и понятно. Военная активность кочевых политий зависела от их силы, а последняя находилась в обратной зависимости от уровня государственной централизации. Такая связь хорошо изучена, например, у племен Ирана (Lambton, 1977; Garthwaite, 1983).

6. Причины кочевнических нашествий

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о причинах кочевнических нашествий, под которыми понимаются экспатриация и широкая экспансия кочевников. Вопрос этот встал давно и поначалу выделился главным образом в две экологические теории.

Согласно одной из них, восходящей уже к Ибн Халдуну, далеко идущие военные предприятия кочевников объяснялись недостаточностью пастбищ для возросшего поголовья стад (Ibn Kraldoun,

1958. Pt.1. С.177 ss.; Pt.2. С.386 ss.). Представляющаяся самоочевидной, эта теория затем не раз фигурировала в литературе, причем ее чисто экологическое объяснение (избыток скота) затем было дополнено демографическим (избыток людей). В таком виде оно было воспроизведено Марксом (Соч. Т.8. С.568) в его известном высказывании о причинах великого переселения народов. "Давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира... То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и средневековой Европы". Понятно, что эту теорию не следует абсолютизировать. У одних кочевников сохранялся большой земельный простор (см., например: Григорьев, 1904. С.59 о номадах Южной Сибири; Шевченко-Красногорский, 1910. С.175, о туркменах), у других - меньший, из-за чего они действительно обращались к военной экспансии (например, арабийские бедуины аназа, в конце XVIII - начале XIX в. вытеснившие сперва в Сирийскую пустыню, а затем в Верхнюю Месопотамию другое бедуинское объединение - шаммаров - Boucheman, 1934. С.22; Montagne, 1932. С.167; Oppenheim, 1939. С.68 ff.). К тому же действовали определенные механизмы поддержания равновесия между средой и ее обитателями: например, продажа кочевниками значительной части скота, когда возникала угроза перегрузки пастбищ. Но в целом изложенная точка зрения подтверждается тем фактом, что даже в очень большой временной перспективе при экстенсивном скотоводстве кочевников поголовье их стад в пределах определенной территории оставалось стабильным. Так, у хунну на территории современной Монголии на душу населения приходилось в среднем 19 голов скота, а у монголов в 1918 г. - около 18 голов (Таскин, 1968а. С.41 сл.). Изложенная теория сохраняет авторитетных приверженцев в науке (Barth, 1964. С.113 ff.; Planhol, 1968. С.15, Roth, 1986. С.63 ff.).

Если адепты этой экологической (или эколого-демографической) теории видят источник экспансии номадов в их процветании, то сторонники противоположной экологической теории - в их бедствиях. Согласно этой точке зрения, крупнейшие миграции, а вместе с ними и завоевательные войны номадов, подчас принимавшие характер цепной реакции, вызывались длительными засухами в степях и полупустынях из-за резких климатических изменений если не плане-

тарного, то субпланетарного масштаба. Начало ей положили на рубеже нашего века, по-видимому, независимо друг от друга немецкий историк (для Передней Азии) и швейцарский географ В.Брюкнер (для Евразии). У последнего, привлечшего данные естественных наук, она выглядела более убедительной. Сбрав и сопоставив метеорологические, гидрографические и другие сведения за ряд столетий, он пришел к выводу, что в послеледниковой Евразии обнаруживаются периодические колебания климата, особенно дающие себя знать в ее континентальных областях. Им были выделены два таких цикла - 35-летний и более высокого порядка - в 4,5 столетия, с которым он связал массовые передвижения азиатских кочевников (последняя работа: Bruckner, 1890). Близкие величины были получены русским ученым М.Боголеповым на основе сообщений русских и западноевропейских летописей о засухах, голодовках и вторжениях кочевых орд (Боголепов, 1907; Боголепов, 1908). Опираясь на эти выводы, географ П.А.Тутковский следующим образом сопоставил вековые минимумы осадков, а тем самым и засухи с варварскими, главным образом кочевническими нашествиями (Тутковский, 1915. С.37): II в. до н.э. - готы, III в. н.э. - гунны, VIII в. н.э. - венгры, XII в. н.э. - татаро-монголы. То же прослеживается на Ближнем Востоке: III в. н.э. - основание бедуинами у границ Византии и Ирана княжеств Гасанидов и Лакмидов, VII-VIII вв. - экспансионистская активность арабских племен в сопредельных странах Азии и Африки, XI в. - вторжение бедуинов в Северную Африку, и т.д. (Hitti, 1955. С.81 et al).

Ситуация, при которой в неблагоприятных природных условиях в занятых кочевниками экологических нишах относительный мир сменялся военной активностью, может быть смоделирована на основе того, что известно о грабительских набегах кочевников в новое время. Так, у бедуинов Аравии и сопредельных арабских стран такие набеги часто вызывались именно экстремальными природными условиями, так как дожди выпадали неравномерно не только во времени, но и в пространстве. Поэтому племена, из-за засухи терявшие скот, вынуждены были грабить другие племена, оказавшиеся в более благоприятных условиях (см., например: Montagne, 1947. С.80). У кочевых племен Южного Ирана набеги и грабежи обычно шире распространялись в тяжелые для кочевников летние месяцы, когда в связи с засухами выгорала трава на пастбищах и продукция скотоводства резко сокращалась (Иванов, 1961. С.96). Напротив, набеги кочевых узбеков и казахов на земледельческие области Средней Азии совершались, как правило, в зимние месяцы, когда из-за гололедицы и снежных заносов не

хватало кормов для скота и номады испытывали хозяйственные трудности (Ахмедов, 1965. С.82).

Теория экологических бедствий как фактора кочевнических нашествий (хотя и не обязательно в форме цикличности таких бедствий, которую нельзя считать доказанной) получила очень широкое распространение. Американский энвиронменталист Э.Хантингтон развил взгляд, по которому "большинство вторжений кочевников в Европу в ранний период христианской эры может быть поставлено в связь с возрастанием сухости" (Huntington, 1940. С.507). То же мнение было высказано А.Тойнби (1935. V.5. С.15). Итальянский востоковед Д.Каэтани (Caetani, 1911. V.1. С.396 seg.) создал схему последовательных выселений семитских народов из Аравии вследствие изменений в ней климатических условий.

В литературе, в том числе и отечественной, прошла длительная полемика о том, высыхает ли Срединная Азия и если высыхает, то как - непрерывно или циклично (библиография основных работ: Мурзаев, 1952. С.184; Гумилев, 1970. С.88 сл.; Златкин, 1971. С.131; Khazanov, 1984. С.87 ff.). В недавнее время активный сторонник этой теории Л.Я. Гумилев, развивая некоторые мысли Г.Е. Грумм-Гржимайло и В.Н. Абросова, заметно ее усовершенствовал. Он, видимо, правильно заключил, что развитию кочевого хозяйства и быта способствуют - каждое по своему - и усыхание, и увлажнение аридной зоны. А стало быть, нашествия номадов в одних случаях были результатом высокого потенциала их обществ (так, Монголия не могла бы стать гегемоном множества стран Евразии, если бы в XII в. располагалась в бесплодной пустыне), в других же - следствием усыхания, пришедшей в степь беды (результатом чего было, например, стихийное переселение калмыков в низовья Волги в XVII в. (Гумилев, 1966а; Гумилев, 1966а; Гумилев, 1966в; Гумилев, 1967)).

Между тем внимание исследователей привлекали и другие возможные причины кочевнических нашествий. Так, арабские завоевания объясняли поисками военной добычи и преимуществами приспособленной для этого военной организации, религиозным энтузиазмом в сочетании со слабостью покоряемых государств, оскудением из-за упадка транзитной торговли и поэтому опять-таки поисками добычи и т.д. (см.: Donner, 1981. С.3 ff.). Наконец, в 1957 г. немецкий арабист К.В.Бутцер впервые предложил комплексное решение вопроса: первоначальный стимул к нашествию дают изменения в экологии, но затем начинают действовать другие - социальные и политические - факторы, которые и становятся непосредственной причиной поисков кочевниками "обетованной земли"

(Butzer. 1957. С. 367 ff.). Именно с таких позиций А.М.Хазанов обстоятельно показал причины монгольских завоеваний. Экологическая ситуация играла свою роль, но обуславливала нашествие не прямо. Относительное перенасыщение страны скотом и людьми вызывало борьбу за пастбища и необходимость упорядочить кочевание. Это усиливало тенденцию к социальной стратификации и политической централизации, что в условиях кочевого общества требовало также и усиления внешнеэксплуататорской деятельности и в конечном итоге - завоевания (Khazanov, 1980). Дальше пошел Ф.Доннер, который в своем исследовании причин ранних арабских завоеваний свел их к одним социальным условиям: процессам политогенеза, требовавшим от правящей исламской верхушки распространения своей гегемонии за пределы Аравии и интеграции кочевого и оседлого населения, а также к торговым интересам, потенциалу новой идеологии, интересам самих кочевников (Donner, 1981. С.251 ff., 268 ff.). Эколого-демографические факторы Доннер полностью отвергает, считая, что Аравия во времена возникновения ислама располагала хорошими ресурсами; между тем, как мы видели, начальный толчок мог быть дан не только кризисом, во и процветанием. Видимо, все же ближе к истине комплексный подход к вопросу, хотя в разных конкретно-исторических условиях могли преобладать разные как экологические, так и социальные причины нашествий. Для понимания причин успеха завоеваний важен также учет баланса противоборствующих сил. Недаром римские владения в Африке на протяжении всего своего существования успешно противостояли натиску кочевников, ослабленной Восточной Римской империи или Ирану это удавалось намного хуже, а раздробленной Руси в случае с татарами-монголами не удалось совсем.

IV

ВИДЫ ВОЙНЫ И СПОСОБЫ ПОДДЕРЖАНИЯ МИРА

1. Постановка проблемы

Рассмотренные в предыдущем разделе факторы войны и мира отчасти облегчают характеристику конкретных видов и проявле-

ний этой оппозиции в обществах кочевников. В то же время здесь не избежать некоторых повторений, так как виды военных действий или их мирное урегулирование в ряде случаев неотделимы от их причин. Но прежде всего надо коротко сказать о принятой нами классификации войн.

В этнологической литературе часто различают, во-первых, кровную, или родовую, месть и войну, во-вторых, вооруженный конфликт, военное столкновение, войну и т.п. и "настоящую войну", или "собственно войну" (см., например: Otterbein, 1973; Nettlship, 1975; Першиц, 1986).

В первом случае под родовой местью обычно понимают вооруженное столкновение между родственными группами внутри территориального объединения, политической общности и т. п., под войной - вооруженное столкновение между такими объединениями или общностями. К кочевникам, у которых даже многие территориально-политические общности продолжают рассматриваться как родственные структуры, такое различие применимо далеко не всегда. В то же время не всякая родовая месть может рассматриваться как война. Это не война, если месть упорядочена таким образом, что на каждой стадии развертывания конфликта право мщения принадлежит лишь одному определенному человеку, а часто также и по отношению только к одному определенному человеку, т.е. если коллективный вооруженный конфликт исключен. Но это война, если в вооруженный конфликт так или иначе втянуты не два индивидуума, а две группы и если месть действительно приводит к вооруженным коллективным столкновениям. Таким образом, хотя вопрос остается спорным, мы склонны дифференцировать коллективный и индивидуальный образ действий в кровной, или родовой, мести и применительно к первому из них вслед за К.-Ф.Кохом считать, что терминологическое различие мести и войны маскирует их сущностное сходство (Koch, 1974). Иначе говоря, не считая всякую родовую месть войной, мы останавливаемся здесь на такой родовой мести, которую рассматриваем как войну.

Во втором случае эпизодические и немногочисленные вооруженные столкновения противопоставляют организованным массовым "собственно войнам", которые к тому же часто связывают с деятельностью складывающихся или сложившихся политических образований. Эта точка зрения распространена в советской науке и не только в ней. Немного дальше мы увидим, что она не лишена оснований, хотя и до начала классово-политогенеза вооруженные столкновения часто были далеко не эпизодичны и сплошь и рядом принимали массовый характер. Что касается именно кочевниче-

ских войн, то нам известна только одна попытка их теоретической дифференциации: С.А.Плетнева различила "нашествия" на стадии постоянного кочевания, "набеги" на стадии полукочевничества и полuosедлости и "войны" на стадии практически полной оседлости. Классификация мотивирована тем, что на первой стадии преимущественное значение имели пастбища и в поход шло все население, на второй в поход шли только воины за добычей, на третьей же вместе с политической организацией появились войны за политическое господство (Плетнева, 1982. С.14, 39, 80). Рациональное зерно этой схемы в том, что нашествия действительно совершались всем населением, а походы - одними воинами (см.: Кун, 1947. С.27 сл.). Но соотношение ее с формами ("стадиями") кочевничества не соответствует фактам. Мы уже видели, что кочевникам требовались как пастбища, так и добыча, полукочевники по мере сил стремились к тому же, а за господство боролись не только уже осевшие номады.

На деле в кочевнических войнах, помимо войнообразной родовой мести, можно различить только грабительские набеги и, условно говоря, "настоящие войны", или для краткости, просто войны. Основных различий между набегами и войнами два. Первое: набег совершается ради добычи, война ведется из-за территории и (или) власти над ее обитателями (с предклассового времени и то, и другое - атрибуты политий, откуда связь войны с классополитогенезом). Второе: набег совершается по возможности скрытно, война не обходится без того, чтобы нападающая сторона не померилась силой с врагом в открытом сражении, так как без этого трудно достигнуть поставленной цели. Конечно, эти различия не следует абсолютизировать. Грабеж в набегах временами мог приобретать такой размах, что его последствия не уступали последствиям войны, а непрерывные изнурительные набеги подчас давали не меньший эффект, чем решительное сражение. Но по большей части указанные различия все же дают необходимые ориентиры для проводимой здесь дифференциации.

Итак, применительно ко всем видам коллективных вооруженных конфликтов мы будем пользоваться обобщающим понятием-термином "война" и в то же время различать такие ее особые виды, как войнообразная родовая месть, грабительский набег и "настоящая война", или просто война.

2. Родовая месть как война

Обычаи, связанные с родовой местью, нередко различались даже у соседних племен одного народа, но в них имелась существен-

ная для нас закономерность. Чем шире был круг людей, вступивших в отношения кровничества, и чем реже были контакты между общностями, к которым принадлежали кровники, тем больше было сходство между родовой местью и войной.

Характерны в этом отношении бедуины Киренаики, исследование сегментарной организации которых показало, как различные порядки кровомщения на разных ее структурных уровнях. Начиная с уровня малого линиджа состояние родовой мести рассматривалось как обычное состояние, не требующее умиротворения. Это своего рода образ жизни, не имевший ни памятного начала, ни конца; если между малыми линиджами была кровь, то их члены убивали друг друга просто потому, что они принадлежат к своим линиджам. Другое дело, если возникала кровь между минимальными линиджами в пределах малого линиджа. В этом случае состояние враждебности должно было быть так или иначе устранено: виновный мог удалиться в добровольное или вынужденное изгнание, с ним могли расправиться, он и его близкие могли уплатить возмещение за кровь, но мир должен был быть восстановлен (Peters, 1967. С.265 ff.; ср.: Musil, 1928. С.494).

По-видимому, можно говорить и о другой закономерности, состоящей в том, что в осуществлении родовой мести часто выделялись два периода - почти не регламентированных и регламентированных действий. У бедуинов Передней Азии первый период охватывал три дня и назывался "временем кипения крови". Это было время, когда разрешалось в состоянии аффекта уничтожить всю родню убийцы и все ее имущество; бывало, что в деле принимали участие шейхи, и тогда род шел на род и племя на племя. По обычному праву, ограничений почти не было - разве что не разрешалось убивать спящего, так как считалось, что душа его отсутствует; по шариату, кроме того, полагалось считаться со священными местами и четырьмя священными месяцами (Jaussen, 1908. С.220-221; Hardy, 1963. С.17 ff.).

Родовая месть как война известна и у других народов. У туарегов, если во время грабительского набега допускались вопиюще противоправные действия, например, изнасилование женщины, то и реакция подчас принимала нерегламентированный характер, становясь делом стихийной мести не только ближайшей родни обиженных, но и гораздо более широкой группы (Rodd, 1926. С.187). То же отмечено у кашкайцев (Douglas, 1952. С.156). У всех племен Фарса, по некоторым сообщениям, даже в XX в. при не только преднамеренных, но и неумышленных убийствах все члены семьи, родовой группы, а то и племени убитого видели дело чести

в том, чтобы убить виновного или кого-нибудь из его родственников; это приводило к "целой серии ответных убийств и постоянной вражде между семьями и целыми племенами" (Иванов, 1961. С.111). У казахов "весь род считает себя обязанным мстить в случае тайного увоза девицы киргизом другого рода или при угоне значительного количества скота, хотя бы принадлежащего только одному лицу, но пользующемуся почетом между сородичами. Так же точно "оскорбления не только почетного члена, но всякого киргиза, учиненные толпою, вызывают вооруженную защиту и месть всего народа" (Гродеков, 1889. С.142).

Такого рода сообщения позволяют согласиться с мнением В.Я.Владимирцова (С.53), что "Сокровенное сказание" сохранило ряд свидетельств о неограниченной родовой мести у древних монголов. Например, родичи погубленного татарами Амбагая бились с ними 13 раз, но так и не сочли себя отомщенными; Чингис-хан, одолев татар, "в отмщение и воздаяние за дедов" истребил всех, кто ростом был выше тележной чеки; Чжамуха за смерть своего младшего брата пошел на Чингис-хана войной и т.д. (Козин, 1941. §§ 53, 58, 112, 154).

Сплошь и рядом принимала родовая месть неупорядоченный, стихийный характер в тех случаях, когда рядовой кочевник убивал или увечил кого-либо из членов могущественного правящего дома. Тогда бывало, что родня жертвы и все его племя буквально шли войной на близких обидчика, не только устраивая резню, но и уничтожая и грабя их имущество. У племен Фарса в этих случаях не ограничивались убийством виновного и разграблением его имущества, но и грабили имущество всей его родни и даже племени (Иванов, 1961. С.111). В новой истории Северной Африки известны случаи, когда в результате таких инцидентов погибали или прекращали свое самостоятельное существование целые родовые подразделения (Briggs, 1958. С.104).

В противоположном направлении действовали различные механизмы ограничения родовой мести и в конечном итоге примирения сторон.

Во всех кочевых обществах состав мстителей и ответчиков за кровь теоретически ограничивался относительно близкой родней, хотя, как мы видели, возможен был и выход за ее круг. В частности, у арабских бедуинов таким кругом были хамсати - родственники не далее чем пятой степени родства, т.е. патронимия первой степени по терминологии советской, или минимальный патрилиджд по терминологии западной литературы. В некоторых племенах этот круг расширялся до группы родственников шестой сте-

пени родства, в некоторых сужался до группы родственников четвертой степени; бывало и так, что круг мстителей был несколько шире круга жертв. Кроме того, внутри групп мстителей и ответчиков имела своя иерархия первоочередных мстителей и жертв. Но с иерархией этой считались не всегда, и обычно убийца, если он был рядовым кочевником и к тому же принадлежал к заурядному племени, вместе со всеми своими хамсати бежал под покровительство какого-нибудь могущественного шейха, оставаясь там до тех пор, пока посредники вели переговоры о примирении (Burckhardt, 1831. С.121, 251; Daghestani, 1932. С.201; Hess, 1938. С.90). Аналогичный порядок коллективной ответственности преимущественно членов младшей патронимии (родственников от третьей до пятой степени родства) существовал у племен южного Ирана, белуджей, брагуев и пуштунов (Трубецкой, 1966. С.132 сл.; Пикулин, 1967. С.113-114; Pehrson, Barth, 1966. С.100; Давыдов, 1969. С.165-166).

Ограничение кровной мести достигалось применением принципа талиона, возникшего в вавилонском праве, вошедшего в шариат, и со временем широко распространившегося в степях Афразии, установлением предельного срока мести (например, у казахов в XVIII в. - двух лет - Прошлое... Ч.I. С.186), но, главное, по - всеместным установлением материального возмещения за кровь - композиций. По шариату, при умышленном деянии действовал принцип талиона, при неумышленном - принцип материального возмещения, но на деле все зависело от консенсуса сторон.

Освящение композиций шариатом несомненно ускорило и усилило самостоятельное складывание этого обычно-правового института у широкого круга афразийских кочевников. Правда, установленный шариатом размер композиций (100 верблюдов за убийство) видоизменялся в зависимости от местных условий. Так, у бедуинов Северной Аравии в XIX в. обычно платили 50 верблюдов за убийство в своем и 7 верблюдов - в чужом племени и, кроме того, так называемую сулу, в которую в зависимости от обычаев племени входили лошадь, беговой верблюд, охотничья собака, ловчий сокол, рабы, оружие и нередко 1-2 девушки, чтобы они родили "замену" убитому (Першиц, 1961. С.78). У туарегов в XIX в. пеня за убийство составляла 100 верблюдов (Nicolaisen, 1963. С.102), у казахов в XVIII в. - 100 лошадей, 2 верблюда и 1 раба (Прошлое... Ч.I. С.186). Пеня за увечье определялась в соответствии с его тяжестью: скажем, у тех же туарегов рука, нога, глаз оценивались в 25 верблюдов, ноготь - в 5 верблюдов. Как и при самой мести, при уплате композиций действовала групповая солидар-

ность: и платили, и получали выкуп не только заинтересованные семьи, но и их ближняя, а подчас и более дальняя родня (у белуджей - Пикулин, 1959. С.113; казахов - Рычков, 1772. С.25; и т.д.).

На улаживание конфликтов путем выплаты композиций обычно соглашались только люди равного социального статуса или нижестоящие по отношению к вышестоящим, но не наоборот. Поэтому, хотя, скажем, у казахов и была установлена семикратная пеня за ханскую кровь, когда один из батыров Средней орды убил хана Малой орды Абулхаира, он сам был убит сыном хана (Материалы..., 1948. С.204). В других кочевых обществах, как, например, у бедуинов Аравии, кровь членов аристократических фамилий с древности и до Нового времени вообще не имела цены и могла быть возмещена только кровью (Lammens, 1928. С.217, 220, 223; Burckhard, 1831. С.253; Jamali, 1934. С.28; и др.).

В процессуальном отношении примирение сторон могло достигаться двояко. Более ранняя форма - непосредственные переговоры между заинтересованными сторонами (процессуальная диада), более поздняя - переговоры через посредника, неофициального медиатора или официального судью либо главу родоплеменного подразделения (процессуальная триада). Однако даже в этом втором случае решение посредствующей инстанции, как правило, приводилось в исполнение самими потерпевшими. И только если преступление вело к серьезному нарушению общественного порядка и затрагивало интересы самой общественной верхушки, публичная власть могла применить собственные санкции в диапазоне от штрафов до телесных наказаний (Duveyrier, 1864. С.427-428; Bissuel, 1888. С.27-28; Ekvall, 1964. С.1123).

Примирение всегда происходило по определенному ритуалу. Поскольку принятия возмещения за кровь часто стыдились (у бедуинов это называлось "есть кровь своего сына" - Burton, 1893. V.2. С.103; Reihani, 1930. С.32; Hess, 1938. С.90), церемонии обычно обставляли с почетом для потерпевшей и с унижением для виновной стороны. Так, в племенах северо-западной Аравии кровник или его представитель ждали прощения на коленях, с непокрытой головой и шнуром от головного платка на шее (Jaussen, 1908. С.221).

3. Грабительские набеги

Наиболее распространенным видом военной активности кочевых скотоводов были грабительские набеги, с объектами и мотивами которых мы уже познакомились выше. Специфическими отличиями этого вида войны были, во-первых, захват движимого иму-

щества без претензий на недвижимое и, -во-вторых, стремление обойтись без кровопролития или малой кровью. Убийство в набеге могло повлечь за собой кровную месть и namного увеличивало вероятность ответного набега. Поэтому если не обходилось без схватки, то нападавшие часто старались лишь обезоружить или ранить противника (Irons, 1974. С.644 об иранских туркменах; Sykes, 1907. С.249 о бедуинах Аравии; Гаудио, 1985. С.40 о туарагах Сахары).

Грабительские набеги различались между собой по масштабам - прежде всего числу их участников и организации предприятия, дистанции рейда, времени года, а также принятым в той или иной среде социокультурным традициям. Со всем этим в известной степени могла быть связана и тактика набегов.

Широко практиковались мелкие набеги, совершавшиеся силами нескольких десятков всадников. Чаще всего это были ближние набеги, происходившие во всякое время года. грабили, что могли, но чаще всего скот. Из-за малочисленности грабителей особенно большое значение придавалось скрытности приближения, внезапности набега, стремлению избежать столкновения.

В крупных набегах принимало участие несколько сотен или даже тысяч всадников. Излюбленное время набегов по большей части зависело от цели грабежа. Так, племена, кочевавшие у северных границ Китая - от хунну до монголов, предпринимали дальние нападения на своих оседлых соседей лишь осенью, когда лошади отъедались, погода была прохладной, земледельческая продукция созревала, а женщины и дети работали на полях, не будучи защищены стенами (Jagchid, Symons, 1989. С.24). Напротив, аравийские и сирийские кочевники отправлялись в дальние походы за скотом преимущественно весной и летом, когда можно было захватить крупные стада верблюдов, собранные у водоемов. Зимой они совершали рейды лишь с целью угона овец, так как только в это время года можно было найти для них водопои на обратном пути (Orrenheim, 1952. С.139). Туареги же Сахары с ее особенно высокой аридностью любые дальние набеги имели возможность совершать только зимой (Rodd, 1926. С.128).

Дальние набеги часто предпочитали ближним, чтобы затруднить ответное нападение. Туареги грабили Судан и Тибести, проходя огромные расстояния с ничтожными запасами воды и фиников или же заранее устраивая тайные склады на пути (Lhote, 1955. С.370). Арабские кочевники, отмечал Й.-Л.Буркхардт, "иногда предпринимает экспедиции против врага, шатры которого находятся на расстоянии десяти или двадцати дней пути от их собст-

венных. Нередко аназа, стоящие лагерем в районе Хаурана, совершают набеги на район Мекки; или арабы зафир из района Багдада грабят аназа, стоящих в окрестностях Дамаска" (Burckhardt, 1831. С.111; ср.: Musil, 1908. С.369). Казахи предпочитали грабить скот не только в других родах, но и в других уездах (Гродеков, 1889. С.144). В такие набеги в степях брали с собой заводных лошадей, иногда также верблюдов, груженных водой, пищей и фуражам; в пустынях отправлялись на верблюдах, часто подвое на одном животном. Сидящие сзади считались помощниками, и назначение их было самым различным. В одних случаях они только стерегли верблюдов, пока активные участники нападения отгоняли скот, в других - сразу же захватывали и угоняли чужое стадо, в то время как их товарищи задерживали погоню. У бедуинов зимой и весной, когда по дороге можно было найти водопой, сидящие сзади нередко вели в поводу лошадей, чтобы пересечь на них в случае сражения или спастись бегством при провале всего предприятия (Doughty. 1888. V.I С.334, Hess, 1938. С.99).

Хотя отличительной чертой всех грабительских набегов было стремление захватить добычу, избежав кровопролитного сражения, естественно, что участники крупных военных предприятий опасались открытых столкновений меньше, чем участники мелких рейдов. Туркменские аламанщики, иногда собиравшиеся целым войском в 2-3 тыс. человек, избегали укрепленных городов с сильными гарнизонами, но могли ворваться в небольшой город через открытые в базарный день ворота или напасть на охраняемый караван (Росляков, 1955. С.46). Участники крупных казахских набегов также нападали на среднеазиатские города и русские пограничные пункты (Толыбеков, 1971. С.284). В Южном Иране даже в середине XX в., в период ослабления центральной власти, грабительские отряды из среды кашкайцев и других местных племен не опасались жандармерии и даже регулярных войск (Иванов, 1961. С.97-98).

Организатором мелкого набега мог быть любой опытный человек, более крупного - глава или признанный военачальник родоплеменного подразделения, например, казахский батыр, туркменский сердар, афганский сархан, арабский акыд и т.д. Вокруг них собирались добровольцы из разных родов и даже племен, но бывало и так, что для участия в крупных предприятиях объединялись группы кочевников каждая со своим предводителем во главе. Мелкий набег мог возникнуть спонтанно и самочинно, решение о крупном набеге нередко принималось советом старейшин или другим авторитетным органом (например, у туркмен или казахов -

Гродеков, 1883. Т.I. С. 56; Паллас, 1773. Т.I. С.579-580). Вероятно, такой порядок установился уже в глубокой древности. Лукиан Самосатский приводит такой ответ скифов одному из боспорцев, жаловавшемуся на скифских грабителей: "они не высылаются по общему решению, но каждый из них занимается грабежом на свой страх и риск ради прибыли; если кто-нибудь из них попадает, то ты сам властен наказать его" (Латышев, 1893. Вып. 3. С.558).

Организаторы набегов преследовали несколько целей. Первой из них было обогащение. У бедуинов военачальники выбирали первыми и, в зависимости от принятых в племени обычаев, получали при разделе добычи в одних случаях несколько долей рядовых участников набега, в других - десятую часть, четверть или треть захваченного, иногда - всех лошадей или беговых верблюдов. Больше обычных были также доли помощников предводителя и казначея, который вел строгий учет награбленного (Burchard, 1831. С.114, 240, 243-244; Doughty, 1888. V.I. С.251, 334; Jaussen, 1908. С.168). У туркмен "предводители аламанов получали двойную долю добычи по сравнению со всеми остальными участниками" (Брегель, 1961. С.157). У племен Южного Ирана доля предводителей, по разным данным, составляла от десятой до пятой части добычи (Иванов, 1961. С.87). У туарегов Сахары, по некоторым сообщениям, захваченную добычу распределяли вожди (Daumas, 1845. С.331).

Однако не меньшую, если не большую, роль, чем прямое обогащение, играло социальное продвижение умелых и удачливых организаторов грабительских набегов, коль скоро такие набеги имели огромное значение в жизни кочевнических обществ. Как показал В.Я.Владимирцов (1934. С.74-75), монгольские нойаны получали власть не в качестве старших в роде, а прежде всего как сильные и ловкие степные хищники, удальцы, багатуры. По С.М.Абрамзону (1971. С.166-167), киргизские военачальники-батыры, по началу обладавшие подлинной властью только во время военных действий, постепенно отеснили на задний план родовых старейшин. У туркмен "удачливые предводители аламанов высоко понимались в хивинском государстве, становились крупными сановниками, племенными вождями" (Росляков, 1955. С.49). У арабских кочевников многие шейхские и даже эмирские дома были основаны военачальниками-акыдами. Наиболее известен пример самого могущественного эмирского дома Сирийской пустыни в XIX - начале XX в. - Шааланов, родоначальником которых был прославленный акыд, сумевший занять место главного шейха сильнейшего из аназских племен - руюла (Musil, 1928. С.50).

Рядовых участников набегов также привлекали в них самые разные причины. Для обедневшего кочевника успешный набег был способом быстро поправить свои дела, к которому прибегали настолько охотно, что отдельные бедняки, не имевшие верхового животного или оружия, даже занимали их на издольных условиях. Например, у сахарских туарегов были люди, которые систематически снабжали неимущих участников набегов беговыми верблюдами или оружием, получая за это свою долю - абеллаг (Lhote, 1955. С.869,371). Сходный порядок существовал у туркмен: одна из иранских хроник рассказывает о салорской верхушке, что "туркмены (племен) теке, сарык, имрэли и алиэли приходят к ним, одалживают у них коней и оружие... и половину (добычи) отдают на их долю" (Иранские источники... С.227). То же зафиксировано у казахов (Вяткин, 1947. С.121).

Но и для рядовых участников набегов грабительские предприятия очень часто были делом не только материальной выгоды, но и социального престижа. Молодой человек, в особенности юноша, завоевывал себе этим признание и уважение окружающих, а зрелый воин поддерживал свой общественный статус. У северных сомалийцев военные набеги на галла даже имели своего рода ритуальный характер, будучи обязательным элементом инициаций при переходе в категорию воинов (Lewis, 1955. С.105). У бедуинов Аравии, Сирийской пустыни и Иракского междуречья юноша, не рекомендовавший себя должным образом в грабительских походах, рисковал не найти себе жены, а человеку, раз-другой уклонившемуся без достаточно веских причин от участия в таких походах, женщины могли в знак позора привязать к шатру черный флаг (Niebuhr, 1780. V.2. С.139; Burton, 1893. V.2. С.101, Musil, 1908. С.373). У кашкайцев также многие юноши не могли жениться, не совершив какого-нибудь дерзкого грабежа (Demorgny, 1913. С.93). У туарегов Сахары лишь участники грабежей могли привлечь к себе благосклонное внимание женщин - и как "настоящие мужчины", и как люди, имевшие возможность одарить своих подруг захваченными в набегах украшениями (Lhote, 1955. С.369). То же отмечено у туркмен (Гродеков, 1883. Т.I. С.49). У казахов до вхождения их Орд в состав Российской империи, а подчас и позднее только постоянный участник грабительских набегов мог рассчитывать на подлинный почет (Толыбеков, 1971. С.343).

И организация грабительских набегов, и участие в них имели еще один социальный аспект - снижение внутригрупповой напряженности. М.С.Иванов (1961. С.96-97), сталкивавшийся с кашкайскими грабежами в 1940-х годах, писал о них: "Недовольство ря-

довых кочевников и их материальные затруднения и нужды, особенно усиливавшиеся в неблагоприятные годы, племенная верхушка стремилась направить на путь грабежей и набегов... Таким путем ханы укрепляли свою власть и влияние среди рядовых кочевников, получали дополнительное средство их подчинения, а также использовали набеги и грабежи для своего обогащения". Некоторые исследователи даже видят основную сущность грабительских набегов кочевников в механизмах редистрибуции скота (Sweet, 1974. С.274 ff.; Bonte, 1977. С.46), или добычи вообще (Негря, 1981. С.103). Это, несомненно, преувеличение, но военный грабеж и в самом деле играл свою роль в перераспределении жизненных ресурсов не только между разными группами номадов (экологически-обусловленная сторона дела), но и внутри этих групп (его социальная сторона). Не случайно у лучше всего изученных в этом отношении туарегов Сахары и бедуинов Аравии, наряду с обычными малыми и большими грабительскими набегами существовали также ежегодные так называемые церемониальные, или ритуальные, набеги непременно под предводительством официального главы племени (Rodd, 1926. С.109; Sweet, 1971. С.280).

Обычаи, принятые в грабительских набегах, насколько можно судить по имеющимся данным, существенно различались в разных регионах кочевого скотоводства. Номады засушливого пояса Евразии в средствах не разбирались: не только захватывали скот, пленных и другую добычу, но и жгли поселения, уничтожали посевы, прибегали к обману и вероломству, не опасались убийств. Уже в хуннское время китайские сановники обращали внимание императора на то, что кочевники "не придерживаются правил приличия и не соблюдает данного слова" (Таскин, 1973. С.149). В одном из китайских источников рассказывается, что хунны, совершив набег на ухуаней, угнали в плен много женщин и детей и передали их родственникам, чтобы те приходили с выкупом. У явившихся забрали выкуп, а самих их не отпустили обратно (Таскин, 1984. С.297-298). Я.И.Гродеков, характеризуя туркменские аламы, особо подчеркивает доходящее до клятвопреступлений вероломство их участников (Гродеков, 1889. Т.1. С.49), а А.А.Росляков приводит типичные примеры их жестокости, в том числе и по отношению к старикам и старухам (Росляков, 1955. С.44-45). То же известно о крымско-татарских набегах на Россию, Литву и Польшу в XVI-XVII веках (Collins, 1975. С.8 ff.).

Менее однозначна картина грабительских набегов кочевых туарегов. Авторы второй половины XIX - начала XX в. отмечают, что во время нападений на кочевья и селения грабители не брали в

плен соотечественников-туарегов или арабов и даже отпускали их на свободу без выкупа; в соответствии с предписаниями шариата не портили пальм и посевов и не отравляли колодцев. В то же время они не обеспечивали неприкосновенности женщин, сдирали с них украшения и даже одежду. По мнению арабов, они не всегда надлежащим образом обеспечивали безопасность сдавшихся в плен и отдавшихся под их покровительство и, что еще важнее, - послов. Отмечается, что грабители-ахаггары более рыцарственны чем участвующие вместе с ними в набегах амгиды и высказывается предположение, что в прошлом, когда воинами были только ахаггары, порядки были благороднее и честнее (Rodd, 1926. С.187 ff., 236; Lhote, 1955. С.369 ss.).

Если сопоставить набеги сахарских туарегов с набегами аравийских бедуинов, то это предположение представляется не лишним основанием. Бедуины делали четкое различие между набегами на равных - такие же "благородные" бедуинские племена и другими набегами. Применительно к первым существовал своего рода кодекс чести. Не разрешалось нападать после полуночи и перед рассветом, хватывать верблюдов, принадлежащих гостям и остановившимся в кочевье торговцам или ремесленникам, забирать всех верблюдов, оставляя жертвы нападения без всяких средств к существованию, и т.д. Женщины и дети, а также сдавшиеся в плен и обратившиеся с соблюдением положенного ритуала к кому-нибудь из напавших с просьбой о покровительстве пользовались безусловной неприкосновенностью. По свидетельству одного из лучших знатоков бедуинского быта первой половины XX в. Х.Р.П.Диксона, известен только один случай нарушения бедуинами этого рыцарского кодекса: когда в 1920-х годах ваххабитские фанатики-ихваны совершали набеги на Ирак, Кувейт и Трансиорданию, они не останавливались перед истреблением женщин и детей (Dickson, 1951. С.347 ff.). Другое дело - ограбление не равных по общественному статусу, "неблагородных" - полукочевников, полuosедлых, оседлых, проходящие караваны. В отношении них эти правила (или по крайней мере многие из них) не имели силы (Swett, 1971. С.274, 280).

Чем объяснить такое различие характера набегов в двух крупнейших массивах кочевого скотоводства? Едва ли только причинами социального порядка: описанного кодекса придерживались не отдельные "рыцари", а целые верблюдоводческие (причем именно верблюдоводческие) племена. Скорее всего причину следует искать в экстремальной экологии пустынь и полупустынь, условиях существования в которых требовали особых приспособительных обычно-правовых механизмов. Какую-то роль могли играть и от-

дельные гуманные нормы ислама (возникшего, кстати сказать, по соседству с пустыней). Но вряд ли эта роль была велика: арабские бедуины до второго десятилетия нашего века были не лучшими, если не худшими мусульманами, чем туркмены или казахи.

По имеющимся данным о туарегах и особенно о бедуинах, у которых грабительские набеги совершались вплоть до XX в. и описаны профессиональными этнографами, можно составить представление о некоторых конкретных деталях этого института. Участники обсуждали предстоящее мероприятие и произносили священную клятву, обязывавшую их помогать друг другу и по справедливости разделить добычу. По тем или иным знамениям старались предугадать исход, приносили умиловительные жертвы. У бедуинов перед походом мылись, стирали рубахи, в ночь накануне отъезда воздерживались от полового общения, так как "нечистый" не должен был участвовать в набеге. Переход старались совершить как можно более скрытно; у туарегов встретившихся на пути заставляли следовать за собой или убивали. Если приходилось проезжать через чужие кочевья, их обитателям обещали долю добычи. При успехе набега вперед высылался вестник радости, чтобы женщины, готовясь достойно встретить мужчин, выщипали волосы на теле. Благополучное возвращение праздновалось всем лагерем. Приносили благодарственные жертвы предкам, делили добычу, пировали, женщины плясали и пели военные песни. С грабительскими набегами, как и со всяким важным видом деятельности, была связана обширная и детализированная терминология, например, нападать утром, днем или ночью, вблизи или издали и т.п. (Doughty, 1888. V.I C.452; Musil, 1908. C.393; Jaussen, 1908. C.164, 317; Hess, 1938. C.98-99; Rodd, 1926. C.190; Lhote, 1955. C.369).

У туарегов пострадавшие стремились догнать грабителей (чаще это удавалось сделать у водоемов) и либо отобрать свою собственность обратно, либо хотя бы выторговать ее часть. Бывало, что делегация от пострадавших шла в кочевье грабителей и выговаривала себе возвращение на льготных условиях части похищенного (Lhote, 1955. C.371). Такой же порядок известен у племен Фарса, у которых застигнутые с поличным грабители в большинстве случаев возвращали добычу, но требовали отступного - небольшой суммы денег под традиционным предлогом возмещения стоимости обуви, изношенной во время грабежа (Иванов, 1961. C.111).

4. Войны

Грабительские набеги и войны не всегда достаточно дискретны. Крупный набег, при котором не обошлось без открытого сражения, мало чем отличался от такой войны. К тому же набеги нередко

влекли за собой ответные набеги и превращались в долговременный обмен военными акциями, что было одной из важнейших составных частей любой кочевнической войны.

Дифференциация осложняется еще и тем, что в одних кочевнических обществах набеги и войны между собой различались, а в других не различались, скажем, в терминологическом или общеправовом отношении. У казахов набег назывался урлык, война - яу будды; у арабских бедуинов соответственно газу, иди газв, и харб, или харбийя; у туарегов эджен, или эген, и амджер, или ан-неменси. В то же время номады Тибета различали только "малую войну" и "большую войну".

На Ближнем Востоке в принципе придерживались того правила, что в отличие от набега, который может и даже должен быть внезапным, войну положено формально объявить. Так, у кочевников Аравии врагу посылали устное или письменное провозглашение состояния враждебности (нига), нередко сообщали, какие прославленные воины примут участие в битве, подчас дерен началом схватки гарцевали перед собравшимися, стреляли в воздух и т.п. (Dickson, 1951. С.343-344). В степях Евразии правила обязательно-го объявления войны, видимо, придерживались нечасто, хотя оно было известно и здесь. Так, В.К.Мейендорф рассказывает о казахском хане, который, не получая от бухарских эмиров помощи в защите от хивинцев, приехал в Бухару и открыто провозгласил: "Отныне я становлюсь вашим непримиримым врагом", после чего увел из города верблюдов и пленников (Мейендорф, 1975. С.42). Известны здесь и случаи, когда шедший войной посылал противнику угрожающее послание (например, письмо Чингис-хана правителю Мосула), но оно скорее всего имело целью просто запугать врага, чтобы он сдался без боя (Иванов, 1975. С.36).

По некоторым данным, кочевники Ближнего Востока и, видимо, не только они различали набеги в мирное время и набеги во время войн. Иногда, как, например, у туркмен, они даже носили разные названия - аламан и чапаул, или чапаул. Набеги во время войн, как и сами войны, не могли совершаться без объявления состояния враждебности (Sweet, 1971. С.278, 282; Lhote, 1955. С.371). И такие обычаи, как возвращение грабителями добычи за некоторые "отступные", могли соблюдаться только в мирное время, в военное не время набег обычно влек за собой ответный набег. Имеются и другие сообщения, которые не проясняют, а скорее запутывают вопрос. В частности, по одним данным, у бедуинов убийство в набеге влекло за собой кровную месть, в войне же - нет, по другим

данным, и во время войны ее участники старались прикрыть лицо, чтобы в случае убийства остаться неузнанными (Dickson, 1951. С.529).

О первом отличии войны от набега, т.е. о войне как о вооруженном конфликте из-за земли или власти, в среде самих кочевников можно судить по калмыцко-казахским конфликтам в позднем средневековье. В XV-XVII веках эти два народа, кочуя по соседству, как правило, ограничивались тем, что обменивались заурядными взаимными грабежами. Но в первой четверти XVIII в. калмыки значительно усилились и даже обзавелись пушками, которые научил их лить случайно оказавшийся среди них пленный шведский артиллерист. В 1723 г. они внезапно напали на казахов и нанесли им сокрушительное поражение, сохранившееся в казахских преданиях как "величайшее бедствие", "бегство с лишением имущества, скота, детей, родных". А.Левшин так живописует лишение казахами их прежних земель: "Наконец, бегущие остановились; но где же? - в местах бесплодных и не представляющих никаких удобств для кочевого народа... Отчаяние убеждало их в необходимости возвратить себе прежние жилища". Война возобновилась, однако семь лет спустя дало кончилось тем, что Старшей Орде пришлось признать политическую зависимость от калмыков, а Средней - откочевать на север и принять российское подданство (Левшин, 1832. С.2, 70 сл.; ср.: Танышпаев, 1927. С.59 сл.).

Сходным образом протекали войны между племенами или вожествами, принадлежащими к одному этносу, так как именно они были субъектами территориальной собственности и политической власти. О сахарских туарегах, северных сомалийцах, бедуинах Киренаики и Аравии известно, что в то время как внутри их отдельных политий могли иметь место только грабительские набеги, между политиями велись ожесточенные войны за землю, воду и власть (Nicolaisen, 1963. С.217, 401; Lewis, 1961, С.208; Никифоров, 1974. С.229; Peters, 1967. С.260; Guarmani, 1938. С.99 ff.; Montagne, 1932. С.69; Montagne, 1936. С.113).

Во взаимоотношениях между кочевниками и их оседлыми соседями война также не сводилась к захвату добычи. Так, Б.А.Ахмедов (1965. С.147-148), детально рассмотрев ведшиеся на всем протяжении XV в. войны кочевых узбеков с Тимуридами, показал, что их главной целью было овладение плодородными и стратегически важными землями в Хорезме и на среднем течении Сырдарьи для эксплуатации их кочевнической верхушкой. С той же целью афганцы вели многовековые войны за правобережье Инда. "Повсюду, где появлялись афганские пришельцы-завоеватели, судьба коренного населения решалась одинаково. Оно лишалось

каких бы то ни было прав на землю и становилось в качестве подневольных и зависимых (хамсая) как бы придатком и принадлежностью земли, перешедшей в собственность афганских племен" (Рейснер, 1954. С.100). То же сообщается о соседях афганцев - белуджах и брагуях Белуджистана (Пикулин, 1959. С.23; Пикулин, 1967. С.41). Таковы же были мотивы нескончаемых войн аравийских бедуинов за оазисы Неджда, Джебель-Шаммара или Сирийской пустыни (Першиц, 1961. С.166, 168 ел, 182), а северных туарегов - за немногочисленные оазисы Сахары, равно как и торговые пути и соляные копи Амадрора (Duveyrier, 1864. С.317 ss., 345 ss.; Benhazera, 1908. С.88 ss.; Lhote, 1955. С.215 ss.). Наиболее же яркий пример войны как акции, направленной на захват территории и (или) установление политического господства и относящейся в равной мере и к кочевникам и к оседлым, дают все крупномасштабные кочевнические завоевания - тюркские, монгольские, арабские.

Второе отличие войн от грабительских набегов, т.е. открытые сражения, для кочевников, пожалуй, еще существеннее, чем для оседлых. Обитая в лишенной укрепления степи, они могли счесть себя в безопасности от врагов, лишь вырезав одних из них, поработив или терроризовав других, инкорпорировав в свой состав остальных. Уже у хунну наиболее отважные приносились в "жертву воинам" (Бичурин, 1950. Т.I. С.76), то ли павшим на поле брани, то ли предкам хунну. "Когда Чингис-хан, - писал Рашид ад-дин, - победил тайджиутов, он большинство (их) перебил, а оставшиеся в живых стали его рабами (Рашид ад-дин, 1952. С.182). Даже о сравнительно ограниченных по своим масштабам туарегских войнах сообщалось как об исключительно кровопролитных (Lhote, 1955. С.371) и допускавших обращение в рабство побежденных туарегов, тогда как в набегах можно было захватывать только негров (Rodde 1926. С.190).

Все же последствия кочевнических войн против других кочевников и против оседлых были не одинаковыми. Разгром кочевых соседей обычно не бывал тотальным. С одной стороны, побежденнымномадам было легче, чем оседлым, ускользнуть от противника, и окончательная победа над ними требовала немалого времени, с другой - победителям было выгоднее присоединить к себе хотя бы часть побежденных, чтобы увеличить и усилить свое войско. Это отмечал уже один из первых русских востоковедов В.В.Григорьев. "Биться с ограбленными и озлобленными беглецами - добычи мало, и успех сомнителен; лучше принять их в союзники и продолжать дальнейшее хищничество совместно: будет и на нашу, и на их долю. Ограбленные беглецы понимают этот расчет, стано-

ваются под бунчуки бывших врагов своих и вместе с ними опрокидываются на ближайших соседей. С этими повторяется та же самая история... Таким именно образом возникли полчища кочевников, которые под бунчуками хуннов, жужаней, тюрков, киданей и т.д. подчиняли себе все кочевое население Средней Азии и соседние с ним оседлые государства" (Григорьев, 1875. С.13). И действительно, в 600-тысячном войске Бату-хана самих монголов было только 4 тыс. (Иванин, 1878. С.179). Подобного рода агломерация, а подчас и инкорпорация с последующей ассимиляцией облегчались тем, что по хозяйственной жизни, культурному уровню, особенностям социальной организации одни номады обычно не отличались или мало отличались от других.

Другое дело - покорение оседлого населения, в особенности городов. В этом случае истребление противника в битвах и ужасающий террор по отношению к побежденным достигали гигантских размеров. Примером могут служить монгольские завоевания. Хотя "Великая яса" предписывала "щадить страны и города, покоряющиеся добровольно" (Гурлянд, 1904. С.65), соблюдалось это правило далеко не всегда. Видимо, норма "Ясы" была скорее тактическим приемом, так как на деле Чингис-хан и многие из его полководцев часто не делали особой разницы между покорившимися и непокорившимися оседлыми жителями - и те и другие были добычей (Петрушевский, 1952. С.140). Вот известный пример. Когда Чингис-хан подошел к Балху, горожане, полагаясь на обещание, без боя открыли ворота. Но они были обмануты. Под тем предлогом, что их надо пересчитать, их выгнали за стены и поголовно перебили, а город разрушили и сожгли (Пикулин, 1970. С.135). Правда, так бывало не всегда. Как показал И.П.Петрушевский применительно к завоеванию тем же Чингис-ханом Средней Азии, с оказавшими сопротивление городами обычно поступали двояко. Если после осады город сдавался сам, то всех воинов убивали, крепких юношей брали "в толпу", т.е. чтобы использовать их в качестве живого щита или для тяжелых осадных работ в дальнейших войнах, и только женщин и детей, а также искусных ремесленников обращали в рабство. Если же город брали штурмом или если приходилось подавлять вспыхнувшее в нем восстание, то производилась "всеобщая резня", а уцелевших после нее жителей выгоняли в поле, делили между воинами и добивали. Бывало, что вместе с городами вырезывались их сельские округа. По подсчетам И.Я.Петрушевского, в Средней Азии имелось не менее тридцати случаев "всеобщей резни", причем в одном из них, после

взятия Мерва, подсчет писцами убитых продолжался 13 дней (Петрушевский, 1960. С.32 сл.; 1970. С.115-116).

При вторжении Чингис-хана в Афганистан происходило массовое истребление мирных жителей и целенаправленно применялась особая жестокость, когда людей разрывали на части лошаадьми, сажали на колья, закапывали живыми в землю или бросали в котлы с кипящей водой (Пикулин, 1970. С.139). В Закавказье, по свидетельству Ибн ал-Асира, монголы "не оставляли никого, а убивали жен, мужей и младенцев, разрезали чрево беременных женщин и убивали зачатых детей" (цит. по: Гордлевский, 1941. С.35). Эта исключительная жестокость по отношению к побежденным если не по степени, то по масштабам была превзойдена только Тамерланом, который после взятия Исфазара в Афганистане соорудил башню из 2 тыс. живых пленников, переслоенных битым кирпичом и глиной, а после овладения Сивасом в Малой Азии закопал живыми в землю 4 тыс. защитников города. А.Ю.Якубовский (1946. С.70), приводя эти факты, видит в них свидетельства неоправданной жестокости. Согласиться с этим нельзя. Именно так создавалась поражающая воображение молва о том, что ждет врагов, сеялась паника, парализовалась воля к сопротивлению.

Война зачастую отличалась от грабительского набега также своей большей формализованностью. Выше уже упоминалось, что война могла устно или письменно объявляться. Во главе военных походов, как правило, стоял не какой-нибудь предприимчивый удалец, а признанный лидер, чаще всего глава племени, вождества или государства. Участие в войне было не более или менее добровольным, как в грабительском набеге, а обязательным для всех боеспособных мужчин. Такой порядок был известен уже хунну. По свидетельству Сыма Цяня, Модэ приказал рубить голову каждому, кто опоздает к месту военного сбора (Таскин. 1984. С.296). У монголов, согласно "Великой Ясе", несвоевременная явка на сборный пункт влекла за собой суровое наказание (Греков, Якубовский, 1950. С.342). У киргизов еще в середине прошлого века в случае войны "все боеспособные мужчины рода обязаны были братья за оружие, чтобы либо отбить нападение, либо совершить его самим" (Radloff, 1893. С.527), а у кочевников Тибета такой порядок сохранялся еще совсем недавно (Ekvall, 1961. С.1255). По обычному праву вазиров Афганистана выбранные на время войны военачальники - эмиры посылали за уклонившимися от явки на сбор и участия в военных действиях своего рода карательные отряды, которые штрафовали провинившихся, а в случае сопротивления грабили их имущество, сжигали дома и даже могли предать

смерти. Сходные порядки существовали у других афганских племен с той лишь разницей, что право наказания у них по большей части принадлежало не выборным военачальникам, а наследственным ханам (Рейснер, 1954. С.221-222, 230).

На военной организации мы уже в общих чертах останавливались выше, характеризуя военное дело у кочевников. Поэтому сейчас коснемся лишь того, что отличало организацию для войны от организации для набега. В набеге перед нами воины-добровольцы, и если во главе набега сам формальный лидер политики, то также его дружина или гвардия. На войне мы видим племенное, а позднее феодальное ополчение и при тех же обстоятельствах также дружину или гвардию. Известны и специфические формы, при которых правители опирались, наряду с этими видами войска, на избранные, преданные им племена (например, туркмен в государстве Сельджукидов или шахсенов в Каджарском Иране). В набеге обычное вознаграждение их участников - доля добычи, в войнах, начиная с раннеклассового времени, наблюдается постепенная эволюция к натуральному или денежному вознаграждению воинов и пожалованию ленами (икта, джагир и т.д.) их верхушки (Bosworht, 1975. С.59-60).

Неодинаковым было и отношение к исходу набега и войны. Неудача в набеге была неудачей терпимой и по большей части поправимой. Военное поражение угрожало самому дальнейшему существованию. Поэтому в войнах обычно применялись дополнительные рычаги обеспечения победы. Примером может служить применение арабийскими и сирийскими бедуинами во время решительных сражений особых боевых инсигний. Это были пышно изукрашенные сооружения на верблюдах, нечто в роде паланкинов, у ряда племен считавшихся вместилищем духа предка племени и символом шейхской власти. Верблюд с паланкином вели впереди воинов. Обычно на нем восседала убранная невестой дочь шейха или красивейшая девушка племени, а рядом собирались другие девушки, воодушевлявшие бойцов криками и песнями, и женщины, избивавшие дезертиров. Вокруг ехали отряды фидаинов, для которых было делом чести умереть, но не допустить захвата врагом племенной святыни. Утрата ее считалась поражением, и к тому же племя навсегда теряло право пользоваться ею в бою. В последний раз девушка, воодушевлявшая воинов, участвовала в битве в 1915 г., когда Саудиды и Рашидиды сражались за гегемонию над Северной Аравией (Burckhardt 1831. С.116-118, Oppenheim, 1900. Bd.2. С.100; Jaussen, 1908. С.168, 174, 317; Musil, 1928. С.571 ff.). Близкий порядок существовал еще в 1910-х годах,

во время антифранцузского восстания, у туарегов: в бою впереди шли женщины, вдохновлявшие воинов (Rodd, 1926. С.169).

С развитием кочевнической государственности такого рода экзотические порядки уступали место более рациональным нормам поощрения храбрых и наказания трусов, а главное, поддержания железной дисциплины в войсках. Дисциплина была особенно необходима в крупномасштабных завоеваниях при образовании кочевых империй. Согласно китайским источникам, она была заведена уже шаньюем хунну Модэ в бытность его наследным принцем. Чтобы воспитать в своих всадниках беспрекословное повиновение, Модэ приказал им пускать стрелы вслед за своей стрелой и выстрелил в своего коня. Тем, кто не решился, были отрублены головы. Затем он выстрелил в свою любимую жену, и снова тем, кто не последовал за ним, были отрублены головы. Третий раз он выстрелил в коня своего отца, и не стало никого, кто не последовал бы за ним. И тогда он на охоте выстрелил в своего отца, и не было уклонившихся от безмолвного приказа (Бичурин, 1950. Т.I. С.46-48). Рассказ этот не так уже неправдоподобен, если учесть, что для обуздания степных удалцев нужны были сильные средства. И такие средства действительно применялись, например, в раннегосударственном образовании жуаньжуаней. Тому, кто первым врывался в ряды противника, полагалась богатая добыча, а того, кто из трусости отступал, побивали камнями или в лучшем случае били палками (Таскин, 1984. С.37).

Особенно прославились своей поистине железной дисциплиной воины Чингис-хана. Его "Великая Яса", хотя и известная в немногих отрывках, содержит ряд статей о поддержании боевой готовности и наказаниях за нерадивость или небрежность. Даже охотнику, упустившему зверя в облаве, могла грозить смертная казнь (Рязановский, 1923. Ч.1. С.44 сл; Гирлянд, 1904. С.64). Считается, что позднее монгольское право было смягчено буддизмом и поэтому почти исключило санкции, обязанные со смертной казнью. По воинские преступления вели к разорению. Например, по монголо-калмыцкому, или ойратскому, уставу 1640 г. за бегство с поля боя главного князя с него полагался штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов, 50 кибиток людей и 1000 коней, второстепенного князя - 50 панцирей, 50 верблюдов, 25 кибиток людей и 500 коней, малого князя - 10 панцирей, 5 верблюдов, 5 кибиток людей, 50 коней и т.д., с простолудина же - 1 колчан и 1 коня; кроме того, его подвергали позорному наказанию, обряжая в женскую безрукавку (Голстунский, 1880. С.11).

5. Механизмы умиротворения

По-видимому, можно говорить о традиционном комплексе средств предотвращения или прекращения войны, которыми кочевые общества пользовались с древности и до нового времени. Одни из них применялись только в кочевой среде, другие - во взаимоотношениях кочевников с оседлыми, причем большинство из них имело универсальный характер миротворческих методов, широко бытовавших во всех предклассовых и раннеклассовых обществах.

Специфически кочевническим средством предотвратить военные столкновения было признание или установление особых отношений, выступающих в форме генеалогического родства. Этот метод хорошо известен, в частности, у бедуинов Аравии и сопредельных стран, обычное право которых знало так называемый хакк бану аль-амм - "закон братства". "Закон братства" связывал между собой как близкородственные племена (например, всех аназа или всех шаммаров), так и племена, между собой породившиеся. "Иногда, - писал по этому поводу исследователь Северо-западной Аравии А.Мусил, - два или более племени объединяются вместе и называют себя сыновьями одного отца, хотя они знают, что первоначально были совершенно чужими по крови" (Musil, 1908. С.26). Заключение договора проходило в торжественной обстановке: шейхи племен, окруженные другими старейшинами, приносили на сабле шейха-посредника клятву в том, что отныне их племена будут вести себя как родственники. "Братские племена" имели взаимное право на пользование пастбищами, возмещали стоимость украденного имущества так же, как и в своем племени, т.е. в четырехкратном размере, а цену крови - так же, как и цену крови соплеменника - пятьюдесятью верблюдами вместо семи, безвозмездно возвращали имущество, случайно захваченное во время грабительского набега и т.п. По другим данным, грабительские набеги в среде "братских племен" все же бывали, но войны велись крайне редко. В литературе фигурирует значительный ряд таких принявших "закон братства" племен: маджали и бану сахр, шаммарские племена и зафир, харб, мутайр и аджман, мутайр и атайба и некоторые другие, по преимуществу тесно соседившие между собой племена (Huber, 1891. С.142; Jaussen, 1908. С.142, 153 ss.; Musil, 1908. С.366; Raswan, 1930. С.494, 496; Montagne, 1932. С.69; Dickson, 1951. С.48, 434). Таким образом, "закон братства", хотя он и не давал полной гарантии прочного и длительного мира, немало способствовал замирению раздираемых межплеменной враждой кочевнических областей региона.

В тех же целях практиковалось установление родства по браку между ханскими, шейхскими и т.п. фамилиями. К этому средству прибегали и в тех кочевнических обществах, которые практиковали ортокузенные браки, в частности, у бедуинов и туарегов Сахары. Строжайшая эндогамия, предписанная обычным правом, здесь не распространялась на правящие фамилии, в которых как для поддержания социального престижа, так и специально для установления отношений мира и добрососедства были приняты экзогамные браки (Wellhausen, 1893. С.457; Doughty, 1888. V.I. С.252; Oppenheim, 1900. С.63, Jaussen, Savignac, 1914. С.24-25).

Можно думать, что не только породнение путем брака, но и коллективное побратимство в целях установления мира и добрососедства бытовало у более широкого круга кочевников. Рашид ад-дин, отмечая, что племена курлаут, кунгират, элджигин и баргут никогда не враждовали с Чингис-ханом, добавляет: "В его время все они следовали путями побратимства и свойства". Возможно, что о таком же коллективном побратимстве говорит он применительно к племенам мангут и баргут (Рашид ад-дин, 1952).

Отношения мира и добрососедства могли устанавливаться и путем заключения обычных политических союзов. Так, например, попытка образования союза всех монгольских племен отразилась в монголо-ойратском уставе 1640 г. запрещением войн и набегов в среде союзников; за грабеж был назначен штраф в размере половины принадлежащего виновным скота (Гурлянд, 1904. С.110 сл.; Рязановский, 1923. С.60).

В кочевнических государствах был распространен институт заложников, которых брала господствующая верхушка у подчиненных племен номадов. Расширяя свою гвардию, Чингис-хан ввел в нее сыновей всех нойанов, приказав им явиться на службу не только с товарищами, но и с одним младшим братом, а в противном случае "подвергать правежу и ссылать с глаз долой в места отдаленные" (Козин, 1941. §§ 224-225).

Значительно шире был комплекс средств, применявших для установления и поддержания мира между политиями кочевого и оседлого населения. Лучше всего он известен на северной границе Китая, где к тому же, несомненно, не без китайского влияния приобрел характер устойчивых стереотипов и изоощренных ритуалов. Обычно он назывался "договором о мире, основанном на родстве", но породнение, под которым в данном случае, как правило, понимался брак кочевого владетеля с китайской царевной, сопровождался очень своеобразным дарообменом, по большей части упорядочением пограничной торговли, а нередко и другими обязательствами.

Первоначально в Китае, по-видимому, существовало мнение, что одного только династического брака с хорошим приданным достаточно, чтобы обеспечить мир. Советник первого из императоров династии Хань, склоняя его отдать дочь за хуннского шаньюя Модэ, говорил: "когда у нее родится сын, непременно объявит его наследником, который станет вместо него шаньюем... Пока Маодунь жив, он, разумеется, будет Вашим зятем, а когда умрет, шаньюем станет сын Вашей дочери. А разве когда-нибудь было слышно, чтобы внук относился к деду как к равному? Так можно без войны постепенно превратить сюнну в своих слуг" (Таскин, 1989. С.164). Но внуки китайских императоров не становились шаньюями, и к тому же советник императора, меря на китайский аршин, превратно судил о степени хуннского почтения к старшим родичам. Династийные браки ценились кочевниками постольку, поскольку соглашения о них включали гораздо более существенные с их точки зрения пункты: не только выдачу с невестой богатого приданого, но и всевозможные материальные блага в будущем.

Подношения эти были самыми различными: "месячными", "годовыми", "рыночными", "за заслуги", приуроченными к различным поводам, вручавшимися кочевническим послам и посылавшимися ко двору их правителей. Состояли они главным образом из зерна, вина, тканей и других ремесленных изделий, нередко также драгоценных металлов. Кочевники, со своей стороны, посылали в Китай лошадей и меха, хотя известны и чисто символические подношения, например, две стрелы, посланные китайскому императору правителем одной из тюркских политий. Вообще, ценность даваемого обеими сторонами зависела от соотношения сил. По существу, слабейшая сторона платила дань, сильнейшая - ограничивалась полусимволическими отдарками, но при этом каждая из сторон предпочитала считать, что она получает дань, а сама только посылает "дары" от щедрот своих. Особенно большое значение придавали подобному этикету китайцы, даже разработавшие дифференцированные, но всегда достаточно почетные для них обозначения своих "даров" и чужой "дани" (Jagchid, Symons, 1989. С.115, 121 ff.). Кочевники, хотя именно они по большей части были той стихией, у которой приходилось покупать безопасность границ китайцам, часто гнались не за словом, а за делом. Как заметил уже В.В.Григорьев (1875. С.17), "и мало того, что вместо "дани" соглашались кочевники принимать "дары", соглашались они даже сами давать "дань" оседлым, с тем только, чтобы за "дань" эту отплачивали им оседлые "подарками" вдвое, втрое, вдесятеро противу их "дани".

Все же номады не всегда были такими покладистыми: с киданями китайцам пришлось сойтись на нейтральных взаимных "подношениях", а монголам и маньчжурам платить откровенную дань.

Династические браки и дарообмен обычно влекли за собой еще одно важное для кочевников и способствовавшее умиротворению обстоятельство - открытие пограничных рынков. На значении такой торговли для поддержания мира мы уже останавливались раньше. Добавим только, что во взаимоотношениях Китая с кочевым миром (главным образом при династиях Хань, Сун и Тан) все эти три средства рассматривались обеими сторонами как единый взаимосвязанный комплекс действий по предотвращению войн. Так, Сыма Цянь сообщал о правлении одного из императоров династии Хань: принцесса к хунну отправлена, "дары" посланы, пограничные рынки открыты; поэтому больших вторжений со стороны кочевников нет, а мелких мало. Точно так же почти тысячелетие спустя при одном из танских императоров добрососедские отношений с уйгурами были достигнуты посылкой их хану китайской принцессы, 50 тыс. свертков шелка как первоначального "дара" и приказом открыть пограничные рынки. Бывало, что правители кочевников прямо требовали от китайцев выполнения всех этих трех условий, заявляя, что "только тогда не будет набегов на окраины" (Jagchid, Symons, 1989. С.28, 30, 139).

Существовали и другие, как бы дополнительные способы поддержания мира у Великой китайской стены. Когда кочевники в принципе признавали верховенство Китая, им жаловались почетные титулы (Таскин, 1984, С.71, 304, 307, 325, 329). Бывало и так, что с них требовали заложников (там же. С.72, 100, 110). Для этого тоже существовала смягчающая суть дела форма: некоторые шаньюи и каганы посылали сыновей на службу к императорскому двору (Jagchid, Symons, 1989. С.78-80, 118-119).

Такие же методы установления и поддержания мира в той или иной степени практиковались и в других регионах, в которых кочевники соседствовали с оседлым земледельческим населением.

Универсальное распространение имели взаимные браки, заключаемые в ознаменование мира и добрососедства. К этой практике могли прибегать достаточно широко, так как и у самих кочевников и у многих их оседлых соседей существовало многоженство. При выборе брачных партнеров учитывались некоторые общие принципы, определявшиеся политической психологией эпохи. При династических браках невесту чаще предоставляла более слабая или более заинтересованная сторона, как это имело место на северной границе Китая, хотя китайцы в соответствии со своей

общей политической концепцией и посылку принцесс варварам рассматривали как "дар". Именно поэтому во время скифских "бесчинств" в Передней Азии ассирийский царь Асархаддон склонялся к тому, чтобы ради мира и дружбы со скифами отдать дочь за их царя Партауга (Хазанов, 1975. С.218), а тангутский правитель Лун-Шидургу, признав себя вассалом Чингис-хана, отдал ему дочь в жены (Рашид ад-дин. 1952. С.144). Если же такую сторону представлял жених, то невеста ему давалась низшего статуса. Например, когда правитель Алмалыка Озар и предводитель карлуков Арслан-хан признали власть Чингис-хана, они получили в жены девушек из его рода (Д'Оссон, 1937. С.82). Но так бывало далеко не всегда. Скажем, сын героя "Слова о полку Игореве" Игоря Святославича или основатель Москвы Юрий Долгорукий были женаты на половчанках как равные на равных.

Широко применялось взятие заложников как в откровенной форме, так и в несколько завуалированном виде принятия на службу сыновей потенциального противника. С другой стороны, не был редкостью и подкуп представлявших опасность кочевнических правителей почетными титулами и званиями. Иранские шахи жаловали кашкайским ханам титул ильхани, а афганским сардарам титул шахзаде, османские султаны присваивали сильнейшим из соседних бедуинских шейхов звание пашей, а правители Неджда - почетное наименование эмиров (Иванов, 1961. С.92; Рейснер, 1954. С.55; Першиц, 1961. С.166, 191).

Все же как наиболее эффективная альтернатива войны везде и всегда выступала заинтересованность в дани и торговле. Только уплатой дани покупали себе относительно мирное существование греческие государства Северного Причерноморья у скифов; Восточная Римская империя у европейских гуннов, аваров, печенегов; Русь у тех же печенегов, золотоордынцев, ногайцев, крымских татар; присырдарьинские оазисы у казахов; многие североаравийские городки и селения у бедуинов и т.д. Здесь также был широкий диапазон от неприкрытой и подчас непосильной дани вроде золотоордынской до того, что, подобно "дарам" у китайцев, называлось "поминками", как на послемонгольской Руси, или хувой, - вознаграждением за "братство", как в арабском мире. Все же суть всегда состояла в том, что отметил Эломари в отношении данников ордынских ханов "если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами" (Тизенгаузен, 1884. С.231). Что касается торгового обмена, то его свобода подчас даже специально оговаривалась в

мирных договорах, например, в договоре 434 г. европейских гуннов с Восточной Римской империей (Бернштам, 1951. С.151, 154; Хазанов, 1975. С.256).

Если в войне не происходило полного разгрома противника, то часто имело место официальное заключение мира. Связанные с ним обычаи и обряды очень варьировали, но по сути сводились к прямым (с помощью послов) или опосредованным (через медиаторов) переговорам об условиях мира и к закреплению его определенными сакральными формулами. Роль посредников (в некоторых обществах, как например, у кочевых тибетцев очень большая - Ekvall, 1966. С.30 ff.) объяснялась стремлением использовать авторитет влиятельного лица - вождя, правителя, священнослужителя. Возможно, впрочем, что какое-то значение здесь имело и отсутствие твердо установившейся практики безопасности послов.

V

ВОЕННАЯ И МИРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЧЕВНИКОВ КАК ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1. Вопрос о роли кочевников в истории

Не поднимаясь выше раннеклассового уровня развития, кочевники взаимодействовали с обществами всех исторических эпох - древности, средневековья, нового времени. Естествен вопрос: какую роль сыграли они в историческом процессе своей военной и мирной деятельностью? Вопрос этот далеко не нов, но на него все еще нет общепринятого ответа.

Существуют самые различные взгляды на историческую роль кочевников. Первый из них достаточно определенно сформулировал уже Гегель. "Они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не приводит ни к каким результатам, кроме разорения и опустошения. Такие движения народов происходили под предводительством Чингис-хана и Тамерлана: они все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет подлинного жизненного начала" (Гегель, 1935. С.85). В раннем русском востоковедении В.В.Григорьев, предприняв специальный обзор отношений между кочевыми народами и оседлы-

ми государствами, пришел к выводу, что в этих отношениях преобладали, если не кочевнические завоевания, то борьба, в которой "кочевники постоянно являются достигающими своей цели - дарового приобретения произведений оседлого труда" (Григорьев, 1975. С.15). На другую сторону деятельности кочевников обратил внимание Э.Реклю, писавший, что кочевники не только опустошали земледельческие области, но и губили сам культурный ландшафт (Реклю, 1906. С.361-382). Впоследствии этот тезис был подтвержден расчетами специалистов, показавшими, что, например в Магрибе, экстенсивное скотоводство в течение только одного века повело к гибели почвенного и растительного покрова на площади в 4 млн. гектаров (Видясова, 1987. С.100).

Взгляд на кочевников как на преимущественно хищников и разрушителей земледельческих цивилизаций и в дальнейшем остался распространенным в литературе (см., например: Семенов, 1940; Греков, Якубовский, 1950; Петрушевский, 1960; Майский, 1962; Тихвинский, 1970; Тольбеков, 1971; Pipes, 1955; Irons, 1974; и др.). В то же время очень рано возникает противоположная, подчас даже апологическая оценка завоеваний кочевников, в частности, монголов и создания ими могущественных империй. Эта оценка имела разные корни. В одних случаях это преклонение перед недюжинными личностями таких завоевателей, как Атилла или Чингис-хан (Howorth, 1876; Curtin, 1908; Grousset, 1939), в других - также апологетика "особых способностей" тюрко-монголов у пан-тюркистов (см.: Brown, 1920), в иных - стремление противопоставить Евразию "латинскому Западу у евразийцев 1920-х годов и их эпигонов (см.: Пашуто, 1962; Федоров-Давыдов, 1978. С.8, 24). В последнее время делаются попытки возрождения идей евразийства. См., однако Д.С.Лихачев (1994). Более серьезный след в истории вопроса оставил В.В.Бартольд, который, пересматривая одностороннюю трактовку монгольских завоеваний как только варварского нашествия, отметил значение империи Чингисидов для развития торговли и укрепления культурных связей между Востоком и Западом, т.е. в конечном счете для исторического прогресса (Бартольд, 1963. Т.I. С.461-462; 526 сл.). Этот взгляд был поддержан В.А.Гордовским (1941, 1947) и А.Н.Бернштамом (1951) и неоднократно подвергался критике в нашей литературе (см. в особенности: Петрушевский, 1960. С.36-37).

В последнее время чаще всего встречается третья точка зрения, согласно которой, во-первых, кочевники и оседлые были в равной степени детьми своего воинственного времени и, во-вто-

рых, их взаимоотношения определялись не столько враждой, сколько партнерством в разделении труда и торговом обмене.

Казахский историк А.Х.Маргулан, возражая тем, кто видит в кочевниках степных хищников, отмечает, что их в свою очередь грабили правители земледельческих государств (Маргулан, 1950. С.6-7). В.А.Ахмедов также подчеркивает, что правители оседлых областей не отставали в этом отношении от кочевнических правителей (Ахмедов, 1965. С.82), а по мнению А.А.Рослякова, "в обстановке непрерывной пограничной войны невозможно было определить, кто "просто" нападал, а кто совершая "ответный" набег" (Росляков, 1955. С.42). Еще дальше идет Р.Б.Сулейменов, когда он протестуя против "дискриминационного" отношения к кочевникам, утверждает, что во взаимоотношениях номадов с оседлыми преобладали не войны, а добрососедские отношения, а если время от времени и возникали войны, то они вызывались экспансионистскими устремлениями как тех, так и других (Сулейменов, 1989. С.98, 100). В западной литературе сходный взгляд высказан в связи с дискуссией о так называемой хилльской катастрофе - последствиях вторжения в XI в. в Северную Африку соплеменности арабских бедуинов бану хилляль, речь о чем будет дальше. В ходе этой дискуссии часть ее участников, одержимая своего рода комплексом вины представителей метрополии, сделала попытку "реабилитировать" арабское население североафриканских колоний (см. в особенности: Porcet, 1967).

Однако такой "уравнительный" подход к вопросу едва ли соответствует фактам. Конечно, как это уже не раз отмечалось в литературе (см., например: Калиновская, 1989. С.106), на определенной стадии исторического развития повышенная воинственность была в равной степени свойственна и оседлым, и кочевникам, да и позднее военные действия открывали и одни, и другие - обычно те, кто были или считали себя сильнее. Но кочевники задержались на этой стадии дольше оседлых и поэтому, равно как и в силу уже известных нам особенностей их экологии, хозяйства, общественно-политической организации, образа жизни и т.д., именно они обычно намного дольше были нападающей стороной.

Другие исследователи, придерживающиеся этого "уравнительного" взгляда, более обоснованно делают упор на уже известную нам связь войны или мира с торговым обменом. Но при этом одни из них достаточно осторожны (см., например: Рейснер, 1954. С.53; Khazanov, 1984. С.206-207; Jagchid, Symons, 1989. С.36), у других же эта связь выглядит слишком жесткой. Так, Т.А.Жданко считает, что "роль в историческом процессе пресловутых "разбойничь-

их" нападений кочевых орд на сельскохозяйственные оазисы сильно преувеличена" и что такие нападения "большей частью вызывались именно нарушением по каким-либо историческим причинам тесных торговых связей степных племен с оазисами и стремлением восстановить экономическое равновесие путем насильственного подчинения городов и сельских местностей и получения необходимых кочевникам продуктов земледелия и ремесла в виде добычи или дани" (Жданко, 1961. С.54; ср.: Жданко, 1968. С.279). На самом деле даже при наличии доброй воли оседлых к торговле и более того - к уплате дани кочевники, имея к тому возможности, могли предпочитать захват нужной им продукции силой. Один из ханьских императоров возмущался: мы украсили дочерей, чтобы отдать их в жены хуннскому шаньюю и щедро снабжаем его шелком, украшениями и другим добром, а между тем вторжения и грабежи хунну нескончаемы (Jagchid, Symons, 1989. С.59). Такое предпочтение могло возникать по разным причинам: из-за неумения оседлых правителей организовать упорядоченную пограничную торговлю - без лихоимства чиновников и обмана кочевников, из-за своеволия степных удальцов, не всегда подчинявшихся своим ханам и шейхам и т.п. Надо учесть и то, что при мирных отношениях доходы получала преимущественно верхушка номадов, в то время как добыча от грабежей могла делиться более равномерно. У бедуинов Аравии акыды временами объявляли, что при разделе добычи от грабительских походов "каждый волос будет разделен нами на равные части" (Musil, 1908. С.376). Один из сановников китайской династии Сун, уговаривая киданей Восточного Ляо заключить мир, говорил: "если Ляо установит с Сун мир, то Ляо будет легко получать ежегодные платежи и прибыли пойдут в ханскую казну. Если же Ляо развяжут войну с Сун, то все прибыли пойдут подданным, а ханской казне достанутся убытки" (Jagchid, Symons, 1989. С.191). Больше того, не только торговля нередко не давала гарантий от военных действий, но и военные действия подчас не препятствовали торговле, так как обе стороны свободно пропускали купцов (Греков, Якубовский, 1950. С.28-29).

Тем более предпочитались военные грабежи кочевническими империями, причем нередко также получению дани с побежденных или упорядоченной эксплуатации завоеванных сельскохозяйственных государств. Наиболее известный и хорошо изученный пример тому - державы Чингис-хана и его приемников. Как показали уже В.В.Бартольд (1963. Т.II. Ч.1. С.263), а затем более полно С.П.Толстов (1948. С.344), И.П. Петрушевский (1952. С.12 сл.), В.Ц.Мункуев (1965. С.48) и др., в XIII в. и отчасти в последующие века в верх-

них слоях монгольских завоевателей имелись два политических направления. К первому, поддерживавшемуся значительной частью монгольской и тюркской военно-кочевой знати, принадлежали поклонники старины, выступавшие против оседлой жизни, земледелия, городов, за военный грабеж и в лучшем случае ничем не ограниченную эксплуатацию завоеванного населения. Второе направление имело в виду обуздание центробежных тенденций кочевых феодалов, для чего были необходимы опора ханской власти на местную феодальную верхушку, покровительство городской жизни, упорядочение эксплуатации покоренного населения и т.п. Сторонником первого из этих направлений был сам Чингисхан, и неудивительно, что еще очень долго после его смерти оно только постепенно уступало место второму направлению.

Таким образом, нельзя согласиться с тем, что кочевники грабили оседлых соседей лишь тогда, когда нарушалось экономическое равновесие между степью и оазисом. Намного ближе к истине традиционная точка зрения, следующим образом сформулированная А.Ю.Якубовским (Греков, Якубовский, 1950. С.32): кочевники чаще обрушивались на земледельческие области губительными войнами, что вели с ними выгонные торговые сношения. Но, рассматривая роль кочевников в истории, надо учесть и другое: война и мир у них по-разному соотносились между собой в разные исторические эпохи, что не могло не сказываться на их влиянии на ход исторического процесса.

2. Древность и средние века: *bellum nomadicum*

Кочевое скотоводство возникло в древности как форма экологического приспособления племен с производящей экономикой к степям и полупустыням и получило наибольшее распространение в средневековье. Оно позволило освоить для хозяйственной деятельности новые огромные пространства, до этого в значительной степени необитаемые. Человечество получило больше мясной и молочной пищи, такого сырья, как шерсть и кожа, транспортных средств. Разделение труда между кочевым и оседлым населением способствовало росту производительности труда, увеличению прибавочного продукта, развитию обмена. Тем самым возникновение и распространение кочевого скотоводства имело немалое значение для развития общественного производства.

Создав более благоприятные условия для роста и накопления богатств, кочевое скотоводство сыграло какую-то роль и в процессах классового генезиса. В свое время А.Смит высказал мысль,

что, поскольку у кочевников скот рано перешел в частную собственность, у них должны были ускориться темпы социальной дифференциации и сложения политических институтов (Смит, 1935. Т.II. С.235 сл.). Эта идея была трансформирована Б.Б.Пиотровским, согласно которому скотоводство действительно вело к ускоренному классовообразованию, но, не требуя организации общественного производства, уступало оседлому земледелию по темпам политогенеза (Пиотровский, 1973; и др.). Выше отмечалось, что, на наш взгляд, у кочевников весь комплекс процессов классовполитогенеза протекал замедленными темпами. Другое дело - вопрос о том, как влияли на этот процесс контакты кочевого и оседлого населения. До сих пор живы реминисценции известной "теории завоевания" в том ее варианте, согласно которому государство возникает в результате захвата кочевниками земледельческих областей (см., например: Cohen, 1968. С.237). Здесь можно согласиться с А.М.Хазановым: далеко не все государства возникали таким образом, но таким образом возникали все кочевнические государства (Khazanov, 1984. С.229). Правда, к этому надо добавить, что зато многие из них и разваливались вследствие контактов с новыми ордами кочевников (ср.: государствообразование северных хунну и сяньбийцев, Восточное Ляо и чжурчжени, Великая Болгария и хазары, Хазарский каганат и печенеги и т.д.). Что касается классовполитогенеза в оседлой среде, то, не будучи следствием военной активности номадов, он мог в каких-то случаях ею стимулироваться, прежде всего из-за потребности в обороне.

Кочевники внесли определенный вклад в развитие материальной и духовной культуры человечества. Это прежде всего те культурные достижения, которые выработались или диффундировали в процессе освоения степей и полупустынь кочевыми скотоводами и, в частности, кочевниками-всадниками. Сюда относятся разборное передвижное жилище - шерстяной шатер на юге и войлочная юрта на севере, и сам материал для нее - войлок, кожаная и другая облегченная утварь, такой специфически всаднический элемент одежды, как штаны, такой молочный "консерв", как сушеный творог, уже известные нам предметы верховой, а также вьючной упряжи и т.п. Специалисты считают, что кочевой мир сказал свое слово в выработке новых художественных концепций, в частности, тех, для которых в силу физической и психологической мобильности номадов характерны особая импульсивность и динамичность.

Не менее важно другое, уже не раз отмечавшееся в литературе обстоятельство: кочевники с их широкой амплитудой передвижений и тем более в основанных ими кочевых империях много сде-

ляли для обмена культурными достижениями и для развития транзитной торговли. Так, уже Г.Шурц писал, что сам кочевник "не создает культуры, но косвенным образом способствует ее прогрессу, уничтожая границы между различными сторонами и создавая мировые государства, бесконечный горизонт которых воскрешает идею о единстве человеческого рода даже там, где эта идея, казалось, совсем заглохла вследствие политической раздробленности и самодовольства" (Шурц, 1909. С.119). Как мы знаем, В.В.Бартольд высказал сходные мысли применительно к империи Чингис-хана и позднее они встретили не только критику, но и признание.

Однако позитивная роль древних и средневековых кочевников в экономическом и культурном развитии Старого Света - это только одна сторона дела. Другая сторона - это та цена, которую заплатил Старый Свет за освоение кочевниками его засушливого пояса и за их коммуникативную роль в его истории.

Экологическая ниша, освоение которой составило заслугу кочевых скотоводов, в самого начала поставила предел возможностям их исторического развития. Как и всякая экстенсивная экономика, кочевое скотоводство ограничено в своих возможностях и обречено на застой. В то время как многие оседло-земледельческие общества успешно прогрессировали, общества кочевников, сравнительно быстро исчерпав свои потенции, перешли к почти полной стагнации (см. в особенности: Толыбеков, 1971. С.50 сл., 316 сл., 607; Марков, 1976. С.285 сл.). В этом отношении особенно показательна история вопроса о так называемых ранних и поздних кочевниках, рубежом между которыми считается середина I тыс. н.э., т. е. условная граница между древностью и средневековьем. По мнению ряда исследователей, принявших такую дифференциацию, "ранние" кочевники постоянно двигались большими массами в кибитках на телегах и жили предклассовым строем, "поздние" же перешли к кочеванию более мелкими группами, овладели такими элементами материальной культуры, как вьючная упряжь, разборные жилища, легкая утварь и жесткое седло со стремянами, а главное, уже начали создавать раннеклассовые общества. Однако А.М.Хазанов (1975. С.268 сл.) привел ряд соображений в пользу того, что культурные различия между "ранними" и "поздними" кочевниками были количественными, а не качественными, общее же развитие тех и других часто было не только застойным, но и обратимым.

Но те же экологические условия кочевого скотоводства, которые поставили предел историческому развитию кочевников, как уже не раз отмечалось, до определенного времени давали им военные

преимущества перед оседлыми и полuosедлыми соседями. Поэтому свои ограниченные производственные возможности они стремились восполнить грабительскими набегами и захватническими войнами, т.е. тем, что Дж.Гуди удачно назвал "производством добычи" (Goody, 1971).

Ареал расселения древних кочевников был сравнительно меньше, а история их известна хуже, чем история их средневековых преемников. Однако и то, что известно, позволяет говорить о значительной деструктивной роли, которую они сыграли своими грабежами и завоеваниями в истории древнего мира.

Уже древнейшие кочевые скотоводы - всадники Евразии киммерийцы на рубеже II и I тыс. до н.э., по-видимому, разоряли и грабили соседей-земледельцев. Относящиеся к этому времени неукрепленные поселения на границе между теми и другими либо погибли в огне, либо сменились городищами (Тереножкин, 1961. С.12 сл.).

Но первые выразительные свидетельства относятся к скифам. При этом если о их вторжении в Восточную Европу Плиний Старший только глухо сообщает, что они "истребили поголовно танаитов и инапеев" (Plin. NH. VI. 22), то для их пребывания в Передней Азии Геродот не жалеет эпитетов. "28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось" (Her. I. 106). А.М.Хазанов даже усматривает в Библии намек на стремление скифов увеличить пастбища за счет обрабатываемых переднеазиатских земель (Хазанов, 1975. С.225). В Предкавказье и Северном Причерноморье, куда скифы вернулись из Передней Азии, пастбищ хватало, но скифские завоевания, грабежи и данническая эксплуатация местного населения нередко вели к его оскудению и даже к подрыву античной торговли в Восточной Европе (Там же. С.228 сл.).

Сменившие скифов сарматы, в свою очередь, "опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню" (Diod. II. 43). Другая часть страны подверглась систематическим грабительским набегам. В частности, населению Ольвии приходилось то отбиваться от сарматов, то откупаться от них данью, что тяжело отражалось на ее хозяйственной жизни и торговых связях. Не меньше страдали от кочевников в сарматское время другие форпосты античной цивилизации в Северном Причерноморье, в частности, Боспор, который они, по свидетельству одного из античных авторов, подвергли "всем ужасам грабежа и руин" (см.: Смирнов, 1964. С.211;

ср.: Гайдукевич, 1955. С.53 сл.). На западе сарматские племена разграбили Подунавье, вторглись в римскую провинцию Мезию и добились получения от римлян довольно регулярной дани, на юге - не раз опустошали Закавказье и прилегающие области Передней Азии (Хазанов, 1971. С.81-82).

На Востоке в это время контактировали кочевой мир хунну и древнекитайская цивилизация. И хотя здесь нападающей стороной не всегда были кочевники, при всех обстоятельствах больше страдало население Китая, так как именно оно вынуждено было построить в IV-III веках до н.э. Великую Китайскую стену. Соединив между собой все первоначальные защитные сооружения, она составила свыше 7 тыс. км в длину при толщине у основания 6 м и высоте 10 м и стала крупнейшим сооружением на Земле - единственным, которое видно с Луны. Но, как мы уже знаем, Стена помогала только отчасти, и во II в. до н.э. император Гао-цзу должен был заключить с шаньюем Модэ "договор о мире, основанный на родстве", положивший начало серии даннических договоров. Впрочем, и дань помогала только отчасти, в результате чего Китай оставался ареной хуннских вторжений и грабежей. Вот какой представлялась летописцу нескончаемая война с кочевниками: "Отец сражался впереди, сын умирал назади, слабые женщины стояли на пограничных притинах, малолетние дети плакали на дорогах; престарелые матери и вдовы приносили тщетные жертвы и, обливаясь слезами, обращали взоры к теньям (т.е. к богам) павших в песчаных степях" (Бичурин, 1950. Т.I. С.123). Впоследствии южные хунну частично переселились в Китай и даже создали здесь свои государственные образования, но пока они не осели и не ассимилировались, они превратили в пастбища для скота немало плодородных земель (Таскин, 1989. С.19).

Вместе с тюрками-хунну пограничные земли Китая грабили и опустошали монголы-дунху, в особенности племена сяньбийцев и ухуаней. Во II-III веках н.э. они в этом отношении начали отодвигать хунну на задний план. Эти племена, сообщает китайский летописец, "смогли захватить земли к югу от пустыни, стали совершать набеги на города и грабить их, убивать и захватывать в плен народ, в результате чего северные границы страдали, как и прежде" (Таскин, 1984. С.82-83). "Не было ни одного года, когда бы эти земли не страдали от них", - пишет другой летописец о сяньбйцах (там же. С.331). Что касается доминировавших в IV-V веках к Северу от Китая жужаней, то у них, по удачному выражению Л.Н.Гумилева, "все силы уходили на грабеж соседей" (Гумилев, 1967. С.12).

Страшный след оставили за собой северные хунну, ставшие известными как западные гунны, которые положили в V в. начало Великому переселению народов. Само их имя сделалось в Европе синонимом варваров-разрушителей. Так, в Причерноморье они разграбили и сожгли большую часть городов и селений Боспора, продолжив опустошение античных колоний, начатое скифами и сарматами (Гайдукевич, 1955. С.147). При своем дальнейшем продвижении на Запад вплоть до Франции и Северной Италии гунны, по словам Филосторгия, "разграбили всю Европу", а на юге, в Передней Азии, "произвели невероятное избиение людей" (Латышев, В.З. С.742). Там, где они были в этом заинтересованы, они запрящали возделывать нужную им для пастбищ землю (Бернштам, 1951. С.156). Тем самым они нанесли немалый ущерб античной цивилизации не только на ее окраинах.

Наконец, и на Ближнем Востоке уже древние кочевники систематически разоряли земли оседлых соседей. На рубеже нашей эры и особенно со II - III веков, в процессе так называемой бедуинизации Аравии, номады подчинили себе всю центральную часть полуострова и стали отсюда вторгаться в земледельческие области. На юго-западе их набеги привели к запустению пограничных оазисов и перенесению центров йеменской цивилизации в горный Джебель, на юге расширился ареал кочевого скотоводства и началась регенерация племенной организации у местных земледельческих общин (Пиотровский, 1977. С.88 сл.; Франгузов, 1960. С.22-23). На севере они придвинулись к владениям Рима и Ирана и также стали разорять их обоим грабежами сперва самостоятельно, а позднее участвуя в их борьбе между собой. По Аммиану Марцеллину и другим римским историографам, они кочевали от иранской провинции Ассирии до нильских катаракт и опустошали все, до чего могли добраться, держа в страхе целые провинции. Один из сирийских епископов в V в. жаловался, что на области Нисибии "напали "сборища южных родов", которые пришли в огромных количествах со своими стадами, уничтожили и опустошили селения долин и гор, осмелились ограбить и полонить из земли ромеев людей и скот" (Пигулевская, 1984. С.65).

Еще опаснее для соседей стали номады в средние века, когда ареал их расселения расширился, а военно-политический потенциал возрос, аккумулировав опыт прежних кочевнических государств.

С середины VI по середину VII в. в евразийских степях господствовал Первый тюркский каганат, возникший в Восточной Сибири, но вскоре утвердившийся и на западе до Северного Кавказа и большей части Средней Азии включительно. С покоренного земле-

дельческого и городского населения тюркютские каганы взимали больше, чем иранские шахи. Кроме того, они получали дань от Китая или подвергали его грабительским набегами и дары от Ирана и Византии как вознаграждение за мир на границах или союзные отношения. О методах ведения тюркютами войн можно судить по убийству 300 тыс. лазов, предположительно, военнопленных, которых оказалось невозможным увести с собой, или по поголовной резне, учиненной после взятия вместе с хазарами Тбилиси (Гумилев, 1967б. С.55-56, 108, 153, 157, 199). Западнее их авары, разгромив кочевых союзников Восточной Римской империи, стали получать "дары" от нее самой, а затем сделались настоящей грозой для многих областей Восточной и даже Центральной Европы. Широко известно летописное сообщение о "примучивании" аварами дулебов, с которым они обращались как со скотом: "аще поехати бяше Обрину, не дадѣше въпрѣчи коня ни вола, но велѣше въпрѣчи Г [3] или Д [4] ли В [5] женѣ в телегу и повести Обрина" (Полное собрание..., 1932. Т.2. Стлб. 9).

Второй тюркский каганат, существовавший с третьей четверти VII до середины VIII в., был намного меньше и слабее. Одновременно с ним (но отчасти уже до него или позднее вплоть до монгольского времени) в евразийских степях соперничало между собой множество кочевнических объединений или ранних государств-каганатов - болгарское в Приазовье, а затем на Дунае, хазарское, уйгурское, хакасское (кыргызское), кимакское, киданьское в Восточной Сибири и Северном Китае, а затем каракиданьское в Семиречье, гузское, печенежское, половецкое и др. Все они по мере сил и возможностей грабили и разоряли своих оседлых соседей теми же методами, что древние кочевники или тюркюты.

Так, в Восточной Сибири уйгуры получали с Китая своего рода дань, принудив его к неэквивалентному обмену негодных лошадей на полноценный шелк, так что "Срединное государство совершенно истощилось для роскоши кочевых" (Бичурин, 1950. Т.I. С.323-324). При возникновении конфликтов они вторгались в империю и, даже признав себя ее вассалами, предъявляли требования, которые "не имели пределов" (Там же. С.329). В прикаспийских и причерноморских степях хазары неоднократно вторгались через Дагестан в Закавказье, захватывая здесь полоняников, скот и другую добычу. На севере и западе они значительно дольше держали в податной или даннической зависимости многие славянские и поволжские земли, включая сюда Волжскую Болгарию (Артамонов, 1962; Плетнева, 1986). Когда в хазарские степи между Волгой и Донцом вторглись теснимые гузами печенеги, они первым делом

разграбили и сожгли поселения полуоседлых жителей, вернув пастбища в их первоначальное состояние. Заодно были частью уничтожены, частью же изгнаны кочевники венгры, которые, в свою очередь, опустошили Паннонию, изгнав местное население и превратив его земли в пастбища (Плетнева, 1982. С.24-25). Разоряли печенеги и русские земли: Константин Багрянородный (1934. С.5) сообщал, что они "грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков".

В Семиречье каракидани, которые после разгрома Восточного Ляо и передвижения на запад основали здесь государство Западное Ляо, поначалу взимали с покоренных Туркестана, Мавераннахра и Хорезма только упорядоченную контрибуцию, а затем дань, в чем В.Б.Бартольд видит результат их известной китаизации. Однако вскоре они, по Джувейни, стали сильно "притеснять" земледельческое население Средней Азии и, подавляя его сопротивление, разорили и опустошили ряд городов (Бартольд, 1963. Т.II. Ч.1. С.43 сл.). В Белуджистане белуджи, по свидетельству их исследователя М.Г.Пикулина (1959. С.23), захватывая земли своих оседлых соседей, разрушали более высокую культуру земледельческих народов и превращали их поля в пастбища, а их самих либо истребляли, либо ставили в зависимость. И т.д. и т.п.

Может быть, самым страшным по своим масштабам и последствиям было монгольское нашествие на страны Азии и Европы, начатое Чингис-ханом. Оно было открыто в 1205 г. походами на тангутское государство Си Ся и чжурчжэньское государство Дзинь на территории Северного Китая, прекратившие свое существование соответственно в 1227 и 1234 годах. Тогда же было подчинено корейское государство Коре, а до этого, в 1218 г. под власть монголов подпал восточный Туркестан. 3 года спустя были завоеваны Мавераннахр и Хорезм, после чего началось вторжение в Афганистан и Индию. В 1236 г. был захвачен Кавказ, в 1243 г. - государство Сельджукидов в Малой Азии, в 1258 г. пала столица халифата Аббасидов Багдад. Уже в 1223 г. монголы впервые появились в южнорусских степях, а с 1237 г. началось планомерное вторжение в Восточную Европу - Поволжье, русские земли, Польшу, Венгрию, Чехию, Молдавию, Валахию, Трансильванию. На западе монгольское нашествие захлебнулось в 1242 г. у берегов Адриатики, на Востоке же оно продолжалось до конца века: была окончательно покорена Корея, весь Китай, в котором воцарилась монгольская династия Юань, предприняты походы в государства Юно-Восточной Азии и даже сделана попытка овладеть Суматрой и Явой.

В разных странах нашествие имело и разные, и сходные результаты. Некоторые государства, как Си Ся, были вообще стерты

с лица Земли вместе с населением, городами и селениями и почти всеми памятниками культуры. В других, как в каганатах Восточного Туркестана, в Азербайджане, Иране или Афганистане, была разрушена ирригационная сеть и орошаемые земли превращены в пастбища, передававшиеся в распоряжение монгольских и тюркских кочевников (например, Хазараджат в Афганистане или Кайтаг в Дагестане). Почти повсеместно разрушались и сжигались города: только в одном Северном Китае в 1213 г. их число достигло почти ста. Завоевание повсеместно сопровождалось чудовищным обезлюдением: в том же Северном Китае население сократилось в девять раз, в Южном Китае - более чем вдвое, в Иране, по приблизительной оценке, - в несколько раз (Петрушевский, 1960. С.39-40).

Рубрук, побывав в Семиречье, отметил исчезновение здесь большого количества городов, упадок земледелия, превращение культивируемых земель в пастбища для кочевников (Путешествия..., 1957. С.126). Плано Карпини, посетивший Русь вскоре после татаро-монгольского нашествия, сообщал, что Киев, раньше большой и многолюдный, "сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех... держат в самом тяжелом рабстве"; вообще же, завоеватели "сражениями опустошили всю Руссию" (Там же. С.46-47). Точно так же почти повсеместно уцелевшие уводились в рабство, подвергались грабежу, а затем жесточайшей даннической или податной эксплуатации. Общими результатами были оживление кочевнического сектора экономики за счет сокращения оседло-земледельческого сектора, опустошение и вымирание целых районов, усиление зависимости и эксплуатации непосредственных производителей.

И.П.Петрушевский (1960. С.31) считал, что завоевания Чингисхана во многом отличались от других опустошительных нашествий средневековых кочевников. Это были не стихийные разрушения и жестокости, а организованное массовое истребление мирного населения, уничтожение земледельческой цивилизации, проводимая сверху система продуманного террора. Целенаправленность татаро-монгольских массовых убийств и проводимого ими террора отмечал и Маркс (1989. С.5). Вероятно здесь все же не было принципиального отличия монголов от большинства других кочевников. Как мы видели, многие домонгольские кочевники сознательно проводили ту же политику. Просто сказывались масштабы возглавляемых монголами завоеваний и военно-административная упорядоченность чингисовской державы.

Нашествие другого великого завоевателя восточного Средневековья - Тамерлана не было чисто кочевническим. Хотя и вырос-

ший в среде кочевой молодежи, с которой он ходил в набеги, Тамерлан был оседлым правителем, да и политика его была направлена прежде всего на объединение и феодальную эксплуатацию Средней Азии и Ирана. Но в его войсках кочевники составляли, по оценке А.Ю.Якубовского, не менее половины воинов, и не только войсковая организация, но и сам откровенно грабительский характер походов на Азербайджан, Переднюю Азию, Индию и Китай продолжали худшие традиции Чингис-хана (Якубовский, 1946. С.68).

Не были чисто кочевническими и арабские завоевания VII-VIII веков. Во главе их стояли выходцы из оседлой среды, что же касается рядовых участников завоевательных походов, то сообщения о соотношении среди них оседлых жителей и кочевников противоречивы (см., например: Donner, 1981. С.193). В настоящее время преобладает мнение, что ранние арабские завоевания не сопровождались широкой экспатриацией бедуинов Аравии и распространением ими кочевого образа жизни (Большаков, 1982. С.156 сл.; Видясова, 1987. С.57 сл.). В то же время исследователи сходятся в том, что в завоевания с самого начала были вовлечены бедуинские племена. По-видимому, эта вовлеченность нередко бывала очень широкой. Так, уже в первом из походов, предпринятом в 633 г. против сасанидских владений в Ираке, насчитывалось всего 2 тыс. оседлых хиджазцев, к которым по дороге примкнули еще 8 тыс. жаждавших добычи кочевников (Donner, 1981. С.179; Большаков, 1989. С.212). Несколько лет спустя, при завоевании Египта "Амр написал всем племенам, чтобы они пасли животных и доили их, где им понравится". Далее в том же источнике приводится обширный перечень селений и городов, где были устроены пастбища (Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам, 1935. С.162). Еще через несколько лет при вторжении в Северную Африку были не только захвачены пастбища многих берберских племен, но и обращены в пастбища значительные массивы обрабатываемых земель (Julien, 1956в. С.145). Как Чингис-хан завоевателям-монголам, а Огуз-хан тюркам, так и халиф Умар запретил арабам заниматься на чужбине земледелием, чтобы не отвлекаться от походов (Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам, 1985. С.180-181).

К тому же надо учесть, что помимо арабских завоеваний первых веков хиджры (630-е годы - Сирия и Палестина, 640-е годы - Египет, Иран, Северная Африка, с начала VIII в. - Закавказье, Дагестан, Средняя Азия) были и последующие, бесспорно, имевшие характер кочевнических нашествий. Так, в XI в. из Аравии через Верхний Египет в Магриб устремилась бедуинская соплеменность бану хилляль, вторжение которой, уподобленное Ибн

Халдуном налету "тучи саранчи", получило в арабистике название "хиляльской катастрофы". И действительно, в результате этого вторжения и последующего нашествия соплеменности бану сулейм, а также экспансии вовлеченных ими в свое движение берберских кочевых племен и перехода к кочевничеству части оседлых берберов на протяжении XI-XV веков происходила широкая бедуинизация Магриба. Повсеместно наблюдались ухудшение культурных ландшафтов, разрушение ирригационной системы, дезурбанизация, демографическая стагнация, переходящая в депопуляцию, архаизация общественных отношений - словом, общий социально-экономический регресс (Видясова, 1987. С.99 сл.).

Таким образом, последствия по крайней мере части арабских завоеваний во многом были такими же, что и других аналогичных нашествий. Как и тюрко-монгольские вторжения, они расширили кочевой сектор экономики, что с несомненностью засвидетельствовано для Египта, Магриба, Ирана, Средней Азии, и уже одним этим сыграли роль "механизма торможения". В то же время арабское нашествие не сопровождалось таким массовым истреблением завоеванного населения и зверским террором, которые были характерны, скажем, для нашествий Чингис-хана или Тамерлана. Тем не менее нередко бывало, что при захвате оказавших сопротивление крепостей воины истреблялись, а остальные обращались в рабство, хотя более всего это касалось самого арабского населения, отказавшегося принять ислам (Большаков, 1989. С.216, 221). С большой жесткостью подавлялись восстания, из-за чего некоторые арабские военачальники, как, например, Саид ибн Амр ал-Харашши даже прославились своими зверствами. Походы часто сопровождались разгромом городов и разорением их сельских округ, грабежами, обложении населения тяжелой контрибуцией или данью. Да и позднее, с упорядочением в завоеванных странах налоговой системы поземельная подать-харадж и подушный налог-джизья, которые должны были платить немусульмане, значительное время нелегким бременем ложились на покоренное население. Кроме того, какая-то часть этого населения отрывалась от производительного труда, включаясь в арабские войска в качестве пехоты и инженерных подразделений (Hill, 1975. С.41). И все же в целом арабское нашествие не имело таких губительных последствий, как гуннское или тюрко-монгольские. По крайней мере население соседних стран Передней Азии, Египта и в своем большинстве Северной Африки по ряду причин быстро ассимилировалось с арабскими племенами и образовало новые арабские народности. Другое дело - Иран, Средняя Азия, Закавказье, восточная часть

Малой Азии. В их истории арабское вторжение оставило тяжкий след, хотя даже здесь оно в какой-то степени компенсировалось включением в мир арабо-мусульманской культуры.

3. Новое время: рах nomadica

Уже к концу средневековья в большинстве регионов Старого Света, граничивших с ареалами кочевого скотоводства, централизованные государства были достаточно сильны, чтобы не только успешно защищать себя от кочевых нашествий, но и, в свою очередь, перейти в фронтальное наступление на кочевой мир. Тем более сделалось это возможным в новое время, когда отставшие в своем развитии области Афразии стали объектом экспансии феодально-абсолютистских или капиталистических держав. Немалую роль в изменении ситуации сыграло также то обстоятельство, что с перемещением после Великих географических открытий многих магистральных торговых путей, а затем и с постепенным развитием новых транспортных средств кочевое скотоводство стало терять прежнее экономическое значение.

Воцарение в Китае в XVII в. маньчжурской династии Цин положило конец остаткам бывшего монгольского могущества. Маньчжуры сперва подчинили восточных монголов, а во второй половине XVIII в. разгромили западно-монгольское (ойратское) Джунгарское ханство, истребив большую часть его населения. Земли восточных монголов образовали Внутреннюю - собственно китайскую и Внешнюю Монголию, управление которой также постепенно передавалось китайским чиновникам, руководствовавшимся имперскими законами. Хотя основным хозяйственным занятием населения по-прежнему оставалось кочевое скотоводство, в степях все больше стала распространяться земледельческая оседлость. Так, в Ордосе в 1880-х годах кочевой быт сделал "значительные уступки" оседанию (Потанин, 1950. С.108), у кобдосских дэрбэтов в начале нашего века практиковалось поливное хлебопашество, которое "не изменило кочевой жизни", но "нормировало кочевание" (Владимирцов, 1911. С.336). Значительно усилившийся с конца XVIII в. контроль цинского Китая над Тибетом также коснулся кочевнических районов в таких его областях, как Кам (Кычанов, Савицкий, 1975. С.111).

Приблизительно тогда же начала распространяться на кочевые народы прочная власть Российского государства. Раньше всего это коснулось ногайцев, уже в XVI в. давших Москве присягу "стеречь пределы России", но по-настоящему покоренных только в

XVIII-XIX веках после ряда карательных экспедиций, насильственных переселений и, наконец, заключительного массового мухаджирства в Турцию (Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988. С.24 сл., 35 сл.). В середине XVII в. в состав России вошли калмыцкие земли, которые затем стали урезаться для русской колонизации, из-за чего часть кочевых племен откочевала в Китай, а часть быстрее вовлеклась в процесс оседания (Народы..., 1964. С.744).

В XVIII в. российское подданство приняли теснимые джунгарами казахи Младшего и Среднего жузов, а в середине следующего столетия - также и Старшего жуза. Хотя после этого казахское кочевое общество далеко не сразу стало "мирной средой", на протяжении всего XIX в. в нем усиливался административный контроль русских властей, и на большей части его территории ускорились темпы седентаризации (Зиманов, 1958. С.23 сл.; Тольбеков, 1971. С.263 сл., 405 сл.). В Средней Азии утвердить свою власть над кочевниками в новое время упорно стремились правители узбекских ханств - Хивы, Бухары и Коканда, но в большинстве случаев им не доставало сил для установления эффективного контроля. Положение изменилось, когда Российская империя, завершив присоединение Казахстана, в 1860-х годах приступила к завоеванию Средней Азии. Образовав на большей части ее территории Туркестанское генерал-губернаторство и установив протекторат над Бухарой и Хивой, русская администрация, может быть, впервые в истории края покончила с вольностью кочевых киргизов, казахов, каракалпаков и туркмен. В результате и здесь в большинстве областей начала сокращаться дальность перекочевков, стал набирать силу процесс перехода к полuosедлому, а затем и оседлому хозяйству (см., например: Абрамзон, 1971. С.72 о киргизах; Марков, 1976. С.212-213 о туркменах).

На Среднем Востоке кочевничество сдавало былые позиции разными путями, разными темпами и в разной мере. У патанов Афганистана и пуштунов Пакистана, по собственному почину оседавших на завоеванных ими или свободных землях по склонам Сулеймановых гор, с позднего средневековья и до новейшего времени количество кочевых племен сократилось не менее чем втрое (Рейонер, 1954. С.42 сл.). У пакистанских белуджей, до XVI в. практиковавших земледелие лишь в самых ограниченных масштабах, к началу XX в. кочевала лишь треть, а к середине века - только шестая часть населения (Пикулин, 1959. С.24, 148). Медленнее сокращалось в том же Пакистане количество кочевых брагуев из-за большей аридности их территории: в 1011 г. у них насчитывалось немногим больше четверти, а в 1931 г. только около половины осев-

ших на землю (Пикулин, 1967. С.58). В Иране также численность кочевников, в частности, племен Фарса к концу нового времени по сравнению со средневековьем сократилось в два-три раза, но в ряде районов они все же оставались основной массой населения. Из-за слабости каджарской династии и сохранявшейся феодальной раздробленности страны ханы кашкайдев, хамсе, луров и бахтиаров либо были не только фактическими, но и официальными наследственными правителями областей, либо соперничали с назначенным Тегераном губернатором. Только с приходом к власти в 1925 г. Реза-шаха центральное правительство, стремясь покончить с независимостью кочевых племен, стало вооруженной рукой переводить их к оседлости и даже разоружать. Однако после отречения в 1941 г. Реза-шаха от престола началось частичное возвращение племен к кочеванию и временное восстановление их политического влияния (Garrod, 1946a. С.40; Garrod, 1946b. С. 298 ff.; Douglas, 1952. С.145; Пикулин, 1959. С.140; Иванов, 1961. С.26 сл.; 35, 46 сл. 90-91, 120 сл.; Трубецкой, 1963. С.160-161, 165, 170).

Наконец, и на Ближнем Востоке закат номадизма в значительной степени определялся политической ситуацией и размерами кочевнических массивов в разных странах этого региона. У рухлой Османской империи хватило сил, чтобы к концу XIX в. подчинить и в основном перевести к оседлости остатки тюркских кочевников - юрюков и туркмен собственно Турции (Еремеев, 1963. С.66). Не она была не в состоянии установить сколько-нибудь эффективный контроль над обширными землями арабских и берберских номадов. К этому предпринимались лишь отдельные попытки, например, багдадскими пашами, несколько раз почти безуспешно пробовавшими посадить на землю наиболее непокорные бедуйские племена (Адамов, 1905. С.6). Не имели возможности установить прочную власть над кочевниками также фактические правители-беи захваченных турками стран Северной Африки или сохранившие независимость султаны Марокко и эмиры Аравии. В Марокко, например, районы кочевого скотоводства, в отличие от районов оседлого земледелия, получили название бияд ас-сиба (страна мятежа). Положение стало меняться только в середине XIX и главным образом в первой трети XX в. Колониальный захват Алжира и Туниса, а позднее Марокко и Ливии поначалу ограничивался их прибрежной полосой, но постепенно европейские войска, снабженные новейшей техникой, проникали в глубинные районы и истребляли или приводили к покорности целые племена. Подобным же образом и с теми же результатами действовали после 1-ой мировой войны мандатные власти в Сирии, Трансиорда-

нии и Ираке. В одной лишь Аравии подчинение бедуинов и их частичной перевод к оседлости были (достигнуты не только огнем и мечем, но и с помощью религиозной пропаганды. Возобновившееся в самом начале XX в. феодальное объединение северных и центральных областей полуострова под властью Саудидов было облечено в форму тавхида (ваххабизма), в число требований которого в 1910-х годах вошли разрыв традиционных родоплеменных связей и поселение в земледельческо-скотоводческих колониях-хиджрах (подробнее см.: Першиц, 1961. С.209 сл.; Васильев, 1982. С.252 сл.). К 1930-х годам в Саудовской Аравии, этом едва ли не последнем оплоте массового номадизма, еще насчитывалось, по различным оценкам, от двух пятых до двух третей кочевого населения, но теперь все оно было разоружено и послушно центральному правительству (Першиц, 1961. С.47, 220).

С ваххабитским движением 1920-х годов связана попытка последнего кочевнического завоевания, впрочем, ограниченная по масштабам и неудачная. Некоторые принявшие новое вероучение бедуинские шейхи и их соплеменники, страдая от последствий кризиса скотоводческого хозяйства и запрещения грабительских набегов, требовали продолжения собирания арабских земель за пределами Аравии и самовольно предприняли ряд военных рейдов в сопредельные арабские страны. Это одновременно было и бедуинским восстанием против власти Ибн Сауда, подавленное в 1930 г. королевскими войсками (Rihani, 1928. С.192; Dickson, 1951. С.347 ff.; Dickson, 1956. С.285 ff.).

Разумеется, процессы оседания номадов или их включения в оседло-кочевнические общности в качестве подчиненной стороны шли и в древности, и в средние века (см., например: Julin, 1956. С.97; Бартольд, 1963. Т.I. С.382; Петрушевский, 1940. С.312; Рейснер, 1954. С.55, 63). Но если иметь в виду общую тенденцию, то нельзя не согласиться с уже выдвинутым рядом исследователей положением: средневековое было временем продолжавшейся номадизации, новое время стало временем седентаризации основной массы номадов и политического поглощения тех из них, кто еще сохранил кочевой образ жизни (Planhol, 1968; Хазанов, 1975; Видясова, 1987; и др.).

4. Общие выводы

Итак, какую же роль сыграли кочевники своей военной и мирной деятельностью в историческом процессе?

Не вызывает сомнений позитивные последствия таких аспектов мирной активности кочевников, как освоение степей и общественное разделение труда, развитие межконтинентальных торговых связей и посредничество в культурном обмене. Можно думать, что возникновение не только скотоводства, но и его широко распространенного в древности и в средние века кочевого типа явилось одной из причин исторического опережения Старым Светом Нового Света, а Северной Африкой Тропической Африки.

В то же время оборотная сторона этой активности - грабительские набеги и завоевания кочевников - вплоть до нового времени тормозила развитие тех оседло-земледельческих регионов, по соседству с которыми сложилось кочевое скотоводство. Может быть, сильнее всего в этом отношении пострадал Китай, где два тысячелетия защиты от кочевого мира выработали политику и идеологию изоляционизма, но немногим меньше - другие страны Азии и Северной Африки. В большой степени обескровливалась Восточная Европа и прежде всего русские земли, которые с самого начала контактировали с кочевниками и, по образному выражению Блока,

Держали щит между двух враждебных рас -
Монголов и Европы.

В частности, Русь два с половиной века несла на себе тяжесть татаро-монгольского ига. Известно, что Маркс (1989. С.5), оценивая последствия татаро-монгольских завоеваний на Руси, писал об опустошениях, массовой резне, систематическом терроре, иге, которое не только подавляло, но и оскорбляло и истощало самую душу народа, ставшего его жертвой. Еще экспрессивнее охарактеризовал он (Архив... Т.V. С.221) результаты вторжения кочевников в государство хорезмшахов: "Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети - все летит к черту".

Да и сами кочевнические образования, обогащаясь за счет военной добычи, не имели стимулов для развития производительных сил, оставались застойными экстенсивно-скотоводческими обществами. Правда, когда кочевые племена завоевывали земледельческие области, они обычно переходили к политической жизни. Но при этом исторический прогресс кочевников опять-таки происходил на костях оседлого населения, а образованные ими государства зачастую сметались новыми кочевническими ордами.

В особом положении оказалась Западная Европа. Она подверглась лишь недолговременному нашествию гуннов и, отчасти аваров. Хотя некоторые исследователи считают, что даже это замедлило ее развитие (см., например: Tompson, 1948. С.204-207, 214-215), она все же осталась не истощенной кочевниками. Больше того,

Почти не ощутив на себе военно-грабительской активности кочевников, она, как и другие регионы Старого Света, пожала плоды их мирной хозяйственной и культурной деятельности. Наконец, именно стагнация и отставание многих ослабленных кочевниками цивилизаций Востока к концу средних веков открыли для нее возможности обогащения за счет колониальных и зависимых стран. Разумеется, военная или мирная деятельность кочевников не была единственным фактором темпов исторического процесса и опережающего развития Западной Европы. Но вопрос о значении этого фактора в ряде других - дело особого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам.* 1985. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. М.
- Абрамзон С.М.* 1944. Черты военной организации и техники у киргизов // Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Кирг. фил. АН СССР. Вып.1. Фрунзе.
- Абрамзон С.М.* 1951. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // ТИЭ. Т.14. М.
- Абрамзон С.М.* 1970. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // СЭ. № 6.
- Абрамзон С.М.* 1971. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.
- Аверкиева Ю.П.* 1970. Индейское кочевое общество XVIII-XIX вв. М.
- Агаджанов С.Г.* 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии XI-XIII вв. Ашхабад.
- Агаджанов С.Г.* 1973. Сельджукиды и Туркмения в XI-XII вв. Ашхабад.
- Адамов А.* 1905. Земледелие в Арабском Ираке // Сб. консульских донесений. I. СПб.
- Азимджанова С.А.* 1971. Государство Бабура в Кабуле и Индии. М.
- Андрианов Б.В.* 1985. Неоседлое население мира: Историко-этнографическое исследование. М.
- Аннинский С.А.* 1940. Известия венгерских миссионеров XIII-XVI вв. о татарах в Восточной Европе // Ист. архив. Вып.3.
- Артамонов М.И.* 1962. История хазар. Л.
- Архив К.Маркса и Ф.Энгельса.*
- Ахмедов В.А.* 1965. Государство кочевых узбеков. М.
- Бартольд В.В.* 1963. Сочинения. М.
- Беляев Е.А.* 1965. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М.
- Бернар О.,* 1949. Северная и Западная Африка. М.
- Бернштейн А.Н.* 1951. Очерк истории гуннов. Л.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).* 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1-2. М.-Л.
- Блаватский В.Д.* 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Бланкеннагель.* 1858. Путевые заметки о Хиве в 1793-1794 годах// ВИРГО. Ч.22.
- Боголепов М.* 1907. О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху // Землеведение. Кн.3-4.
- Боголепов М.* 1908. К вопросу о влиянии колебаний климата на некоторые явления народной жизни // Землеведение. Кн.1.
- Большаков О.Г.* 1982. Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V-XV вв. М.
- Большаков О.Г.* 1989. История Халифата. Т.1. Ислам в Аравии. 570-633. М.
- Брегель Ю.Э.* 1961. Хорезмские туркмены. М.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* 1984. Седло и стремя // СЭ. № 6.

- Валиханов Ч.Ч. 1904. Сочинения. СПб.
- Васильев А.М. 1982. История Саудовской Аравии (1745-1973). М.
- Видясова М.Ф. 1987. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.
- Владимирцов Б.Я. 1911. Поездка к ободским дэрбэтам летом 1908 г. // ИИРГО. Ч.46.
- Владимирцов Б.Я. 1934. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л.
- Воробьев В.В. 1903. Астраханские калмыки // РАЖ. № 1.
- Вяткин В.П. 1947. Батыр Срым. М.-Л.
- Гаджиева С.Ж. 1979. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX - начало XX в. М.
- Гайдукевич В.Ф. 1955. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л.
- Гаудио А. 1985. Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. М.
- Гегель И. 1935. Философия истории // Соч. Т.8. М.-Л.
- Гейер И.И. 1894. Голод и колонизация в Сырдарьинской области // Сб. мат. для статистики Сырдарьинской обл. Т.2. Ташкент
- Гордлевский В.А. 1941. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л.
- Гордлевский В.А. 1947. Что такое "босый волк" (К толкованию) Слова о полку Игореве" // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. Т.6. Вып.4.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. Золотая орда и ее падение. М.-Л.
- Григорьев В.В. 1875. Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. Ч.178. № 3-4.
- Григорьев В.Ю. 1904. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири // Зап. Красноярского подотдела Вост. Сиб. отдела Импер. Русск. геогр. общ-ва по статистике. Т.1. Вып.1.
- Голстунский К.Ф. 1880. Ойратские законы 1640 г. СПб.
- Гродеков Н.И. 1883. Война в Туркмении в 1880-1881 годах. Т.1-4. СПб.
- Гродеков Н.И. 1889. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. Т.1. Юридический быт. Ташкент.
- Гумилев Л.Н. 1960. Хунну. М.
- Гумилев Л.Н. 1961. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Мат. по этнографии. Вып.1. Л.
- Гумилев Л.Н. 1966а. Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии // НАА. № 4
- Гумилев Л.Н. 1966б. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос). IV. // Вестн. Ленинград. ун-та. № 6. Сер. геологии и географии. Вып.3.
- Гумилев Л.Н. 1966в. Гетерогенность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос). V. // Вестн. Ленинград. ун-та. № 18. Сер. геологии и географии. Вып.3.
- Гумилев Л.Я. 1967а. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // ИСССР. № 1
- Гумилев Л.Н. 1967б. Древние тюрки. М.

- Гумилев Л.Н. 1970. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // НАА. № 1.
- Гурлянд Я.И. 1904. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столет. // Изв. общ-ва археол., ист. и этногр. при Имп. Казан. ун-те. Т.20. Вып.4-5.
- Давлетшин 1899. Отчет о командировке в Хиджаз. СПб.
- Давыдов А.Д. 1969. Афганская деревня (Сельская община и расслоение крестьянства). М.
- Дигар Ж.-П. 1989. Отношение между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Добромыслов А.И. 1900. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734. Т.1. Оренбург.
- Д'Оссон К. 1937. История монголов. От Чингиз-хана до Тамерлана. Т.1. Иркутск.
- Дурдыев М.В. 1970. Пограничные и охранные отряды у туркмен Ахала в конце XIX - начале XX в. // Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук. № 3.
- Ермеев Д.Е. 1963. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории // Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М.-Л.
- Ермолов Л.Г. 1987. Сложносоставной монгольский лук // СМАЭ. 61. Л.
- Жданко Т.А. 1961. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана // СЭ. № 2.
- Жданко Т.А. 1968. Номадизм в Средней Азии и Казахстане: Некоторые исторические и этнографические проблемы // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Завадский-Краснопольский А.К. 1874. Русское царство. Приаральский край. СПб.
- Зиманов С.З. 1958. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата.
- Златкин И.Я. 1971. Концепция истории кочевых народов А.Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. М.
- Иванин М.И. 1878. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар. СПб.
- Иванов П.В. 1936. Очерки истории каракалпаков // Тр. Ин-та востоковедения. Т.7. М.-Л.
- Иванов М.С. 1961. Племена Фарса Кашкайские, хамсе, кужилуйе, мамасани. М.
- Иванов Н.А. 1985. Свободное и податное население Северной Африки в XIV в. // Арабские страны. История. М.
- Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь 1816. // ВЕ. Ч.89.
- Ильясов С.И. 1963. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX - начале XX в. Фрунзе.
- Иранские источники по истории туркмен XIX в. 1938 // Мат. по ист. Т.2. Ашхабад.
- Калиновская К.П. 1989. Скотоводы Восточной Африки в XIX-XX вв. Хозяйство и социальная организация. М.

- Калиновская К.П., Марков Г.Е.* 1983. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вест. Моск. гос. ун-та. Сер.8. История. № 5.
- Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* 1988. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск.
- Капо-Рей Р.* 1958. Французская Северная Африка. М.
- Ковалевская В.Б.* 1977. Конь и всадник. Пути и судьбы. М.
- Козин С.А.* 1941. Сокровенное сказание. М.-Л.
- Козлов П.К.* 1947. Монголия и Кам. М.
- Константин Багрянородный.* 1934. Об управлении государством // ИГАИМК. Вып.91.
- Крадин Н.И.* 1990а. Экзополитарный способ эксплуатации в обществах кочевников // Проблемы историч. интерпретации археол. и этногр. источников Западной Сибири. Тез. докл. регион. конф. Томск.
- Крадин Н.И.* 1990б. Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и их роль в изучении средневекового Дальнего Востока). Авт. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.
- Кржижицкий Л.* 1896. Антропология. СПб.
- Кун В.Н.* 1947. Черты военной организации средневековых кочевых народов Ср. Азии // Уч. зап. Ташк. пед. ин-та. Сер. общ. наук. Вып.1. Ташкент.
- Куник А., Ровен В.* 1878. Известия Ал-Бекри и других древних авторов о Руси и славянах. Ч.1. СПб.
- Кычанов В.И., Савицкий Л.С.* 1975. Люди и боги страны снегов: Очерк истории Тибета и его культуры. М.
- Латышев В.В.* 1893. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1. СПб.
- Лашук Л.П.* 1967. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. № 4.
- Левшин А.* 1832. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей. Ч.1-3. СПб.
- Лессар П.М.* 1884. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб.
- Липец Р.С.* 1984. Образы батыра и коня в тюрко-монгольском эпосе. М.
- Литачев Д.С.* 1994. Культура как целостная система // Новый мир. № 8.
- Майский И.М.* 1959. Монголия накануне революции. М.
- Майский И.М.* 1982. Чингис-хан // ВИ. № 5.
- Мак-Гэхан.* 1875. - Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М.
- Маргулан А.Х.* 1950. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата.
- Марков Г.Е.* 1958. Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX - начале XX в. // Вестн. Моск. гос. ун-та. Ист.-филол. сер. № 4.
- Марков Г.Е.* 1971. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // СЭ. № 1.
- Марков Г.Е.* 1976. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.
- Маркс К.* 1989. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // ВИ. № 4.

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е.
- Мартынов А.С. 1970. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи. М.
- Материалы по казахскому обычному праву. 1948. Сб.1. Алма-ата.
- Мейендорф Е.К. 1975. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.
- Мункуев Н.Ц. 1965. К вопросу об экономическом положении Монголии и Китая в XIII-XIV вв. // Кр. сообщ. Ин-та народов Азии. Вып.76.
- Мурзаев Э.М. 1952. Монгольская Народная Республика. М.
- Народы Европейской части СССР. 1964. Т.2. М.
- Народы Средней Азии и Казахстана. 1963. Т.2. М.
- Небоельсин П. 1852. Очерки быта калмыков // Библиотека для чтения. № 6.
- Негря Л.В. 1981. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V-VII вв. М.
- Никифоров А.В. 1974. Проблемы кочевого населения Сомали // Уч. зап. советско-сомалийской экспедиции. М.
- Оразов А. 1962. Некоторые вопросы скотоводческого хозяйства в северо-западной Туркмении // Тр. Ин-та ист., археол. и этногр. АН ТССР. Т.6. Ашхабад.
- Оразов А. 1964. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении. М.
- Паллас П.С. 1773. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т.1-2. СПб.
- Пашуто В.Т. 1962. Истоки немецкой неонацистской концепции истории России // ВИ. № 10.
- Периц А.И. 1961. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX - первой трети XX в.: Историко-этнографические очерки // ТИЭ. Т.69. М.
- Периц А.И. 1968. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.
- Периц А.И. 1971. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время. Авт. дис., докт. ист. наук. М.
- Периц А.И. 1973а. К вопросу о саунных отношениях // Основные проблемы африканистики. М.
- Периц А.И. 1973б. Данничество // IX Межд. конгресс этногр. и антропол. наук. Доклады советской делегации. М.
- Периц А.И. 1976. Некоторые особенности классового образования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М.
- Периц А.И. 1986. Война // Социально-экономические отношения и социально-нормативная культура. М.
- Периц А.И., Хазанов А.М. 1979. Община у кочевых скотоводов // НАА. № 2.
- Петрушевский И.П. 1949. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XIX в. Л.
- Петрушевский И.П. 1952. Рашид ад-дин и его исторический труд // Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М. - Л.

- Петрушевский И.П.* 1960. Земледелие и аграрные отношения в Ираке в XIII - XIV вв. М.-Л.
- Петрушевский И.П.* 1963. Предисловие // Бартольд В.В. Сочинения. Т.1. М.
- Петрушевский И.П.* 1970. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Пигулевская Н.В.* 1964. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. М. - Л.
- Пиков Г.Г.* 1983. Организация военного дела в государстве кара-киданей // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. Вып.1. Новосибирск
- Пикулин М.Г.* 1959. Белуджи. М.
- Пикулин М.Г.* 1967. Брагуи. М.
- Пикулин М.Г.* 1970. Чингисхан в Афганистане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Пиотровский Б.Б.* 1973. Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства // Конференция "Возникновение раннеклассового общества". Тез. докладов. М.
- Пиотровский М.Б.* 1977. Предание о хилбаритском царе Ассате ал-Камиле. М.
- Плетнева С.А.* 1958. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.
- Плетнева С.А.* 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
- Плетнева С.А.* 1986. Хазары. М.
- Позднеев А.* 1894. Поездка по Монголии в 1892-1893 годах // ИИРГО. Т.30. Вып.2.
- Полное собрание русских летописей.* 1962. М.
- Потанин Г.Н.* 1883. Очерки Северо-западной Монголии. Вып.4. СПб.
- Потанин Г.Н.* 1950. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М.
- Потапов Л.П.* 1955. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. № 6.
- Пржевальский Н.* 1875. Монголия и страна тангутов. Т.1. СПб.
- Прошлое Казахстана в источниках и материалах.* 1935. М.
- Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука.* 1957. М.
- Ратцель Ф.* 1902. Народоведение. Т.1-2. СПб.
- Рашид ад-дин.* 1952. Сборник летописей. Т.1. Кн.1-2. М. - Л.
- Рейснер И.М.* 1954. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.
- Реклю Ж.* 1906. Человек и Земля. Т.1. СПб.
- Рерих Ю.Н.* 1907. Избранные труды. М.
- Роборовский В.И.* 1898. Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию в 1893-1895 годах // ИИРГО. Т.34. Вып.1.
- Росляков А.А.* 1955. Аламаты // СЭ. № 2.
- Руденко С.И.* 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географич. общ. СССР. Мат. по этнографии. Ч.1. Л.
- Рычков Н.* 1772. Дневные записки путешествия в киргиз-кайчацкой степи в 1771 г. СПб.

- Рязановский В.А. 1923. Обычное право монгольских племен. Ч.1. Обычное право монголов // Вестн. Азии № 51. Харбин.
- Савинов Д.Г. 1989. Взаимодействие кочевых обществ и оседлых цивилизаций в эпоху раннего средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Семенов А.А. 1911. Средняя Азия. М.
- Семенов А.А. 1940. Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI в. // Изв. Узб. фил. АН СССР. № 12.
- Семенов П. 1865. Каракалпаки // Географо-статистич. словарь Российской империи. Т.2. СПб.
- Семенов Ю.И. 1963. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.
- Семенюк Г.И. 1959. Рабство в Казахстане в XV-XIX вв. // Тр. Ин-та ист., археол. и этногр. АН Каз.ССР. Т.6.
- Семенюк Г.И. 1969. О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен и народов: На материалах Казахстана // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.
- Симаков Г.П. 1978. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов // СЭ. № 6.
- Смирнов К.Ф. 1964. Савроматы. М.
- Смит А., 1935. Исследование о природе и причинах богатства народов. Ч.1-2 М - Л.
- Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081-1118). 1859. Ч.1. СПб.
- Сулейменов Р.Б. 1989. Формационная природа кочевого общества: Проблема и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Танышпаев М.Т. 1927. Ах-Табан-шубрынды (Великие бедствия и великие победы казахов) // В.В.Бартольд - туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент.
- Таскин В.С. 1968а. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М.
- Таскин В.С. 1968б. Материалы по истории сюнну: По китайским источникам. Вып.1. М.
- Таскин В.С. 1973. Материалы по истории сюнну: По китайским источникам. Вып.2. М.
- Таскин В.С. 1984. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху М.
- Таскин В.С. 1989. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. М.
- Тереножкин А.И. 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев
- Тизенгаузен В. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб.
- Тизенгаузен В. 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. М - Л

- Тихвинский С.Л.* 1970. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Толстов С.П.* 1934. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // ИГАИМК. Вып.103.
- Толстов С.П.* 1948. Древний Хорезм. М.
- Толыбеков С.Е.* 1955. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов // ВИ. № 1.
- Толыбеков С.Е.* 1959. Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX веках. Алма-Ата.
- Толыбеков С.Е.* 1971. Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века. Алма-Ата.
- Трубецкой В.В.* 1963. Бахтиары: Расселение, хозяйство, общественные отношения // Этнические отношения и состав населения в странах Передней Азии. М. - Л.
- Трубецкой В.В.* 1960. Бахтиары: Оседло-кочевые племена Ирана. М.
- Тутковский П.А.* 1915. Географические причины нашествий варваров // Киевские универс. изв. № 7.
- Федоров-Давыдов Г.А.* 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.* 1973. Общественный строй Золотой орды. М.
- Французов С.А.* 1990. Социально-политическая история Хадраута в раннее средневековье. Авт... канд. ист. наук. Л.
- Хазанов А.М.* 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Хазанов А.М.* 1975. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.
- Хазанов А.М.* 1976. Роль рабства в процессах классовообразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. М.
- Харузин А.Н.* 1889. Киргизы Букеевской орды. Т.1. М.
- Шевченко-Красногорский.* 1910. Туркмены // Азиатская Россия. М.
- Ширендыб В.* 1975. Некоторые вопросы истории земельных отношений в Монголии // История и культура востока Азии. Т.3. Новосибирск
- Шнирельман В.А.* 1980. Происхождение скотоводства: Культурно-историческая проблема. М.
- Штайн Л.* 1981. В черных шатрах бедуинов. М.
- Шурц Г.* 1909. Средняя Азия и Сибирь // История человечества. Т.2. СПб.
- Шуковский А.Ю.* 1946. Тимур // ВИ. № 8-9.
- Ahmed A.G.M.* 1973. Tribal and Sedentary Elites // The Desert and the Sown. Berkeley.
- Asad T.* 1970. The Kababish Arabs: Power, Authority and Consent in a Nomadic Tribe. New York.
- Allsen T.* 1987. Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251-1259. Berkley - London.
- Bacon E.* 1954. Types of Pastoral Nomadism in Central and Southwestern Asia // SJA. V. 10. № 1.
- Barth F.* 1962. Nomadism in the Mountain and Plateau Areas in South West Asia. Paris.

- Barth F.** 1964. Nomads of South Persia. The Basseri Tribe of the Khamseh Confederacy. Oslo.
- Benhazera M.** 1908. Six mois chez les Touareg d'Ahaggar. Alger.
- Bernard A., Lacroix N.** 1906. L'évolution du nomadisme en Algérie. Alger.
- Bissuel H.** 1888. Les Touareg de l'Ouest. Alger.
- Bonte P.** 1977. La guerre dans les sociétés d'éleveurs nomades // Études sur les sociétés de pasteurs nomades. Paris.
- Bosworth C.E.** 1975. Recruitment, Muster and Review in Medieval Islamic Armies // War, Technology and Society in the Middle East. London.
- Boucheman A. de.** 1934. Notes sur la rivalité des deux tribus montonnnières de Syrie: les Mawali et les Hadidiyn // REI. V. 8. Cah. 1.
- Bräunlich E.** 1933. Beiträge zur Gesellschaftsordnung der arabischen Beduinenstämme // Islamica. Bd. 6. № 1.
- Briggs L.G.** 1958. The Living Races of the Sahara Desert. Cambridge.
- Briggs L.G.** 1960. Tribes of the Sahara. Cambridge.
- Brown E.C.** 1920. A History of Persian Literature under Tatar Domination. Cambridge.
- Brückner E.** 1890. Klimaschwankungen seit 1700 nebst Bemerkungen über die Klimashwankungen der Diluvialzeit // Geogr. Abhandl. Bd. 4. № 2.
- Bulliet R.W.** 1975. The Camel and the Wheel. Cambridge.
- Burckhart J.L.** 1831. Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby. Weimar.
- Burton R.F.** 1893. Personal Narrative of a Pilgrimage to al-Madinah and Meccah. V. 1-2. London.
- Butzer K.W.** 1957. Der Umweltfaktor in der grossen arabischen Expansion // Saeculum. Bd. 8.
- Caetani L.** 1911. Studi di storia orientale. Milano.
- Capot-Rey R.** 1953. Le Sahara français. Paris.
- Casinelli C.N., Ekvall R.B.** 1969. A Tibetan Principality: The Political System Of Sa Skya. New York.
- Chambers J.** 1979. The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. London.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.** 1978. The Early State: Theories and Hypotheses // ES.
- Cohen R.** 1978. State Origins: A Reappraisal // ES.
- Cohen Y.A.** 1968. Pastoralism // Man in Adaption. The Cultural Present. Chicago.
- Cole D.P.** 1975. Nomads of the Nomads. The Al Murrah Beduins of the Empty Quarter. Arlington Heights.
- Collins L.J.D.** 1975. The Military Organization and Tactics of the Crimean Tatar, 16th-17th Centuries // War, Technology and Society in the Middle East. London.
- Coon C.S.** 1976. Caravan: The Story of the Middle East. Huntington et al.
- Curtin J.** 1908. The Mongols. London.
- Daghestani Kh.** 1932. Études sociologiques sur la famille musulmane contemporaine en Syrie. Paris.

- Dahl G., Hjort A.** 1976. *Having Herds: Pastoral Herd Growth and Household Economy*. Stockholm.
- Daumas E.** 1845. *Le Sahara Algérien*. Paris.
- Demorgny.** 1913. *Les tribus du Fars* // *Revue du monde musulman*. V. 22. Paris.
- Dickson H.R.P.** 1951. *The Arab of the Desert: A Glimpse into Badawin Life in Kuwait and Sa'udi Arabia*. London.
- Dickson H.R.P.**, 1956. *Kuwait and Her Neighbours*. London.
- Digard J.-P.** 1973. *Contraintes techniques de l'élevage sur l'organisation des sociétés de pasteurs nomades: documents perspectives de travail* // *Études sur les sociétés de pasteurs nomades*. 1. Paris.
- Digar J.-P.** 1983. *Problèmes de terminologie et de typologie des déplacements des nomades* // *Séminaire sur structures d'habitat: circulation et échange, déplacement et séjour*. Paris.
- Donner F.M.** 1981. *The Early Islamic Conquests*. Princeton.
- Doughty Ch.M.** 1888. *Travels in Arabia Deserta*. V. 1-2. Cambridge.
- Douglas W.** 1952. *Strange Land and Friendly People*. London.
- Downs J.F., Ekvall R.B.** 1965. *Animals and Social Types in the Exploitation of the Tibetan Plateau* // *Man, Culture and Animals*. Denver.
- Duveyrier H.** 1864. *Zes Touareg du Nord*. Paris.
- Ekvall R.B.** 1961. *The Nomadic Pattern of Living among the Tibetans as Preparation of War* // *AA*. V. 63. № 6.
- Ekvall R.B.** 1964. *Peace and War among the Tibetan Nomads* // *AA*. V. 66. № 5.
- Ekval R.** 1968. *Fields on the Hoof: Nexus of Tibetan Nomadic Pastoralism*. New York.
- El-Aref A.** 1938. *Die Beduinen von Beerseba*. Luzern.
- Evans-Pritchard E.E.** 1949. *The Senusi of Cyrenaica*. Oxford.
- Ferdinand K.** 1969. *Nomadism in Afganistan* // *Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien*. Budapest.
- Fernea R.A.** 1970. *Shaykh and Effendi: Changing Patterns of Authority among the El Shabana of Southern Iran*. Cambridge.
- Fletcher J.** 1986. *The Mongols: Ecological and Sosial Perspectives* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. V. 46.
- Foureau F.** 1905. *Documents scientifiques de la mission saharienne*. Fasc. 3. Paris.
- Garrod O.** 1946a. *The Nomadic Tribes of Persia Today* // *JRCAS*. V. 33. Pt. 1.
- Garrod O.** 1946b. *The Qashqai Tribe of Fars* // *JRCAS*. V. 33. Pt. 3-4.
- Garthwaite G.R.** 1983. *Tribe, Confederation and the State: An Historical Overview of the Bakhtiari and Iran* // *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afganistan*. London.
- Goldshmidt W.** 1968. *Theoty and Strategy in the Stady of Cultural Adaptability* // *Man in Adaption. The Cultural Present*. Chicago.
- Goody J.** 1971. *Technology, Tradition and the State in Africa*. London.
- Grant Ch.Ph.** 1937. *The Syrian Desert*. London.
- Grousset R.** 1939. *L'empire des steppes, Attila, Gengis-Khan, Tamerlan*. Paris.
- Guarmani C.** 1938. *Northern Najd*. London.
- Hardy M.J.L.** 1963. *Blood Feuds and Payment of Blood Money in the Middle East*. Leiden.

- Hess J.J. 1938. Von den Beduinen inneren Arabiens: Erzählungen, Lieder, Sitten und Gebräuche. Zürich et al.
- Hill D.R. 1975. The Role of the Camel and the Horse in the Early Arab Conquest // War, Technology and Society in the Middle East. London.
- Hitti Ph.K. 1956. History of the Arabs. London.
- Howorth H.H. 1896. History of the Mongols. Pt. 1. London.
- Huber Ch. 1891. Journal d'un voyage en Arabie (1883-1884). Paris.
- Huttman A.V. 1951. The Administrative and Social Structure of Afghan Life // JRCAS. V. 38. Pt. 1.
- Huntington E. 1924. Civilization and Climate. New Haven et al.
- Huntington E. 1940. Principles of Human Geography. New York.
- Ibn Khaldoun. 1958. Prolégomènes. Paris.
- Irons W. 1974. Nomadism as Political Adoption: The Case of Yomut Turkmen // AE. V. 1. № 4.
- Irons W. 1979. Political Stratification among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. Cambridge.
- Jacob G. 1897. Alterabisches Beduinenleben. Berlin.
- Jagchid S., Symons V.J. 1989. Peace, War and Trade along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction through two Millennia. Bloomington.
- Jamali M.F. 1934. The New Iraq: Its Problem of Bedouin Education. New York.
- Jaussen A. 1908. Coutumes des Arabes an pays de Moab. Paris.
- Jaussen, Savignac. 1914. Coutumes des Fuqâra. Mission archeologique en Arabie. Paris.
- Jettmar K. 1966. Die Entstehung der Reitnomaden // Saeculum. Bd. 17.
- Johnson D.L. 1969. The Nature of Nomadism: A Comparative Study of Pastoral Migration in Southwestern Asia and Northern Africa. Chicago.
- Julien Ch.-A. 1956a. Histoire de l'Afrique du Nord. Tunisie-Algerie-Maroc. Des origines à la conquête arabe (647 Ap. J.-C.). Paris.
- Julien Ch.-A. 1956b. Histoire de l'Afrique du Nord. Tunisie-Algerie-Maroc. De la conquête arabe à 1830. Paris.
- Khazanov A.M. 1980. The Origin of the Genghiz Khan's State: An Antropological Approach // Etnografia Polska. 24. Z. 1.
- Khazanov A.M. 1984. Nomads and the Outside World. Cambridge etc.
- Koch K.-F. 1974. The Antropology of Warfare. Addison-Wesley.
- Krader L. 1963. Social Organization of the Mongol-Turkkic Pastoral Nomads. The Hague.
- Krader L. 1978. The Origin of the State among the Nomads of Asia // ES.
- Lambton A.K.S. 1977. The Tribal Resurgance the Decline of the Bureaucracy in Eighteenth Centure Persia // Studies in Eighteenth Century Islamic History. Carbondale.
- Lammens H. 1928. L'Arabie occidentale avant l'Hégire. Beyrouth.
- Lattimore O. 1951. Inner Asian Frontiers of China. New York.
- Lawrence T.E. 1935. Seven Pillars of Wisdom. London.
- Lewis I.M. 1955. Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Soho. London.
- Lewis I.M. 1961. A Pastoral Democracy: A Study of Pastoralism and Politics among the Northern Somali of the Horn of Africa. London.

- Lhote H.** 1951. La chasse chez les Touaregs. Paris.
- Lhote H.** 1953. Le cheval et le chameau dans les peintures et gravures repestres du Sahara // Bull. de l'Institut Français de l'Afrique Noire. V. 15.
- Lhote H.** 1955. Les Touareg du Hoggar (Ahaggar). Paris.
- Mishkin B.** 1940. Rank and Warfare among the Plains Indians. New York.
- Montagne R.** 1932. Notes sur la vie sociale et politique de l'Arabie du Nord: les Sammar du Nejd // REI. Cah. 1.
- Montagne R.** 1936. Contes poétiques bedouins. Cairo.
- Montague R.** 1947. La civilisation du désert. Nomades d'Orient et d'Afrique. Paris.
- Morgan D.** 1986. The Mongols. New York.
- Musil A.** 1908. Arabia Petraea. Bd. 3. Ethnologischer Reisebericht. Wien.
- Musil A.** 1928. The Manners and Customs of the Rwala Beduin. New York.
- Myres J.L.** 1941. Nomadism // JRAI. V. 71. № 1.
- Nettleship M.A.** 1975. Definitions // War, its Causes and Correlates. The Hague et al.
- Nicolaisen J.** 1958. Slavery among the Tuareg in the Sahara: A Preliminary of its Structure // Kuml.
- Nicolaisen J.** 1963. Ecology and Culture of the Pastoral Tuareg: With Particular Reference to the Tuareg of Ahaggar and Air. København.
- Niebuhr C.** 1780. Voyage en Arabie et en d'autres pays d'Orient. V. 1-2. En Suisse.
- Oppenheim M. von.** 1900. Von Mittelmeer zum Persischen Golf. Bd. 2. Berlin.
- Oppenheim M. von.** 1939. Die Beduinen. Bd. 1. Leipzig.
- Oppenheim M. von.** 1940. Die Beduinen. Bd. 2. Leipzig.
- Oppenheim M. von.** 1952. Die Beduinen. Bd. 3. Wiesbaden.
- Otterbein K.F.** 1973. The Anthropology of War // Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago.
- Pastner S.** 1971. Ideological Aspects of Nomad-Sedentary Contact: A Case from Southern Baluchistan // Anthropological Quarterly. № 44.
- Patai R.** 1951. Nomadism: Middle Eastern and Central Asian // SJA. V. 7. № 4.
- Pehrson R. Barth F.** 1966. The Social Organization of the Marri Baluch. New York.
- Peters E.L.** 1967. Some Structural Aspects of the Feud among the Camel Herding Beduin in Cyrenaica // Africa. V. 37. London.
- Philby H.St.-J.B.** 1922. The Heart of Arabia: V.1-2. London.
- Pipes R.** 1955. Muslims of Soviet Central Asia: Trends and Prospects // The Middle East Journal. V. 9. № 2-3. Washington.
- Planhol X.de.** 1968. Les fondements géographiques de l'histoire de l'Islam. Paris.
- Poncet J.** 1967. Le mythe de la catastrophe Hillaïenne // Annales. V. 22.
- Radloff W.** 1893. Aus Sibirien. 1. Leipzig.
- Raswan C.** 1930. Tribal Areas and Migration Lines of the North Arabian Bedouins // GR. V. 20.
- Reihani A.** 1928. Ibn Sa'oud of Arabia. His People and His Land. London.
- Reihani A.** 1930. Around the Coasts of Arabia. London.
- Richardson J.** 1848. Travels in the Great Desert of Sahara in the Years of 1845 and 1846. V. 1-2. London.
- Richthofen F.von.** 1908. Vorlesungen über allgemeine Siedlungs- und Verkehrsgeographie. Berlin.

- Rodd F.J.R.** 1926. People of the Veil. London.
- Rosenfeld H.** 1965. The Social Composition of the Military in the Process of State Formation in the Arabian Desert // JRAI. V. 95. Pt. 1-2.
- Roth E.A.** 1986. The Demographic Study of Pastoral Peoples // Nomadic Peoples. № 20.
- Rousseau J.B.L.** 1909. Voyage de Bagdad à Alep (1808). Paris.
- Rudenco S.J.** 1969. Studien über das Nomadentum // Viehwirtschaft und Hirtenkultur: Ethnographische Studien. Budapest.
- Rutter E.** 1930. The Habitability of the Arabian Desert // GR. V. 76.
- Salzman F.C.** 1978. Te Protostate in Iranian Baluchistan // Origins of the State. Philadelphia.
- Service E.R.** 1975. Origin of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution. New York.
- Silberman L.** 1959. Somali Nomads // International Social Science Journal. V. 11. № 4.
- Spooner B.** 1975. Nomadism in Baluchistan // Pastoralists and Nomads in South Asia. Wiesbaden.
- Stein L.** 1967. Die Šammar-gerba: Beduinen im Übergang von Nomadismus zur Sesshaftigkeit. Berlin.
- Stewart C.C.** 1973. Islam and Social Order in Mauritania: A case Study from the Nineteenth Century. Oxford.
- Sweet L.E.** 1965. Camel Pastoralism in North Arabia and the Minimal Camping Unit // Man, Culture and Animals. Denver.
- Sweet L.E.** 1971. Camel Raiding of North Arabian Beduin: A Mechanism of Ecological Adaptation // Peoples and Cultures of the Middle East. V. 1. Garden City et al.
- Sykes M.** 1907. Journeys in Mesopotamia // GJ. V. 30. № 3.
- Tamisier M.** 1840. Voyage en Arabie. V. 1-2. Paris.
- Tompson E.A.** 1948. A History of Attila the Huns. Oxford.
- Toynbee A.** 1935. A Study of History. V. 3. London.
- Ullens de Schooten. M.T.** 1956. Lords of the Mountains: Southern Persia and the Kashkai Tribe. London.
- Volney C.-F.** 1796. Voyage en Syrie et en Egypte pendant les années 1783, 1784 et 1785. V. 1-2. Paris.
- Wallin G.A.** 1854. Narrative of a Journey from Cairo to Medina and Mecca by Suez, Araba, Tawila, al-Jauf, Jube Hail and Nejd in 1845 // JRGS. V. 24.
- Webster S.** 1973. Native Pastoralism in the South Andes // Ethnology. V. 12. № 2.
- Wellhausen J.** 1893. Die Ehe bei den Arabern // Nachrichten d. Königl. Gesellsch. d. Wissenschaft zu Göttingen. Bd. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЕ	— Вестник Европы
ВИ	— Вопросы истории
ВИРГО	— Вестник Императорского Русского географического общества
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИРГО	— Известия Императорского Русского географического общества
ИСССР	— История СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	— Народы Азии и Африки
РАЖ	— Русский антропологический журнал
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ	— Советская этнография
ТИЭ	— Труды Института этнографии. Новая серия.
АА	— American Anthropologist
АЕ	— American Ethnologist
ES	— Early State. Ed. by H.M.W. Claessen and P. Skalnik. The Hague et al, 1978.
GJ	— Geographical Journal
GR	— Geographical Review
JRAI	— Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland
JRCAS	— Journal of the Royal Central Asian Society
JRGS	— Journal of the Royal Geographical Society
REI	— Revue d'Etudes Islamiques
SJA	— Southwestern Journal of Anthropology

СОДЕРЖАНИЕ

Часть вторая

Ю.И.Семенов

ВОЙНА И МИР В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРЕДКЛАССОВЫХ И РАННИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ 5

I. Предклассовые общества и первое классовое общество - политарное: общая характеристика 7

1. Проблема граней между первобытным,
предклассовым и классовым обществами 7
2. Община в предклассовом обществе 9
3. Эксплуатация человека человеком и ее формы 9
4. Методы эксплуатации 11
5. Помогодоминатный и заемнодоминатный образы
эксплуатации 12
6. Доминантный способ (образ) производства 15
7. Магнатный способ (образ) производства 17
8. Протополитаризм и политаризм 20
9. Редистрибутивный метод эксплуатации и преполитаризм 31
10. Основные варианты раннего предклассового общества 34
11. Пракрестьянское, протодоминомагнатное
и парapolитарно-доминомагнатное общества 35
12. Типы обществ и характер войны 40

II. Война в протополитарном и раннем политарном обществе 41

1. Тробрианцы 41
2. Нгуни (мтетва, ндвандве, темба, нгвааны,
хлуби, батлоква, кумало и др.) 42
3. Баньянколе 52
4. Баганда 53
5. Аканы (ашанти и фанти) 55
6. Баконго 58
7. Вили (лоанго) 64
8. Бакуба 65
9. Балуба 65
10. Мандинги 66
11. Сонгаи 66
12. Йорубы 70
13. Инки 75
14. Ацтеки 81
15. Майя 86
16. Древние египтяне 90
17. Шумеры 96

III. Войны в прочих предклассовых обществах 98

1. Вводные замечания 98
2. Маори 99
3. Ирокезы 102

4. Индейцы центральной полосы степей Северной Америки ...	105
5. Аварцы	106
6. Адыги	106
7. Древние германцы	107
8. Норманны	110
IV. Формы войны и ее роль в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах	114
1. Вводные замечания	114
2. Грабительские войны	115
3. Завоевательно-переселенческие войны	116
4. Завоевательно-покорительные войны	117
5. Роль войны в становлении классового общества	119
Литература	121
Список сокращений	127

Часть третья

А.И.Першиц	
ВОЙНА И МИР НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ. КОЧЕВЫЕ СКОТОВОДЫ	129
I. Введение	131
II. Общая характеристика кочевых обществ	135
1. Хозяйство	135
2. Социальная организация	141
3. Политическое устройство	149
4. Военное дело	154
5. Военизированность быта: некоторые черты психологии и идеологии	161
III. Факторы войны и мира	166
1. Предварительные замечания	166
2. Личная и групповая безопасность	167
3. Движимое имущество	169
4. Земельные владения	172
5. Политическая гегемония	176
6. Причины кочевнических нашествий	181
IV. Виды войны и способы поддержания мира	185
1. Постановка проблемы	185
2. Родовая месть как война	187
3. Грабительские набеги	191
4. Войны	198
5. Механизмы умиротворения	206
V. Военная и мирная деятельность кочевников как факторы исторического процесса	211
1. Вопрос о роли кочевников в истории	211
2. Древность и средние века: <i>bellum nomadicum</i>	215
3. Новое время: <i>paix nomadica</i>	226
4. Общие выводы	229
Литература	232
Список сокращений	245